

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

S/av 3096.5-5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

LAPP-DANILEVSKY
=
OSHERK RAZRIADOV
KREST'ANSKAGO NASELENIIA

Заказ № 1890/g.

Дата 18-VII-

66:

Микросъемка / ЭКЗ. ПОЗИТИВ ЭКЗ.
Фотопечать по ЭКЗ. Формат

Снимать стр.

Все

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Наименование, или
шифр издания

*Отпечаток с изображением
издания*

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. № 3 УПЛ. Зак. 1469-5000 28-4-68

3. 38
т. 67
п. 2
ж. 27

А. Данило-Данилевский.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВНЫХЪ РАЗРЯДОВЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНИЯ ВЪ РОССИИ.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Полиграфия», Большая Покровская, 39.

1905.

5000

12541

А. Лаппо-Данилевской.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ
ГЛАВНЫЙШИХЪ РАЗРЯДОВЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО НАСЕЛЕНИЯ ВЪ РОССИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГъ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подыбинская, 39.
1905.

Slav 3096.5.5

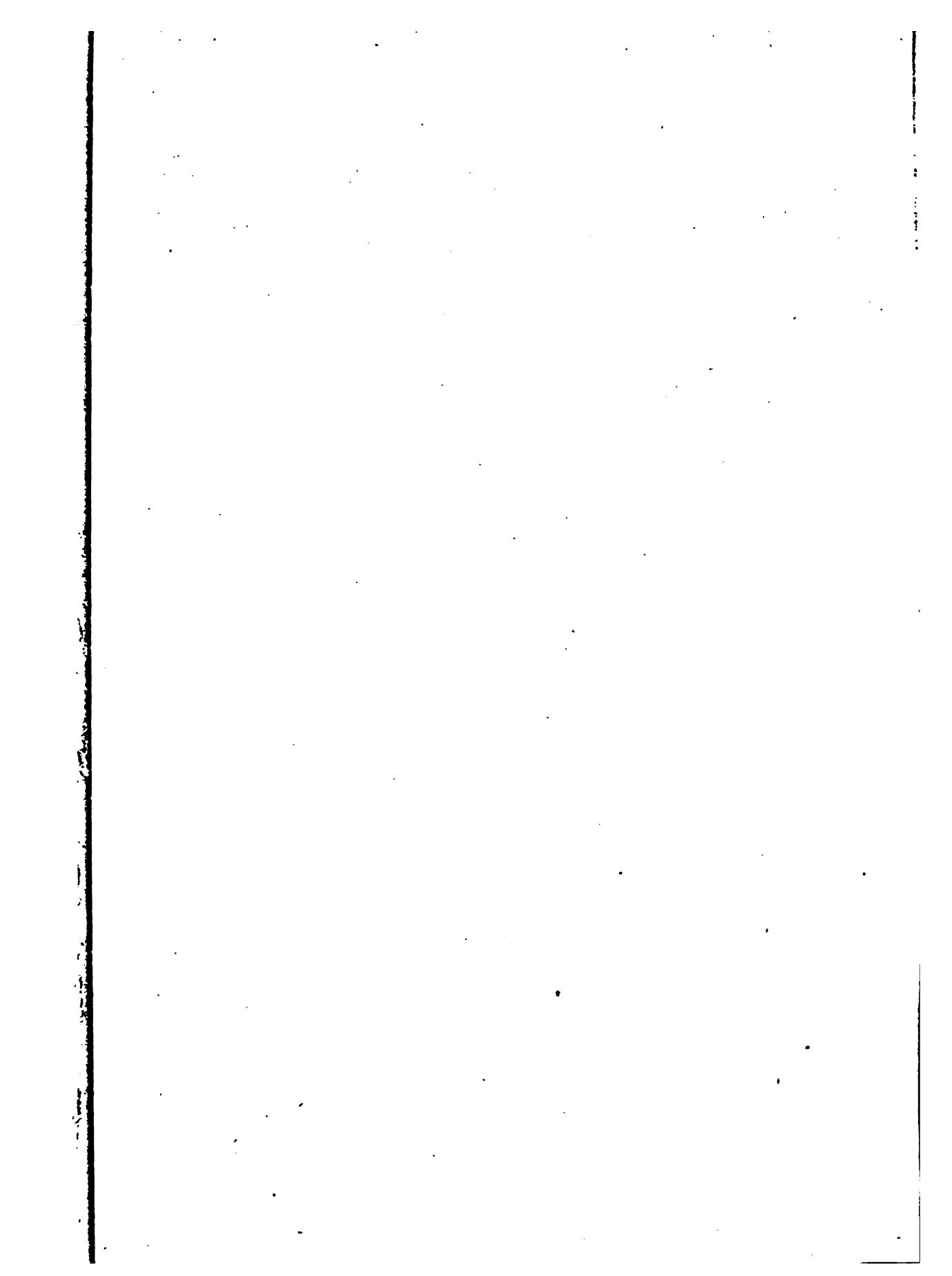

66*2(LP)

Дозволено цензурой, С.-Петербургъ, 6 Мая 1905 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	1 — 2
ГЛАВА ПЕРВАЯ: Важнѣйшие классы сельского населенія древней Руси.	2 — 12
ГЛАВА ВТОРАЯ: Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XIV—XVII вв.	13 — 77
Предварительный замѣчанія	13 — 16
Крестьяне, сидѣвшіе на черныхъ земляхъ	16 — 31
Крестьяне, сидѣвшіе на влагольческихъ земляхъ.	31 — 77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Крестьяне въ Россійской Имперіи XVIII-го вѣка . .	77 — 154
Предварительный замѣчанія	77 — 78
Помѣщичье крестьянство	78 — 134
Государственные крестьяне	134 — 154
Заключеніе	154 — 155
Дополненія и опечатки	156

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россії.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выяснить, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранныя, известна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность постѣдующаго изложенія: въ немъ часто вместо общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдельнымъ примѣрамъ; постѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: изслѣдователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явлений, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ¹⁾. При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

¹⁾ Указанія на главнѣйшие источники можно найти въ дальнѣйшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о бібліографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірская — Будановъ*, Обзоръ исторіи русского права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семёновъ*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также инжеслѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобнаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзѧ считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ бытъ лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлось ограничить область своихъ наблюдений, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіей великорусскихъ крестьянъ, получившей наиболѣшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ; даѣтъ ему бытъ ясно, что главнѣйшия процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, стѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соотвѣтствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по стольку, по скольку бытovыя условія оказывали вліяніе на образование важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принять во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требования исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши иѣсколькихъ явлѣній, аналогичныхъ съ тѣми, которыя характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательнаго образованія тѣхъ группъ населенія, которыя съ течениемъ времени получили наименование государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образованія ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ чатъ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшіе классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задупайскіе славяне не держали пленныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи.

Въ виду того состоянія, въ которомъ находятся источники и литература предмета, трудно въ настоящее время вполнѣ удовлетворительно выяснить, какъ сложились главные классы русскихъ крестьянъ и какимъ образомъ они пріобрѣли сословное значеніе. Многіе источники по исторіи русскихъ крестьянъ, конечно, утрачены; многіе остаются въ рукописяхъ и только часть ихъ, да и то довольно случайно подобранныя, известна въ печати; отсюда пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ даже о важнѣйшихъ явленіяхъ русской крестьянской жизни въ ея прошломъ и отрывочность послѣдующаго изложенія: въ немъ часто вместо общихъ выводовъ приходится прибѣгать къ отдельнымъ примѣрамъ; послѣдніе, впрочемъ, по возможности, приводятся лишь въ качествѣ иллюстрацій, а не исключительныхъ случаевъ. Плохимъ состояніемъ археографіи предмета отчасти объясняются и тѣ разногласія, которыя обнаруживаются въ его литературѣ: исследователи исторіи крестьянъ сильно расходятся въ научномъ объясненіи такихъ крупныхъ явлений, какъ возникновеніе крестьянской общины, прикрѣпленіе крестьянъ, и другихъ¹⁾. При существованіи столь разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ сужденій казалось желательнымъ вве-

¹⁾ Указанія на главнѣйшіе источники можно найти въ дальниѣшихъ ссылкахъ; свѣдѣнія о бібліографіи по исторіи крестьянъ и литературѣ см. въ соч. *М. Ф. Владимірская — Будановъ*, Обзоръ исторіи русского права, изд. 3 (К., 1900 г.), стр. 5—9, 11, 109 и др. и въ соч. *В. И. Семёновъ*, Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II, т. I, изд. 2 (Спб. 1903 г.), стр. 626—637; ср. также инжестѣдующія примѣчанія; тамъ указаны и разногласія ученыхъ по важнѣйшимъ вопросамъ.

сти въ текстъ наиболѣе характерныя свидѣтельства источниковъ, говорящихъ въ пользу того, а не иного мнѣнія; слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ случаяхъ подобаго рода предлагаемые выводы, разумѣется, никакъ нельзѧ считать окончательными.

При такихъ условіяхъ авторъ быть лишенъ возможности приняться за исполненіе поставленной себѣ задачи въ полномъ ея объемѣ. Прежде всего ему пришлося ограничить область своихъ наблюдений, за исключеніемъ развѣ древнѣйшаго періода, преимущественно исторіи великорусскихъ крестьянъ, получившей наиболѣшее значеніе въ послѣдующей нашей исторіи и всего болѣе разработанной въ нашей археографіи и исторической литературѣ: даѣтъ ему быто ясно, что главнѣйшия процессы, вообще характеризующіе исторію русскаго крестьянства, лучше всего отразились въ судьбѣ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, и что, слѣдовательно, удобно сосредоточить изложеніе на исторіи ихъ; наконецъ, ему казалось, что подробное изложеніе бытовой исторіи великорусскихъ крестьянъ едва ли будетъ соотвѣтствовать основной цѣли настоящаго труда и что ее слѣдуетъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ лишь по стольку, по сколько бытovыя условія оказывали вліяніе на образованіе важнѣйшихъ разновидностей крестьянскаго состоянія.

Въ предлагаемомъ очеркѣ древнѣйшій періодъ исторіи сельскаго населенія принять во вниманіе только для того, чтобы въ извѣстной мѣрѣ соблюсти требованія исторической перспективы: въ немъ уже можно указать зародыши нѣсколькихъ явлений, аналогичныхъ съ тѣми, которая характеризуютъ исторію крестьянъ въ позднѣйшее время. Послѣднее естественно распадается на два періода: до окончательного образования тѣхъ группъ населенія, которые съ теченіемъ времени получили наименование государственныхъ и крѣпостныхъ, или помѣщичьихъ крестьянъ, и послѣ образования ихъ; болѣе ранній періодъ обнимаетъ, преимущественно, время съ XIV-го до XVIII-го вѣка; болѣе поздній—послѣдующее время до первыхъ попытокъ крестьянскаго освобожденія въ чарѣ XIX го столѣтія.

I. Важнѣйшия классы сельскаго населенія въ древней Руси.

Въ древнѣйшее время славяне, повидимому, довольно мягко обращались съ своими рабами. Въ самомъ дѣлѣ, судя по византійскимъ извѣстіямъ конца VI-го вѣка, задунайские славяне не держали пленныхъ въ вѣчномъ рабствѣ, но, по истеченіи извѣст-

наго срока, предоставляли имъ возможность или возвратиться къ своимъ, давши окупить, или остаться въ странѣ побѣдителей, по въ качествѣ людей вольныхъ: „руссы“, по свидѣтельству одного изъ арабскихъ писателей IX—X вв., также хорошо обращавшись со своими рабами.

Въ русскомъ обществѣ варяжского периода рабство уже успѣло однако, значительно развитыся: Русская Правда вообще признаетъ раба объектомъ, а не субъектомъ правъ. Впрочемъ, въ томъ же сборнике можно указать иѣсколько отступлений отъ вышеуказанного принципа. Въ числѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ, стѣдуетъ упомянуть о тѣхъ новыхъ культурныхъ началахъ, съ которыми русские люди стали знакомиться во время появленія первопачальной редакціи Русской Правды: институтъ рабства, можетъ быть, не успѣть достигнуть полнаго своего развитія на русской почвѣ постѣ того, какъ здѣсь стало распространяться христіанское ученіе. Вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанскаго міровоззрѣнія и благодаря воздействию церкви, рабство въ древней Руси стало смягчаться: представители ея возвставали противъ порабощенія свободныхъ людей и могликазать вліяніе на появленіе въ позднѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды иѣсколькихъ статей, частью ограничивавшихъ источники рабства, частью устанавливавшихъ. иѣкоторые способы прекращенія рабской зависимости²⁾. Итакъ, слишкомъ малая опредѣленность общественныхъ отношеній и только-что указанныя новые болѣе культурныя условія русской жизни благопріятствовали вмѣстѣ съ тѣмъ зарожденію или развитію въ русскомъ обществѣ цѣлаго ряда переходныхъ состояній, вопреки суровой формулаѣ Прохирона, стаживавшихъ границы между полными холопами и свободнымъ населеніемъ. Благодаря существованію такихъ переходныхъ ступеней, человѣкъ, терявшисъ свободу, могъ превратиться въ полусвободнаго, а не полнаго холопа; но тѣмъ самымъ, съ теченіемъ времени, стало возможнымъ и превращеніе свободнаго крестьянина въ крѣпостнаго человѣка, процессъ, столь пагубно отразившійся на крестьянской волѣ XVI—XVII вв.

¹⁾ G. Krek, Einleitung in die Geschichte der slavischen Literatur, 2-te Aufl. ss. 361, 364: само собою разумѣется, что, на основаніи свидѣтельства Маврикія, нельзя еще говорить о какихъ либо прирожденныхъ свойствахъ славянскаго племени: аналогичное положеніе рабовъ замѣчается и у другихъ мало развитыхъ народовъ, см., напримѣръ, J. Ingiam, History of slavery, Id., 1895, pp. 257, 269, 271.

²⁾ А. Хеольсонъ, Изв. о Хазарахъ и пр. Слб. 1869 г., гл. VI, § 5 (Ибнъ-Даста). Таковы, напримѣръ, Кирилль Туровскій, пр. Серапіонъ и др. Ср. А. Щеповъ, Голосъ древней русской церкви объ улучшении быта несвободныхъ людей, Каз., 1859.

Неопределенность древнерусского общественного строя обнаруживалась и въ отношенияхъ разнообразныхъ свободныхъ состояний другъ къ другу. Дѣйствительно, изъ изученія терминологии, уже въ древности служившей для обозначенія сельского населения, можно вынести впечатлѣніе, что низший слой свободного русского общества, получившій название крестьянъ, долго не представлять рѣзко обособленной сословной группы и что обособленіе его въ значительной мѣрѣ вызвано было позднейшей фискальной политикой русского правительства.

Въ каждомъ родовомъ или семейномъ союзѣ младшіе члены его естественно противополагаются старшимъ; младшіе должны пользоваться меньшимъ значеніемъ, чѣмъ старшіе; въ одной русинской пѣснѣ, напримѣръ, мы читаемъ, какъ „старые люди усыпъ судили“, а „парубочки въ войску служили“. Можно полагать, однако, что родовой бытъ стать разлагаться у русскихъ славянъ, пожалуй, на самой зарѣ ихъ исторіи, частью въ силу внутренняго процесса развитія, частью благодаря колонизации и передвиженіямъ населения, ускорившимъ его ходъ: уже въ древнее время вмѣстѣ съ возрастомъ, да и помимо него, общественное положеніе лица стало, повидимому, опредѣляться фактическими его преимуществами передъ другими: „меньшимъ“ стали называть не только человѣка младшаго по возрасту, но, во многихъ случаяхъ, и менѣе значительнаго, главнымъ образомъ, по имуществу. Такая терминология, по всей вѣроятности въ томъ же смыслѣ, стала вообще примѣняться и къ обозначенію низшаго класса свободного сельского населения. Этотъ выводъ легко сдѣлать путемъ сопоставленія терминовъ: „мужъ“ и „мужикъ“. Въ противоположность „холопамъ“ и въ широкомъ смыслѣ еще Русская Правда называетъ все свободное населеніе „мужами“; естественно было низший слой „мужей“ называть „меньшими“ мужами или „мужиками“. Название, и теперь еще часто употребляемое нами, когда мы говоримъ о крестьянахъ, какъ видно, содержитъ остатки глубокой старины: въ немъ отразилась безсловность русского общества древнейшаго времени ¹⁾.

Аналогичный выводъ можно сдѣлать и относительно термина: „крестьяне“. Въ старинныхъ памятникахъ они еще называются „христіанами“ ²⁾. Русскимъ колонистамъ, а, при народномъ характерѣ русской колонизации, таковыми были большую частью

¹⁾ Слово „мужикъ“ уже встречается въ старинныхъ памятникахъ, напр. въ И. С. Р. Л., VIII, 159 и 161; въ Никон. лѣт. подъ 7064 г. оно употреблено, кажется, для обозначенія населения, подвластнаго кормлевщикамъ (И. С. Р. Л., XIII, 267).

²⁾ А. З., т. I, № 11 (1391 г.).

люди изъ низшаго слоя общества, часто приходилось сталкиваться съ мѣстнымъ населеніемъ и естественно было противополагать себя, въ качествѣ „христіанъ“-прихожанъ, язычникамъ и иновѣрцамъ. Первоначальное значеніе слова „крестьянинъ“, какъ видно, также лишено сословнаго значенія и только съ теченіемъ времени пріобрѣло специальный смыслъ для обозначенія особаго класса, тяглыхъ обязанности котораго были строго опредѣлены московскимъ законодательствомъ¹⁾.

Даже слово „смѣрдъ“ употребляется еще въ Русской Правдѣ то въ самомъ широкомъ смыслѣ, когда рѣчь идетъ чутъ ли не о всемъ населеніи въ противоположность князю, то въ узкомъ для обозначенія сельскаго населения, занимающагося земледѣліемъ; по слову „смѣрдъ“, кажется-чаще вышеприведенныхъ терминовъ, подучало постѣдній смыслъ: въ иѣкоторыхъ памятникахъ XII-го вѣка оно уже означаетъ мирнаго обывателя, человѣка живущаго въ „селѣ“ и занимающагося воздѣлываніемъ земли²⁾; надо думать, однако, что земледѣліе было только общимъ признакомъ положенія смѣрда, а не его специальнымъ или исключительнымъ занятіемъ.

Въ бытовомъ отношеніи положеніе смѣрдовъ, вѣроятно, иѣсколько опредѣлялось прежде всего путемъ противоположенія ихъ, вмѣстѣ съ остальными мирными жителями, дружинѣ княжеской; оно встрѣчается въ древнихъ нашихъ памятникахъ. Къ такому естественному противопоставленію „людей“—„дружинѣ“ по занятіямъ стало присоединяться и особаго рода правовое различіе между „людиномъ“, т. е. простолюдиномъ и „княжинъ мужемъ“, отразившееся въ законодательствѣ того времени: судя по пространной редакціи Русской Правды, при извѣстныхъ условіяхъ за „убийство въ разбѣ“ людина платили виру вдвое меныше, чѣмъ за такое же преступленіе по отношенію къ „мужу“, служившему князю³⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что фактическое различіе между „людиномъ“, предававшимся сельскимъ занятіямъ, и людиною горожаниномъ стало также иѣсколько рѣзче обозначаться по мѣрѣ развитія народнаго хозяйства, поскольку оно связано было съ раз-

¹⁾ Слово „крестьянинъ“ употреблено въ грамотѣ иг. Антонія монастырю, основанному имъ до 1147 года, въ слѣдующихъ фразахъ: „И паша по чужой земль ии в двое, ии во едину, ии себѣ покоя не дахь, брати и спротамъ и здѣ крестьянамъ досаждая... Се поручаю Богу и Святой Богородицѣ и крестьянамъ и даю въ свободу и поручаю мѣсто се на игуменство...“ (Амеросій, Ист. рос. іерархіи, III, 124; грамата извѣстна только въ копії); болѣе опредѣленное словоупотребленіе въ грамотахъ XIV в. см. въ А. Э., т. I, № 11 А. от. до Ю. В., т. II, № 134; ср. ниже.

²⁾ Слова „ðiawtъ; ȝefergubъ“ передаются въ старинныхъ переводахъ словомъ „смѣрдъ“; Лѣт. по Лавр. сп. 6611 (изд. 2, стр. 267). Рус. Ист. Библ. VI, 47.

³⁾ Рус. Пр., Тр., 3.

витіємъ городской жизни, а главнымъ образомъ виѣшней тор-
говли. У Тиверцевъ и Улучей были многіе „грады“; они суще-
ствовали и у новгородскихъ славянъ и у полянъ до призванія
Варяговъ; Олегъ на пути своемъ изъ Новгорода въ Кіевъ встрѣ-
тиль по краиней мѣрѣ два города: Смоленскъ и Любечъ; у Древ-
лянъ также упоминаются города, причемъ въ одномъ изъ нихъ,
Коростенѣ, вѣроятно, были жилые дворы; следовательно, въ то
время „градомъ“ уже называли не одно укрѣпленіе, но и засе-
дленное мѣсто. Въ теченіе X—XIII вв. возникло много новыхъ
городовъ. Хотя рѣзкой и постоянной разницы между сельскимъ
и городскимъ населеніемъ по занятіямъ, конечно, не существо-
вало, однако, надо думать, сельские жители все же иѣсколько от-
личались отъ городскихъ, что могло особенно ярко обнаружи-
ваться при сравненіи смерда-землемѣльца съ гостемъ, торговав-
шимъ заморскими товарами; впрочемъ, даже фактическое отличіе
подобного рода нельзя признать общераспространеннымъ: жители
древлянскихъ „градовъ“, напримѣръ, также „дѣлали земли и
нивы своя“, а въ смоленскомъ княжествѣ были торговая по-
селенія, не причисленныя къ „городамъ“. Естественно, что при
такихъ условіяхъ между сельскимъ и городскимъ населеніемъ
юридическая граница была также слабо установлены: въ одномъ
изъ синековъ Русской Правды упоминаются „горожане“, но они
не обособлены отъ остальной массы „людей“. Тѣмъ не менѣе
между сельскими и городскими жителями можно замѣтить иѣ-
которое фактическое различіе въ ихъ политическомъ значеніи;
судя по тому, что мы знаемъ о составѣ вѣча въ вѣчевыхъ общи-
нахъ, на немъ едва ли часто присутствовали смерды¹⁾; въ дѣй-
ствительности на вѣча, вѣроятно, сходились преимущественно
горожане. Дѣло о „смердахъ“, возникшее въ Исковѣ въ 1485—
1486 гг., повидимому, было также рѣшено помимо участія ихъ
въ рѣшеніи. Даже пригороды должны были принимать то, что
„старѣйшии сдумаютъ“. Итакъ, въ бытовомъ отношеніи смерды—
землемѣльцы въ XII—XIII вв., вѣроятно, уже стали иѣсколько
обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободнаго и мирнаго насе-
ленія, а законъ начиная уже проводить черту между всѣми
„людьми“ и дружинниками.

Тѣмъ не менѣе Русская Правда признаетъ за смердомъ права,
присущія свободному человѣку: можно думать, что за убійство
смерда взималась вира: смерда никто не могъ наказывать „безъ
княжа слова“; у смерда было и свое собственное имущество
(статокъ). Подъ 1103 годомъ въ нашей летописи записаны стѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л., VIII, 159 и 161.

дующія слова, сказанныя Владимиromъ Мономахомъ союзникамъ:
„А сего чemu не промыслите, оже то начнетъ орати смердъ и
пріѣхавъ половчинъ ударить й стрѣлою, а лошадь его понметъ,
а, въ село его ѿхавъ, жену его, и дѣти его, и все имѣніе“; подъ „селомъ“ смерда слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть вообще заня-
тый имъ земельный участокъ съ дворомъ и принадлежностями его
хозяйства, „имѣнія“, его усадьбу, хуторъ или что иибудь подобное.
Вопроſъ о томъ, на какомъ правѣ, однако, смердъ владѣть такимъ
участкомъ, рѣшить трудно. Возможно, что смердъ занималъ
иногда пустопорожнюю землю, считая её „ничьей“, т. е. никому
не принадлежащей, осваивалъ ее и обзаводился на ней своимъ
хозяйствомъ; отъ иѣсколько позднѣйшаго времени (XIV-го вѣка?)
сохранилась купчая, заключенная между Михаиломъ Вахра-
мѣвичемъ и Игнатиемъ Вахрамѣвичемъ съ Филькой, да Родь-
кой, да Опанкой Григорьевичами, которые продали два „же-
ребья“ съ угodyми покупателямъ „одерень“; въ граматѣ зна-
чится, что Вахрамѣвичи купили эти земли „у великихъ смер-
довъ у Григорьевичей... въ вѣкъ“, причемъ сдѣлка была утвер-
ждена, повидимому, какимъ-то должностнымъ лицомъ ¹⁾; но
князьямъ легко и выгодно было не различать такихъ крестьянъ
своеземцевъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ, когда
между тѣми и другими не было фактическихъ различий, и когда и
тѣ и другіе были ихъ подданными. Вѣроятно, однако, что иѣко-
торые смерды, дѣйствительно, селились и на княжескихъ земляхъ,
изъ которыхъ собственно дворцовая села въ то время едвали выдѣ-
лялись. Наконецъ, точныхъ свидѣтельствъ о томъ, что смерды
сидѣли и на земляхъ частныхъ владельцевъ, не сохранилось.
Какъ бы то ни было, Русская Правда признаетъ за смердомъ лич-
ная и имущественные права, присущія свободному человѣку ²⁾.
Соответственно имъ онъ отиравлять и иѣкоторыя обязанности:

¹⁾ А. Ю., № 71. XXI. А. Шахматовъ, Двинскія граматы. Спб., 1903 г.
№ 33: авторъ полагаетъ, что подъ „великими смердами“ слѣдуетъ разумѣть
смердовъ, жившихъ въ мѣстности „Великой“.

²⁾ Въ краткомъ спискѣ Русской Правды упоминается „сельскій староста
княжій“ (ак. 22); о правахъ смердовъ см. главныи образомъ Рус. Пр. Ак. 23,
31; Тр. 40, 41, 71, 85. Слово „статокъ“ (о смердѣи статкѣ—въ иѣкоторыхъ
спискахъ XV—XVI вв. Русской Правды см. Н. Калачовъ, стр. 165) употребля-
лось для обозначенія движимаго имущества: по, по крайней мѣрѣ, въ памят-
никахъ XVI вѣка и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о наследствѣ,
ему придается и болѣе широкое значеніе, напримѣръ: „отступились есмы
земли... отца своего статка, а своего владѣнія...“ (Отступиша 7067 года въ
А. Ю., № 23). Въ иѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды, въ статьѣ „о посѣче-
ніи борти“, прибавлено: „а въ смерди 2 гривны“ (Рус. Пр., Рост. 30: Тат.—Пог.
26; см. Н. Калачовъ, стр. 195).

Лѣтописи повѣствуютъ о томъ, что смерды принимали участіе въ военныхъ походахъ и что они платили дань князьямъ; кромѣ того въ договорахъ Новгородцевъ съ князьями есть статья, въ силу которой „кто смердъ, тотъ потягнеть въ свой погостъ“ или „потугъ“ ¹⁾.

Подобныя или соотвѣтствующія организаціи, вѣроятно, существовали и въ другихъ мѣстахъ, хотя иѣть извѣстій о томъ, чтобы въ нихъ принимали участіе именно смерды. Въ составъ „сотень“, напримѣръ, можетъ быть, входили и крестьяне, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые тянули къ городу: въ 1289 году берестяне за крамоду противъ князя были обложены разными натуральными сборами „со всякаго ста“, причемъ „горожане“ упомянуты особо и платили деньгами: сотни въ Галицкой Руси отличались, повидимому, такимъ же смѣшаннымъ составомъ: здѣсь они состояли изъ крестьянъ и мѣщанъ и отвѣчали, въ силу круговой поруки, за каждого своего сочлена. Возможно, что древне-русскія сотни съ сотскими и десятскими во главѣ, подобно берестянымъ, служили для огульного оклада ихъ разными новинностями и сборами и стали даже первообразами сотенъ, удержавшихся въ не сколько позднѣйшее время въ Галицкой Руси. Столь же скучны и древнія извѣстія о „верви“, о ея прохожденіи, составѣ, организаціи и пр. Въ источникахъ иѣть указаний, состояла ли вервь изъ нѣсколькихъ деревень, подобно позднѣйшей конѣ, или складывалась какъ-нибудь иначе. Про вервь мы знаемъ только то, что въ ея предѣлахъ можно было розыскивать трупъ убитаго и „но яей искать татя“ и что съ нея въ извѣстныхъ случаяхъ взыскивались уголовные штрафы (дикая вира, продажа); члены „верви“, надо думать, состояли по такимъ дѣламъ въ круговой порукѣ: тотъ, кто не соглашался вмѣтъ съ остальными членами „верви“ платить „виру“, линялся помоици ихъ и самъ долженъ быть платить ее ²⁾. Случайныя упоминанія о „сельскомъ старостѣ“ показываютъ, что въ сельской общинѣ того времени могли быть и свои, вѣроятно, выборная мірскія власти: во главѣ галицко-русскихъ общинъ XV столѣтія также стоять „тіунъ“, выбираемый ея сочленами ³⁾.

¹⁾ Новгород. лѣт. по синод. сп. 6677 и 6737 гг. (изд. 2, стр. 149 и 230; ср. стр. 129). Лѣт. по Ипат. сп. 6753 г. (изд. 2, 529). Соб. гос. гр. и дог. I, №№ 3, 13, 20. А З., т. I, № 87.

²⁾ Рус. Пр., Тр., З. 4, 6, 63.

³⁾ Лѣт. по Ипат. сп., изд. 2, стр. 613; ср. А. Э., т. I, № 13 И. Іванченко, Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв., М., 1894 г., стр. 107—118, 166; о конѣ см. И. Иванющевъ. Соб. соч., 247, 262 и др.

Положение смердовъ уже въ древнее время было, однако, довольно шаткимъ. Глухіе намеки на то, что сельское населеніе начинало подпадать иѣкоторому давленію сильныхъ людей, можно усмотрѣть въ заботахъ Русской Правды объ участіи «ролейныхъ закуповъ». Цвѣтѣя о нихъ довольно скучны. Въ одномъ текстѣ Русской Правды закупъ называется «наймитомъ», а именно въ той статьѣ, где онъ признается свободнымъ «во всѣхъ кунахъ», если господинъ продастъ его въ полное рабство; но въ западно-русскихъ актахъ XVI-го вѣка словомъ «закупъ» обыкновенно обозначается человѣкъ, отдавшій себя (или отданный тѣмъ, кому онъ подвластенъ) въ личный закладъ кредитору для обезспеченія займа и вредъ до его отработки, или, въ иѣкоторыхъ случаяхъ, до возврата долга наличными деньгами. Если считать возможнымъ приравнивать «закупа» Русской Правды къ «закупу» позднѣйшихъ западно-русскихъ актовъ, то легко заключить, что въ основѣ древняго закупничества также лежалъ договоръ займа, осложненный, вирочемъ, и другими отношеніями; по такого заключенія еще нельзя сдѣлать съ полною достовѣрностью. Какъ бы то ни было, можно думать, что ролейный закупъ жилъ и работалъ на чужой землѣ съ хозяйственнымъ инвентаремъ, хотя могъ имѣть и собственное движимое имущество; вѣроятно и то, что онъ въ теченіе извѣстнаго срока отрабатывалъ взятая имъ деньги на землѣ своего господина. Русская Правда различаетъ, однако, закупа отъ рядового холопа; закупъ «въ малой тяжѣ по дужи» признается на судѣ въ качествѣ свидѣтеля; за побои закупа «безъ вины» съ господина взимается пени; закупу было также предоставлено право собственности на движимое имущество и право иска даже противъ «своего господина¹⁾». И тѣмъ не менѣе положеніе закупа во многихъ отношеніяхъ зависѣло отъ его гос-

¹⁾ Рус. Пр. Тр., 53, 54, 55. «Продасть-ли господинъ [закупа] обѣль, то (и) вамиету свобода въ всѣхъ кунахъ... (И. Калачовъ, стр. 144); въ 14-ти спискахъ (между ними есть и XV вѣка) вм. «наймету» стоять «закупу». «Закупъ Еориць, прежде оубо продавъ свои законъ, наимитъ бысть» (Григорій Богословъ, XVI слов. съ толк. Никиты Ираклійскаго въ рус. пер. по си. XIV в. Моск. Синод. бібл.; А. Горскій и К. Невоструевъ, Он., II, 2, 86). Въ позднѣйшихъ грамотахъ наймиты иногда упоминаются въ качествѣ работниковъ, взявшихъ плату впередъ; въ жалованной грамотѣ в. кн. Ивана Даниловича объ освобожденіи Печерскихъ сокольниковъ отъ даней и повинностей, 1328—40 гг. мы читаемъ: «наймиты, стражеть (работаетъ) на готовыхъ коняхъ, а въ кунахъ» (А. З., т. I, № 3); ср. еще любопытную порядную въ сельские наймиты Лазаря Иванова съ товарищами на починокъ Спасской Печерской пристани 1600 года: наемная плата выдается имъ впередъ «на заводъ»; обязанности ихъ: на время шестизѣмнѣй льготы дворъ постановить и починокъ распахать, а также отбывать «здѣсь, на кою работу позовутъ», по 2 дни въ году, а по мѣновеніи шести

подина. Въ древности слово „работать“ иногда употреблялось въ смыслѣ „находиться въ рабствѣ“; а закупъ въ известной мѣрѣ работать на господина. Само законодательство предоставляло господину право „бить закупа про дѣло“, распоряжаться закупомъ по своему усмотрѣнію за кражу хозяйстваго имущества (за „выводъ“ чего либо) и превращало его за „бѣгство отъ господы“ въ ся обеднаго холопа. Такія постановленія Русской Правды едвали можно, однако, признать суворыми нововведеніями, если припомнить, что составители си предусмотрѣли цѣлый рядъ случаевъ поработченія закуповъ господами: постѣднѣе, очевидно, часто смысливали понятіе холопа съ понятіемъ „закупа“ и пользовались такимъ смысленіемъ для того, чтобы „работать“ (т. е. порабощать) закупа, отдавать его въ залогъ за деньги тому, у кого они были взяты его господиномъ, и даже продавать закупа „обель“, т. е. въ постѣдное холостство. Русская Правда устанавливаетъ наказанія за совершение подобнаго рода дѣяній, но можно сомнѣваться, чтобы ея статьи способны были устранить слагавшуюся практику житейскихъ отношений¹⁾.

Между тѣмъ, смерть могъ, конечно, при известныхъ условіяхъ, попасть въ ролейные закупы, а изъ нихъ и въ обеднѣе холопы: по свидѣтельству одного изъ нашихъ проповѣдниковъ XIII вѣка, сильные люди „имѣнья не насыщаются“ и даже „сво-

льть по 8 дней въ году; см. Русск. Ист. библ., т. XIV, стб. 428—431. Въ го-родѣ Яранскѣ, сообщаю депутатъ И. Антоновъ, находятся весьма мало добровольно нанимающихся людей, которые бы согласны получать заасужденныи ими деньги поеть, а не впередъ (Сб. Рус. Ист. Общ., VIII, 79). О ти-желомъ положеніи „наемныхъ дѣловыхъ людей“ въ вотчинахъ Морозова, см. *И. Забыльевъ*, Большой бояринъ и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 47—49. О закупахъ въ западно-русскихъ актахъ см. Литовскую Метрику, Спб. 1903 г., I, 241—242, 310 и 1487; ер. выраженіе „ни въ закупи не поставити“, употребленіе о землѣ въ духовной Ив. Алферѣева 1518 г., почти рядомъ съ выраженіемъ: „ни въ наймы не дати“ (А. Ю., № 417); ер. А. Э., т. I, № 87. *М. Ясинский*, Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русского права въ Сборникѣ Статей, по св. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, К., 1904 г., стр. 430—465.

¹⁾ Рус. Пр., Тр., 52, 55, 57, 105. Русская Правда не опредѣляетъ, къ какимъ именно закупамъ относятся упоминаемая ею злоупотребленія господь, къ дворовымъ или ролейнымъ: въ такихъ случаяхъ легко было смысливать дворовыхъ закуповъ съ ролейными. Въ судныхъ дѣлахъ литовской метрики начала XVI-го вѣка встрѣчаются иногда упоминанія о закупахъ: про чѣкоего Родоса Нѣмца, „много лѣть служившаго въ малыхъ пѣнязехъ“ у боярина Юрия Богдановича, сказано, что онъ, Родосъ Нѣмецъ, „есть человѣкъ похожій, нежли быть въ закупахъ“ (Литовская Метрика, I, Спб. 1903 г., стб. 242—243); любопытное дѣло о томъ, какъ одна мѣщанка белѣская „закупку замутила“, причемъ постѣднѣе съ тое муки вмерла см. въ Лит. мет., I, 828—830.

бодные сироты порабощают и продают¹⁾». Во всякомъ случаѣ, Русская Правда вообще слишкомъ мало позаботилась объ опредѣлении состоянія смерда по закону и уже закрѣпила его привилегированное положеніе въ обществѣ: въ ней постановлено взимать съ того, кто „умучить смерда“, „продажу“ вчетверо меньшую чѣмъ за такое же преступленіе по отношению къ „лучшему мужу“ и отбирать выморочное имущество смерда въ пользу князя²⁾. Фактическое положеніе смердовъ также, вѣроятно, ухудшилось. Уже въ XI вѣкѣ слово „смердъ“ употреблялось иногда въ уничижительномъ смыслѣ: характерные примѣры такого словоупотребленія встречаются и въ памятникахъ позднѣйшаго времени; князьямъ уже въ древности приходилось защищать „худыхъ смердовъ“ отъ обидъ „сильныхъ“ людей. Само правительство начинало, однако, усваивать себѣ такие же приемы. Въ договорѣ Новгорода съ Казимиромъ IV (1470 или 1471 года) послѣдний обязуется смердамъ паравиѣ съ холопами не вѣрить, если они начнутъ „вадити [доносить?] на осноду“. Вообще о малой степени обезопасности смердовъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, можно судить, напримѣръ, по одному разсказу Исковской лѣтописи. Здѣсь подъ 1485—1486 годами встречается одно изъ послѣднихъ извѣстій о нихъ. Содержаніе его даетъ поводъ предполагать, что исковичи хотѣли обязать „смердовъ“ какими-то „урочными работами“. Попытка „обидныхъ людей“ была, очевидно, невыгодна для смердовъ: они воспротивились ея осуществленію, но исходъ усобицы окончился въ пользу смердовъ, только благодаря вмѣшательству московского правительства³⁾. На основаніи приведеннаго извѣстія неизвѣданны, конечно, заключать о существованіи такого же организованнаго давленія землевладѣльче-

¹⁾ Пр. Серапионъ, Поученіе о мятежи житія сего въ Прав. Соб. 1858 г., іюль, стр. 481.

²⁾ Рус. Пр. ак. 31, Тр. 71 и 85. Смыслъ статьи „а въ смерди и въ холѣ 5 гривенъ“ (ак. 23) остается темнѣмъ: ср. В. Серапионъ, Юр. др., I², 185.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп., 6604 (изд. 2 с., стр. 222 и 242); Никон. лѣт., 6685, II. С. Р. Л., IV, 266; V, 43—46. Въ памятникахъ позднѣйшаго времени такое уничижительное значеніе слова „смердъ“ выступаетъ еще яснѣ. „Ино чи не боянша ты, смерде, насть, писаль в. ки. Витовъ въ грамотѣ о Пилипкѣ, судникѣ Вязовецкомъ, да чи не бываль ты у насть подъ посохомъ?“ (А. Ю. и З. Р. т. II, № 65, 1383 г.). Архіепископъ Геннадій, возражая противъ разрѣшенія, данного митрополитомъ Зосимой дѣнку двоеженцу „у церкви иѣти“; писаль: „а вѣдь толь смердъ еще бытъ и не ставленъ дѣнкъ“. (А. И., т. I, № 101, 1490—1494 гг.). См. еще А. Э., т. I, № 87; ср. А. З. Р., т. I, № 39; Лит. Мет., I, 315, 704.—Слѣдуетъ замѣтить, что и холоповъ и крестьянъ иногда называли „сиротами“: извѣстія о такомъ словоупотребленіи примѣнительно къ крестьянамъ, и за исключеніемъ развѣ уже приведенной грамоты иг. Антонія (см. выше стр. 5) воходятъ къ XIV-му вѣку; см., напримѣръ, А. Э., т. I, № 5.

скаго класса на сельское население въ древиѣшній періодъ (до XIV в.); но исторія съ исковекими смердами показываетъ, къ чему могла съ теченiemъ времени привести неопредѣлленность общественнаго строя кievской Руси.

Правда, бывали случаи, когда смерды, благодаря той же неопредѣлленности, поднимались и до высшихъ ступеней общественной лѣстницы: въ чистѣ боярь князя Даниила Галицкаго лѣтописецъ упоминаетъ, напримѣръ, Лазаря Домажиречя и Иворя Модбожича, „двухъ беззаконниковъ отъ племени смердья“¹); но этотъ случай, относящийся ко времени татарскаго погрома, имѣть, кажется, довольно исключительный характеръ: именно въ Галицкой Руси боярство съ середины XIII столѣтія усилилось притивомъ служилыхъ князей, лишившихся своихъ удѣловъ и, вѣроятно, даже рапѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ земляхъ, стало приобрѣтать соцловное значеніе.

Такимъ образомъ, уже въ древній періодъ нашей исторіи зарождается тотъ порядокъ общественныхъ отношеній, который получитъ дальнѣйшее развитіе и опредѣлится въ московскомъ государствѣ. Изъ безсюжетнаго русского населения уже выдѣлились холопы и стать выдѣляться низший слой свободныхъ людей, вѣроятно, сидѣвшихъ частью на своихъ, частью и на чужихъ земляхъ и фактически нѣсколько отличавшихся отъ другихъ слоевъ родомъ своихъ занятій. Между рабствомъ и сельскимъ состояніемъ уже обнаружилось иѣкоторое сближеніе: въ рабствѣ появилась градациія, стяжавшая различія между иѣкоторыми видами холоповъ и свободными сельскими жителями; а среди постѣднихъ обозначились такие разряды, какъ ролейные закупы, при извѣстныхъ условіяхъ превращавшіеся въ холоповъ. Сами смерды продолжали еще оставаться свободными и соединяясь въ особаго рода организованные союзы, но теряли политическое значеніе: вмѣсть съ тѣмъ права ихъ были слишкомъ мало обеспечены закономъ, закрѣпившимъ ихъ приниженнное положеніе въ обществѣ и имѣ уже грозила зависимость отъ землевладѣльцевъ, къ которой начинало привыкать правительство даже въ вольныхъ городскихъ общинахъ. Дальнѣйшее развитіе такого порядка отношеній обнаружилось въ теченіе XV—XVII вв., когда крестьяне стали все болѣе терять прежнюю волю. Въ русскомъ обществѣ того времени этотъ процессъ усилился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго класса и благодаря политикѣ московскаго самодержавнаго правительства, стоявшаго на стражѣ виѣшнихъ интересовъ государства.

II. Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XIV—XVII вв.

Съ того времени, когда „крестьяне“ стали выдѣляться изъ остального русского общества¹⁾ и приблизительно до 1718—1724 гг., основные классы крестьянъ еще не вносились сложились и между низшимъ и высшимъ слоемъ населения не было поставлено рѣзкой сословной грани: все служили государству. Напротивъ, съ введеніемъ подушной подати появился прежде всего опредѣленный признакъ, по которому „подыхъ“ людей стали отличать отъ „благородныхъ“, въ то время уже называвшихся однимъ общимъ именемъ „шахтетства“. Постѣ той же ревизіи 1718—1727 гг. окончательно образовались и основные „роды крестьянства“. Указанные процессы, разумѣется, еще болѣе опредѣлили соотношеніе главныхъ классовъ крестьянскаго населения другъ къ другу, а также обособили крестьянъ и отъ „средняго рода людей“, состояніе которыхъ долгое время оставалось мало опредѣленнымъ, и отъ благородныхъ, постепенно превращавшихся въ привилегированное дворянское сословіе. Такимъ образомъ, въ исторіи крестьянъ можно признать время съ XIV-го по XVII-й вѣкъ за отдѣльный періодъ, въ теченіе котораго преимущественно выяснилось тягкое значеніе сельскаго населения для государства и была подготовлена частная зависимость одного изъ его разрядовъ отъ землевладѣльцевъ, а другого, въ извѣстной мѣрѣ, отъ казны.

Въ XIV-мъ столѣтіи значительная часть южно-русскихъ земель вошла въ составъ территоріи литовскаго, а затѣмъ и польско-литовскаго государства. Хотя такая перемѣна и не измѣнила тотчасъ же быта русскихъ крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ и въ теченіе нѣкотораго времени продолжавшихъ жить по „русскому“ праву, однако, сосуществование постѣднаго съ многими чужими правами, главнымъ образомъ польскимъ и пѣмецкимъ, должно было существенно отразиться и на положеніи русскихъ крестьянъ; вопреки ихъ явишому желанію, они иногда переводились съ русскаго права на чужое, особенно нѣмецкое²⁾. Земли, присоединенные литовскими князьями и польскими королями, были окончательно пріобрѣтены русской державой,

¹⁾ Терминъ „христіане“ „крѣстіане“ „крестьяне“ для обозначенія сельскихъ классовъ населения уже употребляется въ граматахъ 1391 года; см., напримѣръ, А. З., т. I, № 11; А. от. до Ю. В. т. II, № 134.

²⁾ И. Лакиличенко. Ор. сіт., стр. 156, 159, 176, 191, 208.

вмѣстѣ съ другими территориальными владѣніями только черезъ пѣсѧкъ столѣтій, уже въ періодъ постаго развитія крѣпостного права.

Съ того же XIV-го столѣтія на європ.-востокѣ стало возвышаться московское княжеское государство; подъ главенствомъ московскихъ князей объединилось московское государство, въ которомъ крестьяне и заняли опредѣленное мѣсто, главнымъ образомъ постольку, поскольку отбывали въ его пользу извѣстную обязанности, тянули свое тягло. Исторію крестьянъ въ Московскомъ государстваѣ (т. е. преимущественно крестьянъ великорусскихъ) можно было бы по некоторымъ признакамъ разбить на два второстепенныхъ періода, приблизительно до середины XVI вѣка и постѣ нея до реформы начала XVIII-го вѣка. Въ самомъ дѣлѣ до середины XVI вѣка крестьянское состояніе въ составныхъ своихъ частяхъ еще не вполнѣ опредѣлилось и не получило самоуправлениія, организованнаго правительствомъ въ виду его же собственныхъ цѣлей. Лишь со второй половины XVI вѣка изъ состава черносоцныхъ крестьянъ выдѣляются дворцовые, что приближаетъ черносоцныхъ крестьянъ къ положенію государственныхъ: лишь со второй половины XVI-го вѣка появляются и указы, опредѣлившіе состояніе кабалынаго холопства, которое сыграло существенную роль въ процессѣ частнаго пріобрѣтенія или закрѣпошенія владѣльческихъ крестьянъ: даѣте лишь въ 1555—1556 году произошла извѣстная реформа, перенесшая на крестьянскую общину многія изъ функций правительственныйыхъ органовъ мѣстнаго управлениія: начинаясь, лишь съ 1590-хъ годовъ начинается рядъ общихъ указовъ касательно государственного пріобрѣтенія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду главной задачи настоящаго очерка и для того, чтобы чрезмѣрно не дробить изложенія, можетъ быть, удобнѣе будетъ разсмотрѣть исторію крестьянъ въ Московскомъ государстваѣ въ иной схемѣ: большее движенія замѣтило въ образованіи важнейшихъ классовъ крестьянъ, чѣмъ въ исторіи ихъ общественной организаціи: а исторію ихъ образованія естественно изучать порознь, примѣнительно къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на чернѣахъ и на частно-владельческихъ земляхъ.

Въ древнє русскомъ обществѣ положеніе крестьянъ еще мало выяснилось, но и тогда уже было, по всей вѣроятности, довольно привилегиеваніе: въ постѣдующее время оно продолжаетъ ухудшаться. Довольно наглядныи показателемъ такого процесса можно признать размѣры денежнаго штрафа, взимаемаго за „безчестіе“ крестьянами въ Судебникѣ 1550 года. По Русской Правдѣ „за обиду“ княжескаго слуги взимали съ обидчика по 12 гривень, а за обиду смерда—3 гривни; въ Судебникѣ 1550 года размѣры безчестія „боярскаго человѣка доброго“ опредѣлены въ пять

рублей ¹⁾). Слѣдовательно, въ Русской Правдѣ величина „продажи“, взимаемой за муку смерда, вчетверо меньше величины „продажи“ за муку огнищанина, тивуна или мечника. Аналогичная точка зреія на приижелое положеніе сельскаго населенія также весьма замѣтна въ только-что приведенныхъ постановленіяхъ царскаго Судебника, хотя они и касаются иного рода преступлений: здѣсь вознагражденіе за „безчестіе“ крестьянинѣ въ пять разъ меньше того, что обидчикъ долженъ былъ платить „за безчестіе боярскаго человѣка доброго“, не говоря о людяхъ изъ высшихъ слоевъ общества, честь которыхъ, разумѣется, оцѣнена гораздо дороже. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзѧ не замѣтить, что Судебникъ 1550-го года устанавливаетъ одинаковые размѣры платы за безчестіе крестьянинѣ и за безчестіе „человѣка молодшаго боярскаго“, т. е. человѣка, по всей вѣroятности, обыкновенно несвободнаго: впрочемъ, такова же и оцѣнка чести „чернаго городскаго человѣка молодчаго“. Какъ бы то ни было, содержаніе вышеуказанныхъ статей Судебника 1550-го года о безчестіи крестьянинѣ уже иѣсколько намекаетъ на то націравленіе, въ которомъ развивалась исторія сельскаго населенія въ Московскому государствѣ XV—XVII вв.

Такое обобщеніе нельзѧ, однако, въ одинаковой мѣрѣ прилагать ко всѣмъ разрядамъ этого населенія. Преимущественно на сѣверѣ въ „поморскихъ“ уѣздахъ сложился классъ крестьянинъ, сидѣвшихъ на „черныхъ“ земляхъ; такъ какъ постѣдними, подъ условіемъ отбыванія тяглѣ, могъ владѣть и посадскій и даже бѣломѣстецъ, то черносотные крестьяне въ изучаемый періодъ не могли еще образовать замкнутыхъ сословныхъ союзовъ; въ составъ ихъ входили тяглецы изъ разныхъ слоевъ общества. Въ центральной области, а также на московской украинѣ, крестьяне, напротивъ, должны были оставаться преимущественно на частновладѣльческихъ земляхъ и поэтому рѣзче обособились отъ остальныхъ общественныхъ группъ. Различие между черносотными и владѣльческими крестьянами, уже довольно замѣтное къ концу XVI вѣка, обнаружилось не только въ соціальномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ „черныхъ“ земляхъ никто не заслонялъ крестьянинъ отъ воздействиія правительственной власти, хотя

¹⁾ Судеб. II, 26; ср. Судеб. III, 48, 50. Въ судной грамотѣ удѣльнаго князя Владимира Авдѣевича крестьянамъ Замосковной Вохонской волости 1561 года между прочимъ повторяется и вышеприведенное постановленіе Судебника II, 26; но „волостные добрые люди“ приравнены здѣсь къ посадскимъ, за безчестіе которыхъ взимается 5 руб.; а за безчестіе крестьянинѣ пашеннаго и испашеннаго положено взимать 1 рубль (А. Э., т. I, № 257); такого различія иѣть въ Судебникѣ 1550 года, ст. 26-ой.

само правительство иногда и начинало выступать по отношению къ нимъ въ роли вотчинника; въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ между крестьянами и правительствомъ стали землевладѣльцы и крестьяне мало по маку попали въ зависимость отъ привилегированаго сословія. Съ течениемъ времени крестьяне черныхъ волостей оказались государственными крестьянами, а владѣльческие „крестьяне“ превратились въ „крепостныхъ“. Познакомимся съ важнейшими процессами, приведшими къ такимъ результатамъ.

I. Крестьяне, сидѣвшіе на „черныхъ“ земляхъ.

До позднѣйшаго времени права черносоціиныхъ крестьянъ оставались почти безъ всякихъ законодательныхъ опредѣлений, хотя иногда и подразумѣвались законодателемъ. Въ силу судебнага 1550 года, они имѣли право искать о безчестіи или обѣувѣчныи и прибѣгать къ судебнай защите, а также переходить „изъ волости въ волость“; аналогичныи статьи о правахъ черныхъ людей (за исключеніемъ, конечно, постановленій о переходѣ) можно найти и въ Уложеніи. Законъ признавалъ за ними и некоторыи имущественныи права ¹⁾.

Вообще положеніе черносоціиныхъ крестьянъ въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того взгляда, который сложился у правительства на чернья земли. Возможно, что первоначально черносоціиные крестьяне смотрѣли на нихъ иначе, чѣмъ московское правительство. Въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне иногда продолжали еще сидѣть на своихъ земляхъ; въ новгородскихъ владѣніяхъ, напримѣръ, въ числѣ „своеземцевъ“, среди которыхъ упоминаются лица весьма разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, были и крестьяне. Съ течениемъ времени такіе мелкие землевладѣльцы изъ крестьянъ, вѣроятно, частью слились съ массою поселянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, частью вовсе лишились своихъ земель и даже стали владѣльческими. Завоеваніе новгородскихъ владѣній великимъ княземъ Иваномъ III и подчиненіе ихъ новымъ московскимъ порядкамъ должны были, конечно, отразиться на судьбѣ „своеземцевъ“, въ томъ числѣ и крестьянъ-землевладѣльцевъ. „Были деревни своеземцевъ, а пынѣ за государемъ“ — лаконически замѣчаетъ одинъ изъ

¹⁾ Судеб. I, 36, 57. Судеб. II, 26, 72, 84 и 89; ср. и проектъ Судеб. III, 129; статья 52-я проекта 1589 г., въ которой постановлено взимать за безчестіе „доброго крестьянина“, или крестьянина, котораго назовутъ добрымъ человѣкомъ въ волости, — три рубля, а за безчестіе жены его — вдвое, — новая, но она, повидимому, не была введена въ дѣйствіе. Ср. еще ів., ст. 73, 150, и пред. прим. Уложение, X, 94, 159, 162; XVIII, 38; см. еще ниже стр. 30.

писцовъ, описывавшихъ эти земли въ 1581 году ¹⁾). Своеземческая старина едва-ли могла, однако, исчезнуть сразу, безъ всякихъ съдовъ. Самы крестьяне иногда называли земли, на которыхъ они сидѣли, своими („пани“ и т. д.); но иногда они говорили только о „земляхъ великаго князя, а своего владѣнія“. И тѣмъ не менѣе крестьяне черныхъ волостей передавали свои участки по наследству, вкладывали ихъ въ монастыри и въ церкви или закладывали и продавали свои земли или свои „доти“, „жеребья, что достанутся по дѣду“ и т. п. разнымъ лицамъ, даже бѣломѣстцамъ, а выборные и приказные суды утверждали подобного рода сдѣлки ²⁾.

Происхожденіе того строя поземельныхъ отношеній, который иѣсколько извѣстенъ намъ въ черныхъ волостяхъ главнымъ образомъ по документамъ XVI—XVII вв., до сихъ поръ остается темнымъ. Въ числѣ крестьянъ землевладѣльцевъ слѣдуетъ упомянуть прежде всего о цѣлыхъ, крестьянскихъ семьяхъ, иногда достигавшихъ довольно крупныхъ размѣровъ и часто селившихся отдаленными деревнями. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда между членами семьи происходилъ раздѣлъ, часть ихъ имущества могла оставаться въ общемъ владѣніи. Изъ одной „дѣльной“ 1530—1531 годовъ мы узнаемъ, напримѣръ, что семья, въ которой перечислено 16 человѣкъ поименно, подѣлила свои дворы, дворища и $\frac{3}{4}$ цркви, по „третямъ“, иначемъ въ каждой трети оказалось по четыре человѣка изъ вышеназванныхъ; раздѣливши кромѣ того почти все движимое имущество, они, однако, оставили безъ раздѣла „деревню“ да двѣ „полутони“, да часть движимаго имущества (въ томъ числѣ „ладью съ якоремъ“), да „кабалы вообчія“. Свойственники иногда заключали даже особаго рода договоръ о томъ, чтобы „жить вмѣстѣ и пить и ясти вмѣстѣ“ ³⁾. Такое же условіе встрѣчается

¹⁾ Въ писцовой книгѣ Обонежской пятини 1565—1566 гг. земли своеземелье еще значатся, но въ вычтожномъ количествѣ. (Н. Рожковъ, Сельское хозяйство Московской Руси М. 1899 г. Стр. 385).

²⁾ Крестьяне частно-владѣльческихъ имѣній, вѣроятно образовавшихся изъ черныхъ земель, едва-ли сразу перестали вступать между собою въ подобного рода сдѣлки: приказные люди устюжского архиепископа имѣли въ виду фактическую возможность ихъ совершеній, когда еще въ 1680-хъ годахъ разъясняли, что „во всякихъ вотчинахъ продать что или заложить повольность имѣть вотчинникъ“, а не крестьяне.

³⁾ А. Ю., № 23. Рус. Истор. Был., XIV, 219, 344. См. еще третій (печатаемый) томъ тѣхъ же актовъ, № 208. Ср. А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, М., 1884 г., стр. 222; авторъ замѣчаетъ, что обычай такихъ „складныхъ семей“ и въ старину, вѣроятно, не былъ распространенъ.

и въ одной „складной грамотѣ“, писанной до 1612 года: она возникла по следующему поводу: въ Шетогорской волости жили крестьяне Артемий да Емельян Кузнецова; по смерти Артемия, Емельянъ, должно быть, подѣлился съ его дѣтьми, съ Трофимомъ да съ Федорою Артемьевыми; Трофимъ Артемьевъ заложилъ свою часть другому крестьянину той же волости Никитѣ Некрасову, а Федора Артемьева вошла съ нимъ, вѣроятно, касательно своей части наследства, въ особаго рода сдѣлку; о ней мы узнаемъ изъ закладной Никиты Некрасова,данной на ту же землю Монсею Конопову: „а заложилъ есми ту свою землю, писать закладчикъ, по закладной грамотѣ Трофима Артемьева да по другому пути, по складной грамотѣ, что язъ складывался съ Федорою съ Артемьевою дочерью вмѣсто [вмѣстѣ?] жити“. Въ другой волости, Троицкой, жили „складники“; ихъ было четверо: Федоръ Ивановъ съ племянникомъ своимъ Третьякомъ Исааковымъ, да Прокопий и Семенъ Тимофеевы, надо думать, также состоявшіе въ родствѣ между собою. Въ извѣстныхъ намъ актахъ троицкихъ складниковъ иѣтъ свѣдѣній о томъ, владѣли ли они какими-нибудь землями „безъ дѣлу“, хотя указанія на владѣніе подобнаго рода встречаются въ другихъ документахъ. Во всякомъ случаѣ изъ явокъ троицкихъ складниковъ видно, что каждый изъ нихъ считать себя вправѣ „по своей долѣ“ получить соответствующія полосы въ горшай (пашенной) и луговой землѣ ихъ деревни и что при „дѣлу“ надо было соблюдать такое соотвѣтствіе. Постѣднее, вѣроятно, часто нарушалось и по разнымъ причинамъ: можно думать, что для его возстановленія складники прибѣгали къ передѣлу и повторяли его въ случаѣ надобности. Какіе то „дѣлы“ проходили и у троицкихъ складниковъ Коноповской деревни. „Въ прошломъ во 138-мъ (1630) году уложили и изѣюли мы, писали опи, въ Коноповской деревнѣ горшую землю и луговую, орамую и пожни верывать и жеребьевати по долемъ: и въ прошломъ 139 лѣтъ тое деревнѣ на горѣ, что по верхнюю сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребьевати и по новому дѣлу въ томъ поль осенесь и рожкъ у насть сіяна къ сему году; а что въ нижнемъ замостномъ поль въ прошломъ 138 лѣтъ рожкъ быта сіяна, и въ томъ поль складники... [кромъ одного, на котораго и подана была жалоба сотекому тѣмъ изъ складниковъ, которому по „новому дѣлу“ досталась его пеоранная полоса] осенесь по старому дѣлу подъ зебель [яровое] всѣ обрати. И то поле... сія весны всѣ складники раздѣлили и разжеребьевали же по прежнему изѣюбу“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствіе между „долей“ и размѣрами полосъ нарушалось, опо, надо полагать, возвратовлялось „ровною“: у кого земли было „по его долѣ мало, не сполна“, тотъ считать себя вправѣ требовать, чтобы ему при-

бывали изъ земель тѣхъ его складниковъ, у которыхъ оказались линики. Цѣло подобнаго рода возникло между складниками той же Копоповской деревни; потерпѣвшій подать явку сотекому, а сотекій, взявши съ собою „людей добрыхъ“, явился въ деревню досматривать и мѣрить землю. Итакъ, складниковъ никакъ нельзя считать только складниками въ тяглѣ, хотя бы „складствомъ“ и называли „положеніе“ иѣсколькихъ изладильщиковъ „въ одну податную единицу для исчисленія государева тягла“; складники, разумѣется, могли, а пожалуй, и принуждены были складываться вмѣстѣ для его уплаты ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи выше приведенныхъ и аналогичныхъ фактовъ, нельзя еще прийти къ заключенію, что въ складническихъ союзахъ не могло обнаруживаться никакихъ проявленій общинной жизни.

Исторія складническихъ союзовъ, часто ограниченныхъ, надо подѣлать, предѣлами одной деревни, еще очень мало выяснена: пока трудно сказать съ достовѣрностью, въ какой мѣрѣ эти союзы были распространены на русскомъ югѣ и поскольку они успѣли развиться. Иѣкоторые обстоятельства могли повлиять на ихъ разложеніе: таковы, напримѣръ, ростъ населенія въ данной мѣстности при ограниченностіи земли удобной или даже необходимой для цѣлой группы поселковъ, а не только для одного изъ нихъ; различность среди складниковъ хозяевъ, стоявшихъ ниже обычнаго уровня или выдѣлявшихся изъ него по своей инициативѣ, интенсивной культурѣ своихъ полосъ и т. п. Во всякомъ случаѣ зачительное большинство документовъ XVII вѣка, изъ которыхъ мы узнаемъ о складникахъ, оказываются „явками“; естественно, что въ нихъ собрано много извѣстій о ссорахъ и столкновеніяхъ, возникавшихъ между складниками. Такія отношенія, можетъ быть, объясняются и болѣе специальными причинами. Складничество было преимущественно поземельнымъ союзомъ: члены его имѣли, однако, возможность распоряжаться своими участками или даже своими долями, смотря по тому, состояла ли земля „въ дѣлу“ или иѣть. Иправда, судя по иѣкоторымъ актамъ, за складниками обыкновенно признавалось право преимущественной покупки отчуждаемаго, почему отчужденіе и производилось „съ объявленіемъ складникамъ“: но „за скудностью“ своею они едва ли всегда

¹⁾ Акты троицкихъ складниковъ см. въ статьѣ *Н. Иванова*: Сѣбры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., № 12; см. еще *А. Гуфименко*, Op. cit., стр. 227, 299. *В. Ключковъ*, Къ вопросу о складникахъ, ib., 1901 г., № 11, стр. 29—52. *Н. Ивановъ*, Позем. союзы и пр. въ Тр. Археогр. Ком. Имп. Моск. Археол. Общ. т. II, вып. 2, М., 1902 г., стр. 193—278. Ср. *Н. Виноградовъ*, О родовомъ строѣ узельскихъ кельтовъ въ Сборникѣ М. Влад.-Буд., стр. 145.

пользовались своимъ преимуществомъ и въ такихъ случаяхъ земля переходила въ чужія руки. Слѣдовательно, въ составъ складническаго союза, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, могли входить и, по всей вѣроятности, входили лица разныхъ общественныхъ положеній: въ одно и то же складничество вступали, напримѣръ, монастырскій старецъ, или подьячій, или посадскій человѣкъ и крестьяне; такой составъ союза, члены котораго иногда владѣли „орамой землей въ раздѣлъ и за межами“, а разными угодьями „съ складниками вмѣстѣ не въ раздѣлѣ“, очевидно, мало благопріятствовала его прочности. Датѣ сами складники, нарушавшіе обычай складнической организаціи, не подчинялись общему рѣшенію, а подавали явки властямъ¹⁾. Наконецъ, и московское правительство едва ли интересовалось столь мелкими организаціями: ему было удобнѣе имѣть дѣло съ болѣе крупными дѣленіями, а постѣдней цѣли болѣше всего удовлетворяли тяглыя волости или станицы. При такихъ условіяхъ и особенно въ мѣстностяхъ, где съ ними приходилось всего болѣе считаться (напр. въ Кеврольскомъ уѣздѣ) въ XVII вѣкѣ, повидимому, уже преобладаетъ подворно-участковое владѣніе „горицю“ землей: тѣмъ не менѣе, луговыя земли, паскотина и прочія угодья, кажется, постѣдко состояли въ общемъ владѣніи или отдельныхъ складничествъ, или цѣльыхъ группъ деревень, приходовъ или волостокъ. Въ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ памъ, случаяхъ постѣднія и оказывались тѣми цовемельными союзами, изъ которыхъ съ теченіемъ времени возникли деревенскія общины позднѣйшаго типа. „Труфаногорская волостка, состоявшая въ 1623 году изъ 6 деревень съ 15 дворами, напримѣръ, къ настоящему времени превратилась въ одну деревенскую общину“²⁾. Нѣсколько волостокъ образовывали волость, на которую и надало государево тягло; и такія волости, конечно, могли сообща владѣть нѣкоторыми угодьями, но значеніе ихъ было преимущественно тяглое: подъ вліяніемъ тягла главнымъ образомъ и сложилась ихъ организація. Поскольку тягло ложилось на нашинную землю, оно, разумѣется, оказывало вліяніе на порядокъ цовемельныхъ отношеній и въ болѣе мелкихъ союзахъ: группы складническихъ союзовъ, напримѣръ, рѣшили „веревкою ровниться по потугу“: доля въ принадлежностяхъ

¹⁾ Рус. Ист. Библ. XIV, 85, 570—572. А. от. до Ю. Б., т. II, № 147. XXX и др. А. Ефименко, Ор. сіт., стр. 293—307, 308, 359. В. Ключковъ, Ор. сіт., ъв., стр. 41, 43—48. Н. Ивановъ, Ор. сіт., Др. II, 2, 254; ср. выше стр. 19. Складники могли жить и въ разныхъ деревняхъ.

²⁾ Судеб. III, 174 Н. Ивановъ, Ор. сіт., Др. II, 2, стр. 223, 224, 230, 246—247, 275—276.

пашни (въ разныхъ угодьяхъ) опредѣлялась „по тяглой землѣ“ тѣмъ не менѣе можно сказать, что вліяніе тягла ярче всего выразилось въ волостной организації ¹⁾.

Черносошные крестьяне не могли, однако, упрочить за союю полнаго права собственности на землю. Можно думать, что искоторые мѣстныя особенности съверной природы и быта, а также общественной жизни ослабляли развитіе своеzemческой и общинной земельной собственности. Крестьянамъ трудно было довольноствоваться своимъ участками; многие изъ нихъ могли пользоваться землею на сторонѣ или были принуждены почти бросать земледѣльческія занятія и добывать себѣ средства къ жизни отхожими промыслами. При такихъ условіяхъ семейные союзы теряли устойчивость и прибѣгали къ семейнымъ раздѣламъ, что, конечно, способствовало и зарожденію индивидуальной собственности; но вмѣстѣ съ раздѣлами мельчали и участки владѣльцевъ. Уже въ двинскихъ грамотахъ XV вѣка замѣтно сильное дробленіе поземельныхъ участковъ; то же явленіе можно указать, напримѣръ, и въ трехъ волостяхъ Кеврольского уѣзда (Кевроля, Чаколъ и Марынинской Горѣ); здесь, судя по писцовыми книгами 1623 года, относительно наибольшее число дворовъ (изъ 649 ихъ 133) владѣлись участками дворовой пашни величиной въ 2—2¹/₂ четвертей (т. е. подудесятникъ), каждый; тоже видно и изъ писцовыхъ книгъ 1686 г.: хотя % такихъ владѣльцевъ попадался (съ 20,5% на 18,8%), но все же больше остальныхъ (изъ 627 ихъ 119). Измельчаніе и разбросанность дробныхъ участковъ, вѣроятно, облегчали отчужденіе ихъ; даже въ тѣхъ поморскихъ уѣздахъ, гдѣ, помимо крестьянъ, почти вовсе не числилось землевладѣльцевъ, въ XVII вѣкѣ замѣтила мобилизациѣ крестьянскихъ земель; она, повидимому, усиливалась благодаря существованію обращенія ихъ между тяглецами одной и той же волости ²⁾. Частая смына владѣльцевъ одного и того же участка, вмѣстѣ съ вышеуказанными обстоятельствами едва-ли могла содѣйствовать развитію земельной собственности у большинства черносошныхъ.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что „волостками“ и „волостями“ писцы, описывавшіе новгородскія земли, обыкновенно называли территоріальныя владѣнія частныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ; описание велось изрѣдка по волостямъ, а чаще всего по погостамъ; послѣдніе были, вѣроятно, древняго происхожденія и имѣли бытовое значеніе: они служили, можетъ быть, податными окружами и въ такомъ смыслѣ уже известны были въ предшествующемъ періодѣ. Ср. выше стр. 7.

²⁾ А. Ю., №№ 23, 175, II и др. И. С. З., т. I, № 112. *П. Иллюст.*, Ор. сіт., Др., I, 3, Спб., 431—433, 435: расчетъ произведенъ авторомъ помимо „найзжихъ“ земель.

Малая степень устойчивости и слабость юридических союзовъ, вѣроятно, также не благопріятствовали и образованію коллек-
тивной собственности. При такихъ условіяхъ московскому прави-
тельству легче становилось примѣнять свой взглядъ на черно-
сошныхъ вообще, какъ на владѣльцевъ черной земли, лишенныхъ
права свободно распоряжаться своими участками.

Впрочемъ, московскіе князья едва ли сознательно стреми-
лись къ полному стѣсненію правъ черныхъ людей на землю; мос-
ковское правительство ограничивало ихъ, главнымъ образомъ,
настолько, насколько пользованіе ими вредило казнѣ¹⁾. Въ са-
момъ дѣлѣ, московскіе князья смотрѣли, кажется, на черную
землю преимущественно какъ на источникъ казенныхъ доходовъ;
отчасти съ такой точки зрѣнія они, можетъ быть, различали свои
родовыя и благопріобрѣтенные имѣнія отъ „волостей“; съ той же
точки зрѣнія они позднѣе могли различать земли, принесанныя
къ дворцу, отъ черныхъ волостей, доходы съ которыхъ поступали,
главнымъ образомъ, въ московскія „четверти“²⁾.

Черные земли получали, однако, известную цѣнность лишь
тогда, когда на нихъ сидѣли люди, способные тянуть съ нихъ
тягло. Отсюда заботы московскихъ князей о соблюденіи черныхъ
людей, а не одиѣхъ только черныхъ земель. Хотя до Уложенія
не было издано общаго закона о прикрытии черныхъ людей,
но московскіе князья давно уже прибѣгали къ частнымъ мѣрамъ,
стѣснявшимъ свободу ихъ передвиженія на земли владѣльцевъ,
получавшихъ льготы: великій князь Иванъ Калита въ своей жа-
лованной грамотѣ новгородскому Юрьеву монастырю, напримѣръ,
запретилъ его архимандриту принимать „тягныхъ людей волоц-
кихъ“ и „людей изъ его велиокняжеской отчины, Москвы“; та-

¹⁾ До сихъ поръ изслѣдователи нашей старины не примили къ соглаше-
нію относительно того значенія, какое слѣдуетъ придавать этимъ землямъ:
одни полагаютъ, что черные волости были государственными имуществами
(*И. Бяляевъ*, О поzem. владѣніи въ Моск. госуд. во Врем., XI, стр. 3, 4, отчасти *В. Кю-
ческій*, Бояр. дума, 3 изд., стр. 111 и др.); другіе отрицаютъ различіе между „част-
ными княжескими владѣніями и государственными“, причемъ указываютъ на
спіяніе черныхъ волостей, за исключеніемъ уѣздовъ поморскихъ городовъ, съ
дворцовыми имѣніями (*Б. Чичеринъ*, Оп., стр. 39—41, 130—133, 136, 256) и даже
приходять къ заключенію, что въ Москвѣ есть только земельные имущества
великаго князя, а не государственные (*В. Сергиевичъ*, Древ., III, 23); наконецъ,
по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, собственникомъ черныхъ земель была во-
лость, а не великій князь (*М. Владимірскій-Будаковъ*, Обзоръ, изд. 3, стр. 144).

²⁾ Впрочемъ различіе между доходами московскаго государя—вотчина-
ника и государственными новинностями едва ли строго проводилось; см.
М. Дымкоевъ, Критическая статья на соч. г. Сергѣевича о Древностяхъ рус-
ского права въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г.. № 7, стр. 176—179.

кія же запрещенія повторялись московскими князьями въ то время, когда уже наступило политическое объединение съверо-восточной Руси и нечего было договариваться съ удѣльными князьями о томъ, чтобы они къ себѣ не принимали черныхъ людей, тягущихъ къ сотскому. Въ XV вѣкѣ въ граматѣ тверскихъ князей Отроку монастырю (написанной до 1461 года) встрѣчается и санкція подобнаго рода запрещеній: если архимандрица примѣтъ волостныхъ людей изъ княжеской отчины, то они будутъ взяты паздѣть; а если кого примѣтъ „прикащикъ архимандричъ, ино его казнити“; къ аналогичнымъ мѣрамъ иногда прибѣгали и московскіе князья въ извѣстныхъ намъ граматахъ позднѣшаго времени (1530 г. и др.). Бывали даже случаи, когда московскіе государи предоставили самимъ „волостнымъ людямъ“ (важскимъ въ 1552: ср. торопецкую гр. 1590—1591 гг.) изъ-за монастырей старыхъ (или старинныхъ) своихъ тяглецовъ крестьянъ выводить беззрочно и беспопытно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о тяглецахъ вообще, а о „старинныхъ“ тяглецахъ¹⁾. Впрочемъ, общаго запрещенія касательно перехода черныхъ людей на частновладѣльческія земли долгое время не появлялось, можетъ быть потому, что этого настоятельно не требовали интересы казны: при ухудшившемся положеніи боярства владѣльческихъ крестьянъ и постепенномъ ограниченніи привилегій, давнихъ землевладѣльцамъ (особенно духовенству), переходы черныхъ людей становились, вѣроятно, или менѣе выгодными для нихъ или менѣе убыточными для казны государевой. Въ писцовыхъ наказахъ 1645 года тотемскими и сольвычегодскими писцами уже вѣтъно было выводить волостныхъ людей за государя на старые ихъ жеребцы. Всѣдѣ за тѣмъ въ Уложениѣ постановлено крестьянъ государевыхъ, выбѣжавшихъ изъ черныхъ волостей и жившихъ за всякими вотчинниками и помѣщиками, „свозить“ вмѣстѣ съ женами и съ дѣтьми и со всѣмъ ихъ движимымъ имуществомъ по писцовыми книгами въ черпня волости на старые ихъ жеребцы. Эти мѣры оказали вліяніе, между прочимъ, и на развитіе крестьянской общины, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ ея значеніи: въ предѣлахъ общины приrostъ населенія,

¹⁾ А. Э., т. I, №№ 4, 17, 20, 34, 45, 60, 102, 234; Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, №№ 35 (договоръ вел. кн. Василия Дмитревича съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ 1389 года), 60. Доп. къ А. И., т. I, № 26 и др.; Акты и проч., собр. М. Дыкошевымъ, в. II, № 24 и др. ср. М. Дыкошевъ, Къ исторіи крестьянского прікѣплѣнія, Спб., 1893 г., стр. 14—22. Ею-же, Заповѣдныя лѣта и пр. въ Сбор. статей въ честь М. Ф. Владимірского-Будапова, К., 1904 г., стр. 110—111. Ср. еще А. Э., т. II, № 20.

а зіачитъ и земельное утѣсненіе, мато-по-маду стали болѣе чувствительны и административно-финансовая роль ея пріобрѣла болѣе существенное и опредѣленное значеніе. Впрочемъ, и послѣ 1649 г. черносопинный крестьянинъ могъ покидать землю, на которой онъ сидѣть, по только не впустѣ, а посадивши на нее по-ваго „садока“ — плательщика податей, и, стѣдовательно, могъ переходить, по крайней мѣрѣ, „изъ волости въ волость“¹⁾.

Параллельно съ вышеуказанными мѣрами московскіе князья заботились и о томъ, чтобы черные земли не попадали въ руки людей привилегированныхъ, свободныхъ отъ податей, иначе какъ при сохраненіи за ними ихъ тяглого характера. Уже въ договорѣ великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ включено, напримѣръ, условіе о томъ, что если самъ князь Владиміръ Андреевичъ, или его родственникъ, или бояринъ купятъ въ великомъ княжениі землю черныхъ людей, то постѣдніе могутъ выкупить ее обратно; если же они не будуть въ состояніи выкупить эти земли, то новые владѣльцы обязаны тянуть съ нихъ тягло вмѣстѣ съ другими, а не захотятъ они тянуть съ нихъ тягла, то земли, приобрѣтенные ими, будутъ отданы чернымъ людямъ даромъ²⁾. Хотя въ приведенномъ условіи договора 1388 года еще неѣть прямого запрещенія чернымъ людямъ распоряжаться своими участками, однако, обращеніе этихъ земель между ними и тѣми лицами изъ посторонняго княжения, которая пожелали бы купить у нихъ земли, стѣсняется. По мѣрѣ того, какъ московское правительство утверждалось во взглядахъ на крестьянъ, занимавшихъ черную землю, какъ на тяглецовъ по преимуществу, положеніе постѣдніхъ должно было измѣниться: уже въ статьѣ судебнника 1497 года, устанавливающей срокъ для иска черного человѣка о завладѣніи его землею на черномъ же человѣкѣ или помѣщикѣ и обратно, черная земля упоминается наряду съ помѣстной³⁾. И, дѣйствительно, черные люди становились владѣльцами черной земли въ сущности лишь постольку, поскольку оказывались исправными тяглецами, подобно тому, какъ помѣщики владѣли государевой землей подъ условіемъ службы. Этотъ взглядъ московского правительства довольно ясно выразился въ одномъ дѣлѣ, возникшемъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Здѣсь оказались такие крестьяне „вотчины“, которые раньше владѣли участками; но потомъ „отъ бѣдности“ стали бродить по міру; во время отсутствія ихъ, эти участки были

¹⁾ Уложеніе, XI, 1, ср. ниже, стр. 27—28; А. Ю., № 127. *М. Дьяконовъ*, Ор. сіт., стр. 12—16 и 146—151. *И. Дебольский*, Ор. сіт., стр. 136—140. Ср. ниже стр. 31.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 33. *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 12.

³⁾ Судеб. I, 63; тоже въ Судеб. II, 84; ср. Судеб. III, 150.

розданы воеводами, земскими судьями и старостами „инымъ крестьянамъ“; вернувшись на прежнія мѣста, старинные вотчины просили дозорщиковъ отдать имъ прежнія ихъ деревни и жеребы „по старымъ писцовымъ книгамъ и крѣпостямъ“ или указать выскать деньги съ тѣхъ, которые теперь владѣютъ ихъ землями; но правительство отказалось чадобитчикамъ на томъ основаніи, что тогда какъ они „бѣгали по иныхъ городамъ, не хотя платить податей“, новые владѣльцы „пустая деревни строили и подати платили“, а „тѣмъ бродящимъ и бѣглымъ крестьянамъ велѣло селиться въ иныхъ деревняхъ или на иныхъ жеребыхъ“¹⁾.

Съ такой же точки зрѣнія правительство стало подвергать контролю и мобилизацию черныхъ земель: обращеніе ихъ между черносошными крестьянами с равнительно мало затрагивало казенный интересъ²⁾; гораздо важнѣе было въ этомъ отношеніи отчужденіе черныхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ; на него правительство и обратило преимущественное вниманіе. Съ XIV-го вѣка московскіе князья старались привлечь бѣломѣстцевъ къ отбыванію тягла, поскольку они владѣли черными землями (см. выше) и продолжали прибѣгать къ подобного рода мѣрамъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ: таковы, напримѣръ, указы 1614 и 1623 годовъ. Въ теченіе XVII-го вѣка въ правительственной политики касательно черныхъ земель замѣтно, однако, характерное колебаніе. Вместо того, чтобы придерживаться прежней безсловной точки зрѣнія, въ силу которой всякий, кто владѣлъ черной землей, долженъ быть тянутъ тягло, къ какому бы общественному слову онъ ни принадлежалъ, правительство начинаетъ запрещать чернымъ людямъ отчуждать свою землю бѣломѣстцамъ: частная попытка подобного рода, относительно тяглыхъ людей черныхъ солдатъ и слободъ, известна намъ уже изъ одного указа 1621 года; тоже направление ясно обнаружилось въ статьѣ Уложенія 1649 г., вообще запрещающей чернымъ людямъ закладывать или продавать свои дворы бѣлымъ людямъ подъ страхомъ паказанія кнутомъ. Поногда появлялись и отдельные указы, запрещавшіе крестьянамъ иѣкоторыхъ волостей закладывать или продавать свои участки: таковъ указъ 1649 года относительно крестьянъ заонеж-

¹⁾ Рус. Ист. Библ., XII, 214—217.

²⁾ Ср. Судеб. I, 62 и Судеб. II, 87 и Судеб. III, 172 и 173: за нарушеніе межъ, если таковое произойдетъ у „христіанъ промежу себя, въ одной волости или селѣ“, законъ вовсе не подвергаетъ виноваго уголовному наказанію (кнутомъ), которое грозитъ ему, если онъ нарушитъ межи „земли великаго князя“ и частныхъ собственниковъ, и устанавливаетъ денежный штрафъ почти въ 17 разъ меньше того, который полагается за нарушеніе межъ и земли великаго князя или частной собственности.

скихъ погостовъ; аналогичное запрещеніе отчуждать свои участки было сдѣлано и относительно крестьянъ другихъ уѣздовъ, гдѣ находились государевы „тяглые волости и всякія угодья“. Тѣмъ не менѣе и послѣ Уложения правительство снова возвращалось къ привлечению бѣломѣстцевъ въ составъ тяглыхъ черныхъ волостей; окончательное обособленіе ихъ совершилось лишь въ XVIII-мъ вѣкѣ¹⁾. Эти мѣры оказали вліяніе и на дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ административно-финансовыхъ функций волости.

Правительственная точка зренія на черносоцнныхъ крестьянъ, какъ на владѣльцевъ земли, зависѣвшихъ отъ воли „царя и великаго князя“, проводилась, однако, гораздо рѣзче въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь московскій распоряжался черными волостями по своему усмотрѣнію. Ни личиня, ни имущественные права черныхъ людей не были въ полной мѣрѣ обеспечены закономъ; простого распоряженія великаго князя было достаточно для того, чтобы превратить черную волость въ частно-владѣльческую вотчину. Такой участіи подверглись, конечно, въ особенности черная волости центральной области: великіе князья московскіе частью обратили ихъ въ дворцовыя имѣнія, частью раздали ихъ духовнымъ, и свѣтскимъ лицамъ, частью помѣщались ими съ частными владѣльцами²⁾. Лишь въ Кевротѣ, да на Мезени черная волости остались почти въ исключительномъ владѣлѣніи черносоцнныхъ крестьянъ. Хотя въ XVI вѣкѣ черная земли еще числились и въ иѣкоторихъ уѣздахъ центральной области (напримѣръ, въ Тверскомъ и Владимірскомъ), по къ XVII-му вѣку они уже быстро убываютъ. Такимъ образомъ, во многихъ изъ бывшихъ черныхъ волостей прежніе крестьяне-собственники стали съемщиками чужой земли. Пока они пользовались правомъ перехода, имъ открывалась возможность оставить того владѣльца, къ которому ихъ земля перешла въ частную собственность и искать лучшіхъ условій существованія на сторонѣ, но съ прикрѣ-

¹⁾ А. И., т. III, № 92, стр. 95; эти указы, кажется, относились, къ одной только Москвѣ; ср. ib. стр. 105 и указъ 1627 г. въ II. С. З., т. II, № 1157. Уложение, XIX, 39; эта статья относится къ главѣ о посадскихъ людяхъ; по подъ понятіе черныхъ людей въ то время еще могли подойти и черносоцные крестьяне, и посадские. II. С. З., т. I, №№ 10 и 112. Въ своей работѣ о „мостовыхъ и рѣшеточныхъ деньгахъ“, разсуждая объ этой политикѣ только примѣнительно къ XVII вѣку, я называлъ возвращеніе къ прежнему принципу, уже высказанному въ договорѣ 1388 года, новой точкой зренія лишь сравнительно съ приведенной здесь статьей Уложения. II. Ивановъ, Оп. cit., Др., I, стр. 424 и его же статья „Поземельные союзы“ и проч. въ Др., II, 2, стр. 221.

²⁾ Б Чичеринъ, Оп. 88—91. М. Даляконоевъ, Оп. cit., стр. 147. А. Лаппо-Данилевскій, Оп. cit., стр. 75.

пленіемъ крестьянъ и выходъ изъ имѣнія частнаго владѣльца стать разсмотриваться, какъ злоупотребленіе, запрещенное закономъ.

Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что правительство, ограничиваю-
шая права черносоцнныхъ крестьянъ па свободу и на землю, не
имѣло повода уничтожать тѣ зародыши общинной организаціи,
которые были указаны выше, по и не покровительствовало ихъ
развитію: мелкіе союзы, да и приходы, были слишкомъ мало при-
годны для его цѣлей; постѣднімъ гораздо болѣе соотвѣтствовала
та московская волостная организація, которая возникла, главнымъ
образомъ, подъ вліяніемъ тягла и получила административно-
полицейскій, преимущественно финансовый характеръ.

Древнейшая исторія крестьянской общины слишкомъ мало
извѣстна для того, чтобы можно было съ достовѣрностью при-
писывать ея происхожденіе вліянію одного тягла: то молчанію
случайно дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ трудно
заключать и объ отсутствіи самихъ явлений; да и въ постѣдніемъ
случаѣ пришлось бы различать то значеніе,¹⁾ какое имѣло тягло,
падавшее на какую нибудь бытовую земскую единицу, отъ со-
зидательного вмѣшательства московского правительства во внут-
реннюю жизнь общины ¹⁾; наконецъ, даже крестьянскую общину
въ административно-полицейскомъ смыслѣ слѣдовало бы, можетъ
быть, отличать отъ тѣхъ формъ ея, - которыхъ сложились подъ
преобладающимъ вліяніемъ вышеперечисленныхъ воздействиій того-же мос-
ковского правительства.

Во всякомъ случаѣ, съ постѣдней, тяглой, точки зреінія по-
 пятно, почему прикрытие крестьянъ даже усилило развитіе
ся: прикрытие давало волости такую власть надъ своими чле-
нами, которой она раньше не имѣла. Съ той же точки зреінія
легко объяснить и безсловенный, смѣшанный составъ волости и
ея дѣятельность, поскольку постѣднія признавалась и поощря-
лась правительствомъ, и ея зависимость отъ приказныхъ властей.
Въ волостномъ союзѣ могъ участвовать всякий, кто готовъ былъ,
тянуть тягло съ пріобрѣтенного имъ участка волостной земли,
а въ той мѣрѣ, въ какой дѣла волости затрагивали казенный

¹⁾ Всѣ большія волости Чародской округи, напримѣръ, дѣлились на при-
ходы; каждый отдельный приход имѣлъ отдельного старосту; общаго волост-
наго старосты не было въ такихъ волостяхъ (Н. Олобумъ, Обозрѣніе до-
кументовъ Чародской земской избы 1662—1663 гг., Журн. Мин. Нар. Просв.
1898 г., апрѣль, стр. 272); о сравнительно второстепенному значеніи админи-
стративнаго давленія на развитіе преимущественно современной крестьянской
общины, и о вліяніи его главнымъ образомъ на ускореніе такого развитія см.
въ статьѣ А. Кауфмана: Документы и живая исторія русской общины въ Жур.
Мин. Нар. Пр. 1804 г., № 9, стр. 67—109

интересъ, она была надѣлена извѣстными полномочіями отъ правительства, чтѣ, разумѣется, исколько не устраяло его вмѣшательства во внутреннюю жизнь общины. Волостная община не только занималась раскладкой и взиманіемъ государственныхъ повинностей и сборовъ, назначаемыхъ огуломъ, и ручалась за своихъ членовъ въ неправомъ отбываний падавшихъ на нее обязанностей, но могла завѣдывать и многими другими дѣлами, преимущественно связанными съ тягломъ: она „сажала крестьянъ себѣ въ тягло на пустыне участки“, т. е. раздавала участки волостной земли новоселамъ, наблюдала за тѣмъ, чтобы земля изъ тягла не выходила, отдавала свою землю въ наймы, мѣнялась ею, получала иногда разрѣшеніе выкупить ее у нового ея владельца и покупала землю: община защищала судомъ приписанную къ ней землю; та-же община, кажется, имѣла въ общемъ пользованій иѣкоторяя угодья; сохранились извѣстія, что она панимала пустынія деревни или занимала деньги и т. п. ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ полицейскія функции волости особенно разрослись, когда къ иѣкоторымъ волостямъ временно были пріурочены и губинія учрежденія ²⁾). Возможно, что въ такихъ случаяхъ волость не всегда дѣствовала въ качествѣ одного только казеннаго органа управления. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что волость вѣроятно, была надѣлена и судебнou властью; она, могла, иногда даже наказывать своихъ членовъ. На Мезени, напримѣръ, кто по вызову десятскаго не ходилъ городить мѣрской лугъ, съ тогозыскивалась „поденьщина по одной гривѣ въ день безпенно“, а за вторичное осудушеніе бралась застава по $2\frac{1}{2}$ рубля въ казну государеву, да по $2\frac{1}{2}$ рубля въ пользу мѣра ³⁾.

Впрочемъ нельзя, конечно, преувеличивать значеніе вышеуказанныхъ волостныхъ функций. Слабость волости извѣстна изъ многихъ свидѣтельствъ. Волощане могли распоряжаться, напримѣръ, даними имъ участками помимо волостной общины, если только соблюдали условія, ограждавшія казенный интересъ. Въ извѣстныхъ намъ отступныхъ па черниль земли, форма которыхъ, повидимому, выработалась только въ XVII в., продавецъ заявляетъ, что онъ за опредѣленное вознагражденіе „отступается“ отъ „земли великаго князя, а своего владѣнія“, не „измогъши съ той земли

¹⁾ Н. Дебольский, Гражданская дѣеспособность по русскому праву до конца XVII в., Сиб., 1903 г., стр. 299—306, 393 и др. М. Владимирикій-Будановъ, Ор. cit., стр. 546—558.

²⁾ А. Э., т. I, №№ 187, 224, 291 и др. Доп. къ А. И., т. I, № 31; ср. С. Шумаковъ, Губинія и земскія грамоты, М., 1895 г., стр. 41, 118—119, 155—156.

³⁾ Н. Ивановъ, Ор. cit. въ др., т. II, в. 2. стр. 271.

службы великаго князя служити и хлѣба его сыпнаго въ житници сыпнати и давать всякихъ разрубовъ земскихъ" и т. п., при чёмъ переносить эти податныя обязанности на покупателя, обозначая иногда даже срокъ, съ котораго постѣдній долженъ будеть отбывать ихъ. Однако, и такія отступныя въ извѣстныхъ памъ случаевъ совершились обыкновенно частнымъ порядкомъ, безъ участія правительственной власти. Сдѣлки, въ силу которыхъ плохой тяглецъ (за извѣстное вознагражденіе) отказывался отъ своего участка въ пользу новаго владѣльца, принимавшаго на себя отбываніе повинностей и уплату податей прежняго плательщика, оказывались выгодными для волости: будучи уже, очевидно, согласованы съ фискальными интересами московскаго правительства, онъ въ значительной мѣрѣ вызывалась его политикой. Наконецъ, само оно иногда разрѣшало служилымъ людямъ покупать волостныя земли, даже помимо вѣдома волости ¹⁾.

Несмотря на слабость волости, извѣстны, однако, случаи, когда нѣсколько волостей соединялись въ цѣлую округу; дѣлаяя, въ чистѣ которыхъ могли быть и не одни "разводы" и сборы податей, обсуждались и решались волостными старостами и выборными отъ волостей на земскихъ съѣздахъ; такъ было на Чародѣ; свѣдѣнія о дѣятельности чародѣскаго земскаго съѣзда сохранились въ документахъ 1662—1663 годовъ ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что до средины XVII в. черносинные крестьяне далеко еще не вполнѣ обособились отъ остальныхъ слоевъ русскаго общества. Въ положеніи черныхъ волостныхъ и черныхъ посадскихъ людей было много общаго: посадские люди владѣли черной землей и, такимъ образомъ, входили иногда помимо желанія крестьянской общины въ составъ ея тяглецовъ, а волостные люди занимались промыслами и даже торговлей на посадѣ, чѣмъ порождали неудовольствие посадскихъ людей. Вообще изъ многихъ документовъ того же времени видно, что между ними происходила глухая борьба, перешедшая и въ XVIII вѣкъ. Волостная организація, вѣроятно, нѣсколько пригодилась черносиннымъ крестьянамъ въ этой борьбѣ ихъ съ посадскими людьми, владѣвшими черною землею и уклонявшимися отъ крестьянскаго тягла: въ пѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ составъ "чародѣской крестьянской общины" (новгородской губ.),

¹⁾ А. Ю., №№ 9 и 23; въ этомъ дѣлѣ напечатано нѣсколько отступныхъ; № 136. Д. Мейчик, Грамоты XIV и XV вв. и пр. М., 1883 г., стр. 72—73; въ двухъ отступныхъ XV в., условія, приводимаго въ нашемъ текстѣ, еще есть; въ отступныхъ позднѣйшаго времени—оно обыкновенно встрѣчается.

²⁾ Н. Олобланъ, Ор. сіт. въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1899 г., апрѣль.

судя по документамъ 1662—1663 гг., входили, повидимому, вмѣстѣ съ сельскими жителями один только „пашенные крестьяне посада“, а не посадскіе люди; кое гдѣ появлялись особыя волостныя избы и всеуѣздные старости, помимо посадскихъ. И тѣмъ не менѣе, насколько памъ известно, до 1649 года правительство не издало ни одного общаго закона, въ силу котораго права волостныхъ людей были бы ограничены отъ правъ посадскихъ... Только въ Уложеніи обозначилось стремленіе правительства провести иѣкоторую грань между волостными и посадскими людьми путемъ прикрѣпленія ихъ къ тяглѣ: но оно едва ли существеннымъ образомъ отозвалось на судьбѣ черносоціихъ крестьянъ. Подобно дворцовымъ крестьянамъ, они могли сдѣлать свои тяглы и жить въ городахъ съ тѣмъ, чтобы здѣсь платить подати вмѣстѣ съ посадскими людьми; въ качествѣ „государевыхъ тяглыхъ людей“, черносоціи крестьяне могли владѣть лавками въ городахъ и брать на откупъ „таможни, кабаки и иные всякие откупы“¹⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ и постѣ появленія Уложения населеніе поморскихъ уѣздовъ и городовъ смыкалось и противопоставлялось остальнымъ слоямъ его, преимущественно постѣльку, поскольку постѣдніе не отирали возложеннія на нихъ обязанностей. Извѣстный указъ 1681 года о стрѣлецкой подати и бургомистерскія установления 1699 года свидѣтельствуютъ о такой связи между „уѣздными“ и посадскими людьми: ихъ вѣдали сперва воеводы, а потомъ бургомистры: только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ²⁾.

То же самое, хотя и въ меньшей мѣрѣ, можно сказать и объ отношеніяхъ черныхъ людей къ „бѣломѣтцамъ“: духовенству и служилымъ людямъ. Въ виду поземельного характера волостной общины и бѣломѣтцы должны были входить въ составъ ея, если они владѣли черною землей и не были освобождены отъ тягла; такъ какъ постѣдніе въ сущности дожилось на владѣльческихъ крестьянъ, то и они еще приуждены были по требованію волости „тянуть въ волостные разрубы и разметы“. Только съ течениемъ времени, когда число бѣломѣтцевъ, путемъ ли привилегій или частныхъ злоупотреблений освободившихся отъ исполненія подобнаго рода обязанностей, значительно возрасло,

¹⁾ Уложение, XVIII, 23; XIX, 15—17: въ статьѣ 15-й крестьянамъ запрещается владѣть лавками и т. п. заведеніями; но здѣсь рѣчь идетъ, повидимому, только о владѣльческихъ крестьянахъ; ср. Доп. къ А. И., т. IV, № 101. П. С. З., т. I, № 307; т. II, № 1123; т. VII, № 4194. А. Лаппо-Данилевскій, Орг., 173—176. Н. Деболинскій, Ор. сіт., стр. 201—203.

²⁾ А. Э., т. IV, № 250, (ср. впрочемъ іб., стр. 348). А. И. т. V, №№ 77 и 291 П. С. З., т. III, № 1715; т. VI, № 3708, гл. II и XIV и мн. др.

различие въ положеніи черныхъ людей и бѣломѣстцевъ стало яснѣе прежняго: лишь со времени изданія Уложенія опо окончательно установилось и еще рѣзче выступило съ введеніемъ по-душной подати, которую должны были платить одни только тяглцы, а не „благородные“.

2. Крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ.

Въ ипомъ положеній оказались крестьяне, сидѣвшіе на частновладѣльческихъ земляхъ: они съ теченіемъ времени попали въ личную и имущественную зависимость отъ своихъ господъ землевладѣльцевъ и благодаря ей стали рѣзко обособляться отъ остальныхъ слоевъ свободного русского населенія.

Образованіе класса крестьянъ, лишенныхъ „своей“ земли, объясняется весьма разнообразными причинами. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

На первыхъ порахъ вольные люди, вѣроятно, садились на чужую землю, по своей охотѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ ея надѣленъ быть известными привилегіями. Крестьянину выгодно было сидѣть за сильнымъ землевладѣльцемъ, вотчину которого часто освобождалась отъ разныхъ сборовъ и повинностей и который защищалъ его отъ произвола и насилий со стороны сосѣдей и мѣстныхъ властей: не даромъ князь предоставляетъ монастырю, а иногда и владѣльцу изъ мѣрянъ, разныя льготы, обыкновенно лишь подъ условіемъ, чтобы льготчикъ не принимать „тутопинихъ волостныхъ“ или „тяглыхъ“ людей; иногда правительство прямо требовало, чтобы льготчикъ „съ тяглыхъ черныхъ мѣсть на льготу крестьянъ не называть“. Даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда охотно записывались въ крестьяне для того, чтобы имъ, „скитаяся между разныхъ вотчинъ, не погибнуть напрасно“ ¹⁾. Извѣстно, что подѣбаго рода видно, однако, что не одна только охота, но и нужда часто заставляла вольныхъ людей садиться на чужую землю. Такимъ же образомъ поступали и крестьяне-своеземцы: они бросали свои зе-

¹⁾ А. Ефименко, Ор. сіт., стр. 272, 277, 278, 307 - 313. М. Дьяконовъ, Къ исто-
рии крестьянского прикрѣпленія, Спб., 1893 г., стр. 21, пр. и Ор. сіт., стр. 180—
187. Н. Иващенко, Ор. сіт. въ Др. т. I, вып. 3, стр. 413—440. А. Лаппо-Данилевский,
Разысканія по истории прикрѣпленія владѣльческихъ крестьянъ въ Москов-
скомъ государствѣ, Спб., 1900 г., стр. 13—15 и др. Любопытно, что частные
владѣльцы прибѣгали къ такимъ же мѣрамъ: Василій Своеземецъ, жертвуя
земли Важекому Богословскому монастырю, обязалъ пгумена не принимать къ
себѣ „его, Васильевыхъ, половниковъ, ип отхожихъ людей“ (А. Ефименко, Ор.
сіт., стр. 195).

меленькие участки или переуступали ихъ новымъ владѣльцамъ. Случаи постѣднаго рода были сложнѣе остальныхъ, а потому и нуждаются въ особомъ разсмотрѣніи.

Судя по иѣсколько позднѣйшимъ данимъ XVI—XVIII вв., касающимся, главнымъ образомъ, поморскихъ уѣздовъ, крестьяне уступали свои земельные участки въ чужія руки, вѣроятно, частью подъ вѣнцемъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ оказывалось крестьянское хозяйство, частью благодаря религіозному настроенію вкладчиковъ. Скудныя средства и беззащитность мелкихъ владѣльцевъ, хозяйства которыхъ были обложены тяжелыми государственными податями и повинностями, принуждали ихъ иногда отказываться отъ той земли, въ которой они всего болѣе нуждались. Не имѣя чѣмъ „прокормитися“ и „не измогши государевой дани давати“, бѣднѣйшіе крестьяне прибѣгали къ „земляной продажѣ или закладу“ и переуступали свои участки близкимъ своимъ соѣдямъ-крестьянамъ; изъ сдѣлокъ подобнаго рода видно, что постѣднѣе иногда оказывались ихъ кредиторами. Такую же роль „собирателей“ земельныхъ участковъ играли, вѣроятно, и другія лица, напримѣръ, посадскіе, владѣвшіе землею въ уѣздахъ, и монастыри. „Разъ успѣвъ захватить, хотя бы $\frac{1}{16}$ долю деревни, землевладѣльца, чаще всего монастыри, медленно, но твердо вытѣсняли прочихъ сътадниковъ деревни, постепенно завладѣвая расчиненной ими землей“ и превращая „скучныхъ“, но все же „восточныхъ бывшихъ крестьянъ“ въ лицъ, „живущихъ за лимъ и работающихъ па него вмѣсто рабовъ“. Указанный путь обезземеленія быть не единственнымъ: къ тому же результату приводила и добровольная уступка земли въ церкви и монастыри путемъ вкладовъ, вызванныхъ не только хозяйственными расчетами, но и религіозными побужденіями. Бывали, конечно, и такие случаи, когда при переуступкѣ земли крестьянами лицамъ иного общественнаго положенія оба мотива могли взаимно встрѣчаться, что видно, напримѣръ, изъ одного дѣла 1657—1658 гг. Благодаря вышеуказаннымъ условіямъ, крестьяне легко превращались въ землевладѣльцевъ, лишившихъ поземельной собственности; она переходила въ чужія руки, вѣроятно, не безъ злоупотреблений со стороны „сильныхъ“ людей¹⁾). Впрочемъ, крестьяне, переуступившіе свои земельные участки новымъ владѣльцамъ, продолжали иногда сохранять связь съ землею, по не въ качествѣ своеzemцевъ, а только въ качествѣ крестьянъ порядчиковъ или

¹⁾ Ср. статью Судебника 1550 года, опредѣлявшую шестилѣтній срокъ для исковъ черныхъ людей о землѣ, захваченной боярами и монастырями; этотъ срокъ вдвое больше обычненнаго (Судебникъ II, 84).

половниковъ; дѣ этому они особенно стремились въ имѣніяхъ тѣхъ влиятельныхъ владѣльцевъ, за которыми сидѣть было выгодно. Можно думать, что въ предѣлахъ владѣній одного и того же лица, крестьянинъ, на первыхъ порахъ, даже продолжать иногда распоряжаться своимъ участкомъ, напримѣръ, могъ „продавать его, то-я-же вотчины“ крестьянину. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы старались поставить въ зависимость отъ себя совершение подобного рода сдѣлокъ и стали требовать „явки“ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянинъ, сдавший на прежнемъ своемъ участкѣ въ качествѣ порядчика или половника, принималъ на себя и исполненіе соотвѣтствующихъ обязанностей. Приведемъ два примѣра. Въ одной изъ древнѣйшихъ „порядныхъ“, известныхъ въ печати (1544 г.), уже встрѣчается такое именно условіе: Елизарій Турбинъ уступить Тимофею и Барсану Семиверстровымъ свой участокъ и порядился на него же (вмѣстѣ съ другимъ участкомъ), причемъ обязался „сѣяти на Семиверстовыхъ шесть пуговъ жита урокомъ“; въ 1593 году крестьянинъ Денисій Ефремовъ „положилъ“ свою землю въ церковь Введенія (Ростовской вол. Холмогорской епархіи), подъ условіемъ, чтобы церковный староста отдавать ее „нахати ему изъ жеребья“. Въ другихъ случаѣахъ связь между прежнимъ собственникомъ и его поземельнымъ участкомъ утрачивалась; онъ „бродилъ по миру“ и часто становился арендаторомъ чужой земли или простымъ сельскимъ рабочимъ, легко терявшимъ и прежнюю волю¹⁾.

Само правительство иногда способствовало пополненію того же класса владѣльческихъ крестьянъ: многія изъ черныхъ волостей были не только превращены въ дворцовые села, но разданы и въ частные вотчины или помѣстья; черносопливые крестьяне, сидѣвшіе на этихъ земляхъ, оказывались частно-владѣльческими: правда, до полнаго пріокрѣпленія они имѣли право выхода въ сроки, установленные обычаемъ или закономъ, по постепенно возрастающей зависимости ихъ отъ землевладѣльцевъ все болѣе стѣсняла возможность для нихъ пользоваться своимъ правомъ. А по отмѣнѣ „урочныхъ лѣтъ“ они, конечно, должны были подвергнуться той участи, которая постигла и остальныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Судебники столь же мало содержатъ постановлений о вта-

¹⁾ А. Ю., № 23, стр. 55—56. Случай, приводимый въ текстѣ, не единственный изъ известныхъ намъ: въ 1576 году, напримѣръ, поморецъ Каргопольскаго уѣзда Иванъ Строевъ продать Кирилло-Бѣлозерскому монастырю свою „деревню“ на р. Лямцѣ, причемъ порядился на ней „нахати орамыя земли и пожви“, а также платить съ нея оброкъ и дани и всякия подати государскія (Сборникъ граматъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ Библ. Спб. Дух. Акад., А., 11, 48, л. 87); ср. Р. И. Б., т. XIV, стб. 37. А. Ефименко, Ор. сіт., стр. 274—275.

дѣльческихъ крестьянахъ, какъ и о крестьянахъ черносошныхъ; въ нашихъ памятникахъ законодательства 1497 и 1550 гг. владѣльческие крестьяне обыкновенно приравниваются въ своихъ правахъ къ черносотнымъ¹⁾), хотя, разумѣется, отличаются отъ нихъ, поскольку сидѣть на чужой землѣ. Это обстоятельство имѣло самое рѣшительное значеніе для постѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ.

Впрочемъ, владѣльческий крестьянинъ въ то время все еще признавался человѣкомъ свободнымъ, имѣвшимъ право перехода въ известные сроки: онъ сидѣть на чужой арендуемой имъ землѣ; онъ устраивался на ней въ силу обычая самостоятельнымъ дворомъ и пользовался особымъ участкомъ пашни, а также соответствующими угодьями²⁾; онъ заключать договоръ съ землевладѣльцемъ въ формѣ порядной. Всѣ условия порядка едва ли, однако, перечислялись въ порядной: въ нее обыкновенно включалось условіе объ аренда земли: въ той же записи преимущественно опредѣлялись тѣ обязанности, которыя крестьянинъ „по своему приговору“ принимать на себя относительно господина, когда онъ рѣшился на участокъ его земли, и упоминалось о тягѣ, которое онъ долженъ быть тянуть вмѣстѣ съ другимъ крестьянами въ пользу государства³⁾.

Величина участковъ, снимаемыхъ крестьянами, была чрезвычайно разнообразна. Нѣсколько болѣе однозначная извѣстія можно собрать лишь относительно размѣровъ крестьянской пашни. Въ концѣ XV-го вѣка Новгородцы опредѣлили обжестъ-

¹⁾ См. выше, стр. 16, пр. 1.

²⁾ Судебникъ 1550 г., устанавливая взиманіе пожилого „съ воротъ“, кажется, имѣть въ виду именно дворъ крестьянинъ, а не его домъ (ст. 88). Крестьяне по преимуществу люди „пашенные“; см. И. С. Р. Л., IV, 209. Хотя въ документахъ того времени, въ писцовыхъ книгахъ и даже въ Судебникѣ 1550 г. (ст. 26) упоминаются „крестьяне пепашенные“, но, по крайней мѣрѣ въ то время, они составляли сравнительно малый процентъ сельскаго населения. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходное съ ними положеніе занимали и бобыли; но на выясненій его было бы слишкомъ долго останавливаться здесь; см. М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 206—242 и его же рецензію на книгу г. Сергеевича (Древности рус. пр., т. III) въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7, стр. 187—196.

³⁾ Иск. Суд. гр., ст. 85 уже упоминаетъ „запись“ о покрутѣ: одна изъ древѣйшихъ порядныхъ, напечатанныхъ въ А. Ю., относится къ 1544 году (А. Ю., № 23, стр. 55—56); Рус. Ист. Быбл., т. XIV стр. 37. Перечисленіе порядныхъ, напечатанныхъ до 1595 года, а также цѣлый рядъ новыхъ см. въ Актахъ, относящихся къ исторіи тѣлтаго населенія въ Московскому государству, собр. М. Дылковымъ, Іорьевъ, вип. I; нѣсколько новыхъ, порядныхъ см. въ соч. Н. Дебольскую. Гражданская дѣеносность по русскому праву до конца XVII в., Спб. 1903 г., стр. 433—440. Здѣсь шѣсть возможностей упоминать о всѣхъ условіяхъ, включаемыхъ въ порядную запись: о пѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, подмогѣ, ссудѣ и пр. см. ниже стр. 35—36 и 51—52.

дующимъ образомъ: „обжо—одинъ человѣкъ на одной лошади ореть“: позднѣе писцы часто писали на обжу, въ качествѣ земельной мѣры, по 5 дес. въ поѣ: но въ дѣйствительности размѣры запашки новгородскихъ крестьянъ колебались въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: до XVI-го вѣка въ пятинахъ приходилось на крестьянское хозяйство, напримѣръ, по $1\frac{1}{2}$ —4 дес. въ поѣ. Въ центральной области дворцовая выть (за вычетомъ десятины на „посоиный“ хлѣбъ) соотвѣтствовала обжѣ: но реальные размѣры крестьянской запашки въ иѣкоторыхъ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, судя по писцовыми книгами 1570-хъ и позднѣйшихъ годовъ, уже довольно малы: въ тверскихъ владѣніяхъ в. ки. Симеона Бекбулатовича въ 1580—1581 гг., напримѣръ, числилось 2060 дворовъ, а крестьянской пашни вмѣстѣ съ льготной 6972,4 дес. во всѣхъ трехъ поѣахъ, что составить лишь около 1,1 дес. запашки или 3,3 дес. во всѣхъ трехъ поляхъ на крестьянскій дворъ. Въ имѣніяхъ Морозова (XVII в.) осьмакъ земли (отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ дес. смотря по качеству почвы) также служилъ обычною нормою пахотного тягла на каждое крестьянское хозяйство. На южной українѣ, благодаря обилию земли, пригодной для обработки, величина запашки, приходившейся на дворъ, была еще большею частью довольно высока: въ оболенскихъ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, за 92 дворами было описано до 533,5 четвертей пашни, т. е. до 5,8 четвертей (или 2,9 дес.) пашни на дворъ. Развитіе барщины въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ позднѣйшаго времени, конечно, не способствовало увеличенію крестьянской запашки, а ея размѣрами, (за исключеніемъ развѣ сѣвера), въ большинствѣ случаевъ, опредѣлялось и благосостояніе крестьянскаго двора: значитъ, можно предполагать, что оно понизилось уже до смутнаго времени: постѣднее только способствовало дальнѣйшему его пониженію ¹⁾.

Обязанности, исполненіе которыхъ крестьянинъ принималъ на себя въ силу порядка, были различной сложности, смотря по тому, поступалъ ли онъ въ готовый дворъ и садился ли на разработанный участокъ пашни, или долженъ быть обзаводиться новымъ хозяйствомъ. Судя по известнымъ намъ порядкамъ, случаи постѣдняго рода часто повторялись. Для того, однако, чтобы обзавестись хозяйствомъ и пользоваться землею, нужно было имѣть кое-какія средства; крестьянинъ далеко не всегда располагать ими: въ такихъ случаяхъ, кромѣ льготы отъ уплаты податей,

¹⁾ *Н. Соколовский*, Ист. сельск. общ. 24—32. *А. Никитский*, Ист. эк. быта Вел. Новгорода, стр. 53—57. *Н. Янко*, Тверской уѣздъ въ XVII в., стр. 204 и 205. *Н. Рожковъ*, Ор. сіт., стр. 146—153, 185, 195—201 и мн. др. Исторія удѣловъ, т. II, стр. 12 и примѣч. ст. 4—5. *И. Забылина*, Ор. сіт., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 24—25.

шаприябрь, на одинъ, два года и болѣе, онь обыкновенно брать отъ господина еще „подмогу“. Хотя „подмога“ въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, пожалуй, имѣла разныя значенія, но въ XVI и началѣ XVII вѣка великорусской крестьянинъ получать ее въ качествѣ пособія деньгами, хлѣбомъ и разными другими принадлежностями хозяйства на всякой „крестьянской заводѣ“. За подмогу онь, кажется, долженъ быть привести снятый имъ участокъ въ состояніе, пригодное для веденія на немъ хозяйства; по крайней мѣрѣ, въ силу порядковъ того времени, крестьянинъ „за льготу и за подмогу“ обязывался починить старыя постройки или поставить новыя, „деревни распахать, поля огородить“ и т. п.; въ противномъ случаѣ онь иногда прямо включать въ условія порядной обязательства вернуть подмогу землевладѣльцу; сохранились указанія на возвращеніе подмоги крестьяниномъ и въ томъ случаѣ, когда онь „выходилъ“ изъ имѣнія.

Впрочемъ, на какую бы землю „пашенный крестьянинъ“ ни садился, онь рано или поздно долженъ быть принятъся за исполненіе обязанностей, обусловливавшее пользованіе снятымъ имъ участкомъ господской земли. Нормы ихъ могли въ известной мѣрѣ зависѣть отъ особенностей данной мѣстности и устанавливаться обычаемъ; порядчикъ долженъ быть нахать свой участокъ, не запереложить его, чистить луга и т. п., а также вообще работать и платить господину, „какъ прочие крестьяне“ или „какъ въ людяхъ ведется“; но въ порядковъ эти нормы лишь подразумываются, а не указываются. Такимъ образомъ, при постоянныхъ колебаніяхъ величины земельныхъ участковъ, снимаемыхъ крестьянами, и въ виду отсутствія какихъ-либо точно установленныхъ нормъ, опредѣленіе обязанностей съемщика въ значительной мѣрѣ зависито отъ частнаго соглашенія его съ землевладѣльцемъ. Отсюда въ дѣйствительности проистекали два послѣдствія: большое разнообразіе и большая неравномѣрность крестьянскихъ повинностей и платежей. Разнообразіе ихъ замѣтно въ пестрой смѣси различныхъ обязанностей, падавшихъ на одного и того же порядчика: неравномѣрность—въ постоянныхъ колебаніяхъ тяжести крестьянскаго издѣлья и высоты оброка, составлявшаго „доходъ“ землевладѣльца, не только въ разныхъ мѣстностяхъ, но даже въ одномъ и томъ же имѣніи и, приблизительно, въ одинъ и тотъ-же періодѣ времени.

Разнообразіе надѣльныхъ повинностей крестьянъ обнаруживается уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ граматахъ, опредѣлявшихъ нормы ихъ для цѣлыхъ имѣній. Главнѣйшія изъ этихъ повинностей можно, кажется, разбить на слѣдующія группы:

- 1) дѣло на господскомъ дворѣ (дворъ подѣливать, хоромы ста-

вить, сады оплесать и пр.); 2) полевая страда, главнымъ образомъ, па пашни и сѣнокосъ землевладѣльца; 3) остальная рабо́ты, предназначенные для доставленія или посполенія барскаго „запаса“ и другія болѣе мелкія „издѣлья“; 4) наконецъ, „пово́зъ“, т. е. обязанность доставлять на крестьянскихъ же подводахъ всякие сборы и продукты хозяйства на барской дворъ, а иногда даже въ столицу. Въ такой группировкѣ представляются намъ, напр., издѣлья повинности крестьянъ Константиновскаго монастыря: отъ перечислены въ уставной грамотѣ митрополита Киприана, данной этому монастырю въ 1391 году. „Сироты монастырскіе били въ то время членъ митрополиту Киприану на игумена Ефрема, говоря, что онъ нарѣжаетъ имъ дѣло не по пошлиниѣ“ (т. е. не по тому, какъ пошло изъ старины). Митрополит обратился за справкою къ самому игумену Ефрему, а постѣдній сослался на прежніяго игумена Константиновскаго монастыря, по имени Царка, въ то время проживавшаго въ Москвѣ. На вопросъ о томъ, „какова пошлина въ Святомъ Константинѣ и какъ людемъ монастырекимъ дѣло дѣлать?“, Царко отвѣчательствующимъ образомъ: „При моемъ игуменствѣ такъ было въ Святомъ Константинѣ: большиe люди изъ монастырскихъ сель церковь нарѣжали, монастырь и дворъ тышили, хоромы ставили, игуменовъ жребій весь роты (наши) орали взгоюмъ, и сѣяли, и жали и возили, сѣно косили десятинами и въ дворъ ввозили, Ѣзъ били и вений, и зимой, сады оплесали, па неводъ и на бобры въ осеніи ходили, пруды прудили, и истоки забивали... а иѣхъходцы изъ сель къ празднику рожь мололи и хлѣбы печли, солдъ мололи, пиво варили и па сѣмѧ рожь молотили; а если игуменъ день давать, они его прыти, сѣяки и дѣти неводная парижали“... Кромѣ только что перечисленныхъ издѣльныхъ повинностей, монастырскіе крестьяне „на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену, что у кого въ рукахъ“, а также „давати па праздникъ яловицу: а въ которое село прїѣзжать игуменъ въ братчину и сыпци давати по зобиѣ овса конемъ игуменовымъ“. На основаніи приведеннаго показанія Царка о монастырской пошлиниѣ и согласныхъ съ нимъ показаний другихъ лицъ („въ Володимери“), митрополит „такъ рекъ игумену Ефрему и христіанамъ монастырекимъ: ходите же вен по моей грамотѣ: игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте; а хотя кто будетъ иный игуменъ по семъ игуменъ и тотъ ходить по сей моей грамотѣ“. Такимъ образомъ, въ силу этой граматы, крестьяне Константиновскаго монастыря должны были по прежней его пошлиниѣ и послѣ 1391 года отбывать въ его пользу цѣлый рядъ издѣльныхъ повинностей и кромѣ того платили ему „мелкій доходъ“, въ иѣкоторыхъ изъ своихъ статей оставшійся безъ даль-

пѣшаго опредѣленія. Аналогичныя группы повинностей встрѣчаются и въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ XVI-го вѣка, хотя, разумѣется, содержаніе каждой изъ такихъ группъ (особенно постѣдней) измѣнялось въ зависимости отъ мѣста и времени. Крестьяне Соловецкаго монастыря въ Бѣжецкой его вотчинѣ, судя по уставной грамотѣ 1561 г., „дворъ монастырскій и гумно подѣтывали“; даѣте, они сѣяли и нахали пашню на монастырь, по четверти ржи, да по двѣ четверти овса (или другого хлѣба) съ выти, также „новозъ“ возили и кромѣ того, привозили на монастырскій дворъ дрова, по иѣскоѣко возовъ съ выти: сверхъ всѣхъ этихъ урочищъ работъ, которая крестьянамъ приходилось начинать подъ страхомъ денежнаго штрафа, „на солнечномъ воходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ“, они должны были монастырское дѣло дѣлать, „въ честь“, когда приказчикъ ихъ позоветъ, „и кто придетъ и приказчику тѣхъ людей кормить монастырскимъ хлѣбомъ“ ¹). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что крестьянская барщина, по крайней мѣрѣ до XVI вѣка, едва-ли быта сильно развита: въ древнєе время ее исполнила скорѣе сельская челядь (холопы), чѣмъ крестьяне; въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ XV—XVI вв. известія о крестьянской барщинѣ встрѣчаются довольно рѣдко, да и размѣры ея еще очень малы: у одного изъ крупныхъ новгородскихъ землевладѣльцевъ, Ивана Овишова, при общей запашкѣ отъ 500 до 676 десятинъ въ поѣтѣ своей запашки было, повидимому, только 7—10 дес. Судя по тому, какъ московскіе помѣщики ходили въ своихъ новгородскихъ владѣніяхъ, да и на основаніи другихъ показаний, можно думать, что до середины XVI в. и въ другихъ мѣстностяхъ барщина была еще мало развита: въ имѣніяхъ лучшихъ хозяевъ того времени она начинала играть замѣтную роль только къ концу XVI столѣтія; даже въ то время не только бѣдные, но и самые богатые землевладѣльцы продолжали въ иѣкоторыхъ имѣніяхъ сдавать почти всю свою землю крестьянамъ: у Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ волости Черемхѣ и Закотороскомъ станѣ было 979 четвертей пашенной земли (въ одномъ поѣтѣ): изъ нихъ всего 20 четвертей отведено было подъ собственное монастырское хозяйство; остальныя числились за крестьянами ²). Изъ примѣровъ подобнаго рода

¹) А. Э., т. I, № 11; ср. уставную грамоту Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго верха, села Пузирева, крестьянамъ 1561 г. (А. Э., т. I, № 257; выдержки изъ нея приводятся и въ дальнѣйшемъ изложениѣ) и уставную грамоту патріарха Іова Новинскому монастырю 1590 г. (Временникъ Моск. Общ. Ист. и др., т. II, Смѣсь, стр. 17—21).

²) Пис. кн., изд. подъ ред. Н. Калачова, I, 2, стр. 1—8; въ писцовой книжѣ Звенигородскаго уѣзда 1592—1593 гг. мы встрѣтился слѣдующій случай: царь

нельзя заключать обь однобразіи крестьянскихъ повинностей: даже если полагать, что размѣры барщины въ XVI вѣкѣ были довольно постоянны (1—1¹/₂ десятины съ выти), все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что издѣльные повинности до позднѣйшаго времени часто комбинировались съ уплатою „дохода“ землевладѣльцу и что ближайшиe крестьяне, приписанные къ его „селу“, уже отбывали барщину въ то время, когда болѣе отдаленные крестьянскіе дворы, подвластные ему, облагались другими повинностями и платежами.

Тоже разнообразіе и въ особенности неравномѣрность замѣты въ тѣхъ крестьянскихъ платежахъ, изъ которыхъ стагается „доходъ“ землевладѣльца.

Для уплаты главного дохода (его слѣдуетъ отличать отъ мелкаго) крестьянамъ приходилось или отдавать часть урожая землевладѣльцу или платить ему оброкъ, размѣры котораго опредѣлялись какъ инбудь иначе: даже въ позднѣйшее время землевладѣлецъ иногда предоставлялъ своимъ крестьянамъ „сѣять на себя исподу или изъ оброка“.

Въ Московскомъ государствѣ половинчество, по крайней мѣрѣ до XVII-го вѣка, было довольно распространеною формою хозяйства. Исковская судная грамота въ одной изъ своихъ статей упоминаетъ о такихъ изоринкахъ, которые давали землевладѣльцу четвертую часть своихъ полевыхъ произведеній; но доля продукта въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время бывала, конечно, различна: иногда крестьяне обязывались давать землевладѣльцу только „пятый спопъ во всякомъ хтѣбѣ, да пятую кониу изъ сѣнокосу“, напримѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда принимали на себя еще исполненіе другихъ работы; иногда та же часть доходила до одной четверти, до одной трети или даже до половины. Бывали случаи, когда одинъ и тотъ же крестьянинъ поряжался въ половники на разныхъ условияхъ у одного и того же владѣльца; такъ напримѣръ, въ имѣніи Ширижского Черногорского монастыря Шедутковъ поряжался въ половники на участокъ не расчищанной земли; поеть восьмилѣтней льготы, онъ долженъ быть, въ теченіе десяти лѣтъ, отдѣлять въ пользу монастыря четверть, а черезъ восемнадцать лѣтъ одну треть сбора.

Впрочемъ часто попадаются случаи, когда при относительно малой долѣ урожая, выплачиваемаго господину, полов-

Федоръ Ивановичъ пожаловать Троице-Сергиеву монастырю с. Кляново изъ дворцовыхъ сель: въ пемъ, надо полагать, была и дворцовая пашня; но въ шенцовской книгѣ 1592—1593 гг. записано: „дашии паханые, монастырские сер. земли 40 чети, и та пашня раздана крестьянамъ“ (Писц. кн., I, 1, стр. 688). В. Сергеевичъ. Ор. сіт., III, 95.

ники сверхъ того платили ему и натуральный или денежный оброкъ. Условія о взносе половины сбора, притомъ за вычетомъ „хозяйскихъ сѣмянъ“, встречаются и въ старѣйшихъ извѣстіяхъ (конца XV вѣка), и въ позднѣйшихъ порядныхъ XVII-го вѣка, а въ иѣкоторыхъ изъ нихъ опять опредѣляется въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$, „присоединшаго хлѣба“: но даже и такія обязанности комбинируются съ другими³).

Одно изъ существенныхъ отличий оброчной системы отъ половничества состояло, конечно, въ томъ, что оброкъ былъ точно определенной „податью“, величина которой прямо не зависѣла отъ степени урожая данного года. Такой оброкъ могъ быть или натуральнымъ или денежнымъ. Въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно наблюдать, какъ хозяйство постепенно проходило вышеуказанныя формы. Судя по переписией книгѣ Вотской пятины, 1500 года, напримѣръ, землевладѣльцы обыкновенно получали доходъ съ крестьянъ долею продукта: къ концу того же вѣка стѣдовъ половничества здѣсь не замѣтно: взамѣнъ „трети изъ хлѣба“ крестьяне той же мѣстности, сверхъ издѣлія, уже въ 1568 году, повидимому, чаще прежняго взносили хлѣбъ „посолѣ“, т. е. въ точно определенныхъ размѣрахъ, напримѣръ, съ каждой обжи по 1 коробѣ ржи, 1 четверткѣ жита, 1 четверткѣ пшеницы и $\frac{1}{2}$ коробы овса, не считая небольшого денежнаго сбора, или платили прямо денежный оброкъ, обычный размѣръ котораго по книгѣ 1 рубль съ обжи.

Въ XVI вѣкѣ землевладѣльческий оброкъ слагался обыкновенно изъ натурального и денежнаго. Впрочемъ, извѣстны случаи, когда крестьяне облагались однимъ изъ этихъ видовъ оброка безъ другого: бѣжецкіе крестьяне села Пузирева, напримѣръ, платили оброкъ монастырю только хлѣбомъ: но съ течениемъ времени чаще замѣтно исключительное примѣненіе денежнаго оброка (см. ниже).

Высота оброка зависѣла, повидимому, отъ многихъ условій, въ томъ числѣ отъ качества почвы и отъ льготы: льгота могла имѣть разныя степени: какъ въ вышеупомянутомъ случаѣ съ

³) Пск. Суд. гр., ст. 42, 63. А. Ю., № 176; М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 341—342 и Акты, I, №№ 15, 72 и др.; тамъ же списки порядныхъ въ половничество: въ рѣдкихъ случаяхъ „шестой снопъ“ (А. Ю., №№ 177 и 184). А. Лаппо-Данилевский, Ор. сіт., стр. 31—37. Такъ какъ половничество было въ сущности особою формою хозяйственной эксплуатации земли, то на сѣверѣ встречались крестьяне, владѣвшіе земельными участками, но сверхъ того снимавши пеподучную землю: см. П. Ивановъ, Ор. сіт., Др. I, в. 3, стр. 437; въ большинствѣ случаевъ, однако, хозяйственное положеніе половниковъ было, вѣроятно, хуже крестьянскаго.

половинкомъ Шелутковымъ, такъ и при уплатѣ землевладѣльческаго оброка, постѣдній повышался постепенно: „а монастырскаго оброка, писали, напримѣръ, порядчики въ одной порядной 1585 года, дати въ два года—на годъ по рублю, а въ третій годъ дати памъ оброку—два рубля“ ¹⁾). Размѣры оброка, вѣроятно, зависѣли кромѣ того и отъ той комбинаціи, въ которой землевладѣлецъ соединялъ свой доходъ съ издѣльемъ. Бѣженскіе крестьяне села Нузырева Соловецкаго монастыря, напримѣръ, при довольно значительномъ количествѣ возложенныхъ на нихъ цѣнностей, давали ему только по 4 четверти ржи да по 4 четверти овса съ выти, что составляло, примѣрию, по цѣнамъ того времени едва ли болѣе 1 рубл. 60 коп. (1561 г.); между тѣмъ костромскіе крестьяне села Федоровскаго Троицы-Сергіева монастыря, не пахавши на него пашни, платили ему по 2 рубля съ выти (1592—1593 гг.) ²⁾). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что мелкій доходъ могъ также имѣть пѣкоторое значеніе для установленія размѣровъ оброка. Одно и то же условіе (напр. качество почвы), по всей вѣроятности, могло разно влиять на колебанія разныхъ видовъ оброка, а одинаково равномѣрное возрастаніе или убываніе обоихъ вмѣстѣ, надо полагать, чаще замѣнялось повышеніемъ одного изъ нихъ на счетъ другого; стѣдовательно, есть основаніе предполагать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оба вида оброка комбинировались, совокупная цѣнность ихъ подвергалась, менышиемъ колебаніямъ, чѣмъ ся слагаемыя, порознь взятая. Тѣмъ не менѣе и сумму денежнаго оброка вмѣстѣ съ натуральными, въ переводѣ постѣднаго на деньги, едва ли можно признать постоянной величиной: въ цѣломъ рядъ случаевъ мы не въ состояніи усмотрѣть разницу въ прочихъ условіяхъ и все же наблюдаемъ большую разницу въ размѣрахъ платы за землю. Такіе случаи встрѣчаются въ новгородскихъ инсцовыхъ книгахъ, напримѣръ, въ описаніи Вышневолоцкаго уѣзда: здѣсь одна деревня въ 1 дворъ съ 1 обж., на которой было посѣяно 3 коробы хлѣба, платила (въ переводѣ на тогдашнія деньги) помѣщику—8 денегъ, а другая деревня съ такимъ же хозяйствомъ другому помѣщику— $27\frac{1}{2}$ денегъ; или обратно, въ одномъ и томъ же имѣніи двѣ деревни, изъ которыхъ одна въ 1 дворъ и

¹⁾ Въ новгородскихъ инсцовыхъ книгахъ встрѣчаются такія указанія о новоселахъ: „сѣсть ново, пашни пѣть“, „старого дохода не было, сѣли ново“ (Писц. кн. новгород., II, 95 и др.). А. Ю., № 183. Рус. Ист. Библ., XII, 129; XIV, 37, 61, 96, 97, 100). Ср. выше стр. 39 и ниже стр. 43.

²⁾ Здѣсь и въ постѣдующихъ указаніяхъ на цѣны, овѣ не переводятся на современные: попытки выяснить цѣнность стариннаго рубля въ разное время см. въ стѣд. соч.: Р. Ключевскій, Русский рубль XVI—XVII вв., М., 1884 г. Н. Рожковъ, Опѣ сіт., гл. III и Исторія Удѣловъ. Спб., 1902 г., т. II, ч. 1, прим. 13.

съяла 4 коробы, была положена въ 1 обжу, а другая въ 3 двора и съяла 8 коробей, была положена въ 2 обжи, платили землевладельцу „старого дохода“ только деньгами по 2^{1/2}, гривны ¹⁾. Нѣчто подобное,ѣвроятно, происходило и въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства: по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаихъ, когда крестьяне платили непрочитано денежный оброкъ, величина его даже въ одной и той же мѣстности и въ одно и то же время часто колебалась: въ имѣніяхъ Троицы-Сергіева монастыря, расположенныхъ въ Нерехтской волости, крестьяне сельца Солтонова да сельца Козлищева пании не пахали, а платили съ выти по 1 рублю; крестьяне же приселка Жарова съ деревнями, также не пахавшіе пании, платили, однако, съ выти по 2 рубля ²⁾.

Итакъ, въ крестьянскихъ новинностяхъ и платежахъ XVI-го вѣка замѣты и разнообразіе и неравномѣрность. Можно думать, что такое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ пѣкоторыхъ случаяхъ объясняется тѣмъ, что виды и размѣры ихъ зависѣли не только отъ мѣстныхъ условій, но и отъ усмотрѣнія землевладельца; иногда самъ порядчикъ обязывался всякою страду господина „со крестьяны страдати“, какъ онъ „прикажеть“, или платить денежный оброкъ, „чѣмъ онъ (его) изброчитъ“. Такимъ образомъ, вотчинники и помѣщики „свои подати вѣсти на крестьянъ своихъ сами, сколько съ кого взятъ“ ³⁾.

Впрочемъ, съ течениемъ времени, изъ смѣси разнообразныхъ обязанностей, которая крестьяне испытывали въ пользу землевладельца, стали выдѣляться преимущественно двѣ, а именно: барщина и денежный оброкъ.

Развитіе барщины зависѣло отъ различныхъ условій, напримѣръ: отъ качества почвы и отъ того, проживалъ ли землевладелецъ въ данномъ имѣніи. Въ памятникахъ встрѣчаются указанія на размѣры барской запашки, по которымъ можно судить и о развитіи барщины. Въ концѣ XVI-го вѣка уже встрѣчаются случаи поглощенія всѣхъ остальныхъ обязанностей крестьянъ въ

¹⁾ Ипс. кн. новг., I, 11—12, 90; III, 115 (сверхъ того сѣна по 10 и 20 кк.) ср. Н. Рожковъ, Ор. сіт., стр. 234—258; ср. В. Сергеевъ, Ор. сіт., III, 110—111.

²⁾ А. Э., т. I, № 307. Ипс. кн., подъ ред. И. Калачева, I, 2, стр. 896.

³⁾ А. Ю. № 196, I (1639 года). Акты и проч., собр. М. Цыгановъ, в. I № 5 (1627 года), и др. Въ монастырскихъ грамотахъ, указанныхъ выше, напримѣръ въ изѣбетной грамотѣ 1561 г., иногда говорится, что они выданы по члобитью крестьянъ, но обѣ условія между ними и землевладельцемъ рѣчи нѣть: составители грамотъ часто называютъ ихъ не уставными, а только „жаловаными“ или „жалованными несудимыми“ (А. Э., т. I, № 201); впрочемъ грамота 1580 г. Троицы-Сергіева монастыря называется „уставною“ (А. Э. т. I, № 255); ср. выраженію „семя уложили“ и пр. въ А. Э., т. I, № 268. Г. Комонинъ, XI, 3.

пользу землевладельца—одиню барщиной: въ 1590 году кишининские крестьяне Троицы-Сергіева монастыря должны были, взамънь отправлениѧ разнообразныхъ повинностей и „за всякие монастырскіе доходы“ „пашию пахать на монастырь, по пяти десятинъ съ выти“. При научной оцѣнкѣ извѣстій о собственности запашникъ землевладельцевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, конечно, что она часто производилась при помощи ихъ „людей“ (т. е. холоповъ), а не только крестьянъ: по возрастанію барской запашники, наблюдалось къ концу XVI вѣка, едва-ли можно объяснить однимъ только увеличеніемъ числа дворовыхъ людей или наймомъ рабочихъ. Хотя ростъ холопскаго населения XVII-го вѣка въ такихъ уѣздахъ, напримѣръ, какъ Калужскій и Тульскій, а въ особенности въ Вешенскомъ и Орловскомъ, весьма замѣтенъ, однако, писцовая книга свидѣтельствуетъ о томъ, что и крестьяне работали на барской пашнѣ. Наемные дѣловые люди (вѣроятно въ рѣдкихъ случаяхъ, у богатыхъ вотчинниковъ), также испытывали иногда работы подобнаго рода, напримѣръ, въ вотчинахъ боярина Морозова; однако въ имѣніяхъ того же боярина крестьяне не только привлекались къ отбыванію барщины среднимъ числомъ по боярской десятинѣ въ пость съ 6—8 дворовъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ сѣнокоса, но (въ язвовыхъ его вотчинахъ) должны были постоянно увеличивать, въ качествѣ тягловаго издѣлья, прежнія пашни и сѣнокосы новыми росчинами, съ десяти вытей по десятинѣ¹⁾. Итакъ, можно думать, что увеличеніе барской запашники отчасти указываетъ и на развитіе крестьянской барщины. Въ иѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно къ концу XVI вѣка, барская запашника уже получаетъ довольно видное мѣсто. Въ вотчинахъ Троицы-Сергіева монастыря, напримѣръ, въ трехъ станахъ Юрьево-Погорѣскаго уѣзда, судя по писцовой книгѣ 1592—1594 гг., числилось до 1799 четвертей доброй и середней земли; изъ нихъ до 531 было отведено подъ монастырскую пашию, что составляетъ до 29,5% пашенной земли описанныхъ имѣній. Такое же явленіе можно наблюдать и въ вотчинахъ свѣтскихъ лицъ въ прикамской области: въ великонермскихъ владѣніяхъ С. и М. Строгановыхъ (т. е. въ Чусовой, Сылмѣ и Яйвѣ) барская запашника достигала довольно крупныхъ размѣровъ и, во всякомъ случаѣ, имѣла не менѣе существенное значеніе въ ихъ хозяйѣ.

¹⁾ *П. Забѣлинъ*, Большой бояринъ и пр. въ В. Е. 1871 г., № 1, стр. 27, 47; № 2, стр. 465, 468; боярская десятина была величиною въ 80 саж. длинику и 80 саж. ширину. При наемномъ труде расходы вотчинника въ иѣкоторыхъ случаяхъ были довольно значительны; см. *П. Ивановъ*, Документы Крестьянского Онежского монастыря въ Др., I, 3, стр. 518. Ср. Уложеніе, XVI, 38.

ствѣ¹⁾). Судя по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ, довольно сильное развитіе барской запашки замѣтно даже въ центральныхъ уѣздахъ, напримѣръ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ и Рузскомъ, а также въ южныхъ уѣздахъ,—напримѣръ, въ Воротынскомъ и въ Карабекскомъ.²⁾ Извѣстія того времени о числѣ дней, въ теченіе которыхъ крестьянинъ долженъ быть „боярское здѣлье дѣлать“ на господина, встрѣчаются, однако, довольно рѣдко: въ нѣсколькихъ порядкахъ XVII-го вѣка оно опредѣляется въ размѣрѣ двухъ дней въ недѣлю, причемъ каждый порядчикъ обязывался работать съ „лошадью“. Въ нѣкоторыхъ монастырскихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка эта повинность колебалась въ предѣлахъ 2—4 десятины на выть крестьянской земли³⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что установление размѣровъ издѣльныхъ повинностей уже въ то время доpusкало со стороны землевладѣльца большие производа, чѣмъ оброкъ, особенно съ того времени, когда крестьяне потеряли право перехода и, следовательно, утратили одно изъ самыхъ существенныхъ средствъ противъ такого производства. Въ вотчинахъ боярина Морозова провинившіеся крѣпостные (въ томъ числѣ и крестьяне) сѣкли лѣсъ подъ пашню и сѣлѣлись, подъ особымъ надзоромъ прикащикъ: „посланъ къ тебѣ, писать ему однажды бояринъ, будникъ Федыка (приготовившій поташъ) и тебѣ его принять и посадить въ кандалы и отдать въ работу къ дѣловымъ и беречь крѣпко, чтобы не ушелъ, а жестѣза ножныя, которыя на немъ, пристать къ Москвѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя изъ издѣльныхъ повинностей принимали болѣе изощренныя формы: въ вотчинахъ Морозова крестьяне обязаны были, напримѣръ, заниматься приготовленіемъ поташа, который бояринъ сбывалъ съ большими выгодами на европейскіе рынки: для этого онъ не стѣснялся „сильно“ (т. е. насильно) отдавать „добрыхъ и умныхъ крестьянъ“ въ будное учение; а между тѣмъ будное дѣло можно было сдѣлать тяжелой повинностью: когда бояринъ указать бурцовскимъ крестьянамъ своей курмышской вотчины жечь золу и дрова ставить на лыковскіе майданы противъ лыковскихъ кре-

¹⁾ А. Э., т. I, № 348. И. Писц. кн., изд. Н. Калачевымъ, I, 1, стр. 851—856. *И. Устяловъ*, Строгановы, Спб., 1842 г., 37—41; точность цифровыхъ показаний, приведенныхъ въ грамотѣ 1692 г. изъ книги И. Яхоптова, вызываетъ сомнѣнія.

²⁾ Писцовые книги 1620-хъ годовъ далеко не вѣрь содержать свѣдѣнія порою о количествѣ барской и крестьянской пашни.

³⁾ И. Бѣляевъ, Ор. сіт., 158—159. М. Дылкоюзовъ, Ор. сіт., стр. 238. Въ одной бобыльской порядной 1648 года бобыль также обязуется, чтобы ему „всякое здѣлье дѣлать на своего государя“, но „иѣщему“, т. е., вѣроятно, безъ лошади.

стянь—на выть дровъ давать по 12 сажень, а золы жечь па выть по 120 четвертей, то крестьяне „гораздо ужаснулись“ ¹⁾.

Впрочемъ, развитіе барщины и изощренныхъ формъ издѣлья въ одиѣхъ мѣстностяхъ не исключало, конечно, развитія въ другихъ денежнаго оброка, уплатою котораго замѣнялись прочія повинности поридчика; на риду съ крестьянами барщинными все чаще появляются и крестьяне оброчны, особенно въ имѣніяхъ, гдѣ земля была похуже, или гдѣ владѣльцы сами не проживали. Уже въ XVI вѣкѣ можно указать довольно много примѣровъ уплаты оброка деньгами; въ иѣкоторыхъ вотчинахъ крестьяне платили денежный оброкъ землевладѣльцу и за издѣлье, включая въ него иногда полевую страду. Крестьяне предпочитали барщинѣ оброчную систему: однажды крестьяне Крестнаго монастыря (въ 1673 году) пришли въ монастырь и говорили „недобро вѣжливо“ монастырскимъ властямъ, чтобы имъ монастырской страды не страдать и за всякие взносы цѣдѣлья платить по 2 рубля, вмѣсто прежнихъ 10 ²⁾. Въ данномъ случаѣ, однако, ясно обнаружилась и оборотная сторона дѣла: крестьяне высказали свое предпочтеніе денежному обрoku, но не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требовалъ его землевладѣлецъ: послѣднему, при оброчной системѣ, трудеѣ было вмѣшиваться во внутреннюю жизнь крестьянской общины, зато легко было повышать размѣръ самого оклада. Въ самомъ дѣлѣ ростъ такого оклада можно наблюдать въ XVI вѣкѣ. Московскіе помѣщики, хождившіе на новгородскихъ земляхъ, уже охотно содѣствовали этому росту: они иногда значительно увеличивали прежній денежный окладъ, которымъ были обложены крестьяне. И поздѣе, сравнивая показанія писцовыхъ книгъ 1540-хъ и 1580-хъ годовъ, легко замѣтить перемѣну въ размѣрахъ оброка: помѣщики Бѣжецкой пятини, въ иѣкоторыхъ случаяхъ оставляя прежній денежный оброкъ, въ видѣ прибавки взимали со своихъ крестьянъ еще новый: натуральный: въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, въ Вотской пятинѣ, за то-же время повысивши размѣры денежнаго оброка ³⁾. Въ настоящее время трудно сказать, находился ли въ связи такой ростъ съ повышеніемъ реальной цѣнности оклада или исключительно стоять въ зависимости отъ обесцѣненія рубля. Если принять во вниманіе, что въ Бѣжецкой пятинѣ въ 1580-хъ годахъ

¹⁾ Н. Забѣлинъ, Ор. cit. ib., стр. 468, 483.

²⁾ Писц. кн., изд. подъ ред. Н. Калачева, I, 1, стр. 68, 284, 744, 777 и др. Н. Ивановъ, Ор. cit., ib., стр. 530.

³⁾ Н. Рожковъ, Ор. cit., стр. 237, 254 и др.; ср. выше и ниже замѣчанія на стр. 39 (о дѣланії дѣла сверхъ урочнаго дѣла) и на стр. 48 (о „да-рахъ“).

сборы съ крестьянъ возврали въ видѣ добавочнаго натуральнаго (а не денежнаго) оброка, что одна и та же денежная сумма могла имѣть въ доходѣ крестьяниня и въ доходѣ землевладѣльца разныя значенія и что постѣднemu труду было воздержаться отъ стремленія повысить реальную цѣнность оброка, то едва-ли удастся свести увеличеніе постѣднаго къ перемѣнамъ въ одной только номинальной его стоимости; притомъ можно даже сомнѣваться, чтобы въ колебаніяхъ величины оброка и цѣнности рубля того времени, особенно въ 1540—1580 гг., существовало полное соответствие. Какъ бы то ни было, въ XVII-мъ вѣкѣ встрѣчаются случаи, когда денежный оброкъ сбирается въ размѣрѣ около 1 рубля съ двора: въ нижегородскихъ имѣніяхъ Морозова „сердняя или постоянная цифра тяглового денежнаго сбора“ составляла 15 рублей съ выти (въ 12—16 дворовъ?); по бывали оклады и по 6 и по 24 рубля съ выти. Съ потерей права свободнаго перехода, крестьяне потеряли и возможность существеннымъ образомъ реагировать противъ такихъ произвольныхъ повышений оклада денежнаго оброка со стороны землевладѣльцевъ. Хотя, разумѣется, они и должны были сообразоваться съ общими условіями данной мѣстности и данного времени, но все же эти новшенія бывали иногда довольно значительны: крестьяне богатаго приволжскаго села Лыскова, пока они были въ дворцовомъ вѣдомствѣ, платили по 7 р. 50 к., съ выти; по пожалованій Лыскова Морозову, положеніе ихъ измѣнилось: Морозовъ (въ 1646 г.) увеличилъ число вытей въ Лысковѣ съ 126 на 132, но назначить взимать по 20 р. съ выти въ самомъ селѣ и по 15 р. съ выти въ приселкахъ и деревняхъ: такимъ образомъ, новый владѣлецъ счелъ возможнымъ приблизительно вдвое повысить размѣры денежнаго оброка, взимаемаго съ крестьянъ¹⁾.

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянинъ обязанъ быть платить землевладѣльцу не только главный, но и „мелкій“ доходъ или „столовые обходы“ (запасы): уплаты „мелкаго“ дохода еще болѣе осложняла сборы, падавшіе на крестьянъ, а съ переводомъ его на деньги, превратилась въ уплату добавочнаго денежнаго оброка, иногда слившагося съ главнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, судя, напримѣръ, по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, крестьяне были обязаны поставлять землевладѣльцу сельско-хозяйственные продукты, образовывавшіе его „мелкій доходъ“, чаще всего: сырь

¹⁾ Н. Забѣлинъ, Оп. cit., В. Е. 1871 г., № 1, стр. 10, 25, 28—30. Лысковцы, правда, были освобождены за такой оброкъ отъ всѣхъ надѣльныхъ повинностей и уплаты столовыхъ запасовъ; но это условіе было тотчасъ же нарушено; впрочемъ, бояринъ сбавилъ оброкъ съ своихъ покровскихъ крестьянъ, появившихъ въ аналогичное положеніе и просившихъ его обѣ облегченій.

и масло, барановъ и овчины; куръ и яйца, а также ленъ: крестьяне Соловецкаго монастыря, на основаниі уставной грамоты 1561 г., должны были давать съ выти на „Оспожинъ день“ по сыру по сухому, а пелюбъ сыръ и за сыръ двѣ деньги; да въ осень на Покровъ св. Богородицы по 50 яицъ, да по хлѣбу, да по калачу. Нижегородскіе крестьяне Морозова были обязаны платить ему съ выти (въ 12—16 дворовъ): 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста или, взамѣнъ холста, 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи. Въ иныхъ вотчинахъ того же владѣльца крестьяне сверхъ того давали еще съ выти же: 1 утку, 8 куръ или 8 гривенокъ коровья масла, 100 или 50 яицъ, осьмину, полуосьмину или четвертину орѣховъ или вмѣсто орѣховъ четверть хмѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ лыма или съ каждого двора взималось по одной курицѣ, гривенкѣ масла и 3 яйца; также по гривицѣ шерсти, если шерсть не была положена съ выти. Трудно перечислить все разнообразные „столовые запасы“, которые крестьянамъ приходилось поставлять на барскій дворъ; они менялись въ зависимости отъ мѣстныхъ условий. Вотчинникъ не пропускалъ безъ вниманія и побора никакой мелочи ни въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ, ни въ крестьянскихъ промыслахъ; бывали случаи, когда въ виду виезданной прихоти боярина, его вотчины единовременно облагались какимъ нибудь особымъ сборомъ: зимою 1659 года, напримѣръ, Морозову понадобились охотничыи скворцы и онъ велѣть прикащикамъ со всѣхъ своихъ вотчинъ „собрать скворцовъ и къ нему прислать“. Такимъ образомъ, главный доходъ вотчинника различно комбинировался съ его же мелкимъ доходомъ: это еще болѣе осложняло сборы, взимаемые съ крестьянъ, что, разумѣется, усиливало вышеуказанныя послѣдствія подобнаго рода явлений. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда мелкий доходъ переводился на деньги, его легко было слить съ денежнымъ оброкомъ: въ переписной книжѣ деревской пятини 1495 г. можно уже встрѣтить, напримѣръ, случаи въ родѣ слѣдующаго: за помѣщицкомъ Лихомъ Дюковымъ съ дѣтьми быта, между прочимъ, записана деревня-однодворка, въ которой жить Селиванникъ Федковъ; деревня положена быта въ обжку: онъ платить съ пея стараго дохода 10 денегъ, сыръ и горѣсть лыпу: „а новаго дохода за все 16 денегъ“; въ той же книжѣ есть упоминаніе о томъ, что уже „старый доходъ“ уплачивался „за все“ ¹⁾. Въ случаѣ такого перевода мелкихъ сборовъ на деньги, часто повторявшихся

¹⁾ Ишц. кн. нов., II, 519 и др. И. Забѣлинъ, Ор. сіт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 25—26, 33, 35 и сл., 39, 47.

во второй половинѣ XVI вѣка, денежный оброкъ возрастать на счетъ „мелкаго дохода“, а о послѣдствіяхъ его распространенія было уже сказано выше.

Кромѣ обычнаго дохода, а иногда и „даровъ“, вымогаемыхъ вотчинниками у крестьянъ, послѣдніе должны были выплачивать имъ разныя свадебныя, торговыя или судебнныя пошлины, а также явки, пени и т. п. сборы: крестьяне села Чузырева, напр., были обязаны, между прочимъ, за промѣнь или продажу между собою земельныхъ участковъ (что могло состояться только съ разрываніемъ приказчика) давать явки „посполитини съ обѣихъ половинъ“; они платили заповѣдь за вырубку лѣса безъ доклада приказчику въ полевыхъ рощицахъ: въ томъ же имѣніи взималось пожилое или похоронное съ крестьянами, уходящаго изъ него, и порядное съ покупщиками, который, съ разрываніемъ приказчика, приобрѣтать тамъ земельный участокъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, что, сверхъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльца, его крестьяне отправляли еще иѣкотория повинности и облагались особаго рода сборами въ пользу „посельскаго“ (посельника), приказчика или старости, доводчика и т. п. Такъ напримѣръ, крестьяне, судя по грамотѣ селу Чузыреву, „волостью“ мѣстоли въ пользу приказчика, слуги и доводчика „рокъ на хлѣбы и солодъ на квасы“; въ другихъ грамотахъ упоминаются платежки хлѣбомъ и деньгами въ пользу приказчика (напр., по алтыну съ выти); приказчикъ, кромѣ того, получать цѣлый рядъ доходовъ съ явокъ, или въ видѣ свадебныхъ, торговыихъ, судебныхъ пошлинъ и т. п., уступаемыхъ ему землевладѣльцемъ. Доводчикъ пользовался доходомъ съ тѣхъ же выти, а именно: „праздничными кормами“ и другими сборами (напр., по гривицѣ съ выти) и пошлинами за отправление своей должности (напр., за „хоженое“ или „ѣздѣ“ и т. п.)¹⁾. Эти обязанности, одно перечисленіе которыхъ заняло бы много места, разумѣется, еще болѣе усиливали послѣдствія, пристекавшія изъ разнообразія, неравномѣрности и постепеннаго возрастанія бремени крестьянскихъ повинностей и платежей, особенно если принять во вниманіе, что „съ однихъ и тѣхъ же лицъ доходы или въ различныя руки“ и что сами владѣльцы,

¹⁾ См. выше стр. 30 пр. I: А. Э. т. I, № 348, I и др.; другой примѣръ: въ 14 порядныхъ 1573—1590 гг. на деревни церкви Спаса Преображенія Куропольского посада Липскаго уѣзда порядчики обыкновенно обязывались платить старостѣ церковному или приказчику „борашъ, а не любъ борашъ, и то за борана по два алтына“, рѣже по 10 денегъ или по гривицѣ (Рус. Ист. Библ., т. XIV, 91—115). Кромѣ того, приказчикъ получать отъ землевладѣльца землю для пашни и сѣнокоса: по крайней мѣрѣ такъ было въ вотчинахъ Морозова; см. И. Забалыкъ, Ор. сіт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 22—23.

по словамъ современника, представляли своимъ приказнымъ людямъ братъ „всякіе поборы со своихъ крестьянъ, чѣмъ бы имъ (приказнымъ людямъ) поживиться“ ¹⁾.

Вмѣстѣ со всѣми перечисленными повинностями крестьянъ стѣдуетъ имѣть въ виду и всю тяжесть разнообразныхъ тягѣтъ, падавшихъ на тѣхъ же „спроть“: крестьяне въ вотчинахъ и помѣстяхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, правда, платили меныше монастырскихъ, но при значительныхъ размѣрахъ повинностей и платежей въ пользу землевладѣльцевъ, и они, вѣроятно, также чувствовали бремя государственныхъ налоговыхъ.

Организація сельской общины, сидѣвшей на частно-владѣльческихъ земляхъ, должна была въ еще болыи мѣрѣ, чѣмъ черная волость, зависѣть отъ возраставшаго давленія подобнаго рода повинностей и сборовъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они наносили огрубломъ на цѣлое имѣніе (нахать или платить всѣй волостью) или равномѣрно па выти: въ выборѣ одного сельскаго старосты и цѣловальника прямо сказано, что они избираются къ господскому всякому хлѣбу, рожаному и яровому, къ посѣву и къ ужинѣ и къ умолоту и къ мірскимъ всяkimъ денежнымъ сборамъ. Судя по пѣколько позднѣйшимъ данимъ, сельскій міръ, подобно волостной общинѣ, вѣроятно, заботился о мірскомъ хозяйствѣ и могъ вступать въ договоры, возникавшиe главнымъ образомъ на почвѣ тѣхъ же интересовъ: извѣстны, напримѣръ, случаи, когда сельскіе старости „рядили“ людей на городовое дѣло или занимали дельги „на мірскія нужды“ ²⁾. Въ болыиинствѣ случаевъ, однако, такія функции, если не зарождались, то, по крайней мѣрѣ, складывались подъ влїяніемъ землевладѣльца. Такъ, напримѣръ, землевладѣльцу выгодно было возможно лучше устроить и обеспечить раскладку и взиманіе разныхъ повинностей и сборовъ, а благодаря такому воздействию, хотя, можетъ быть, и не исключительно ему одному, владѣльческие крестьяне иногда начинали переходить къ усовершенствованію способовъ ихъ раскладки и взиманія. Приведемъ пѣколько примѣровъ. Въ концѣ XV-го или въ самомъ началѣ XVI-го вѣка архимандриз Константино-Еленискаго монастыря былъ членъ митрополиту Симону о томъ, что монастырскіе крестьяне, Сураломцы и Добросельцы, пашутъ пашни на себя много, а монастырскія-де пашни— мало; тогда митрополитъ велѣлъ архимандризу (вмѣстѣ съ посланіемъ къ нему лицомъ) перемѣрить землю во всѣхъ трехъ поляхъ

¹⁾ Г. Котомихинъ, XIII, 16; ср. Н. Забѣлинъ, Оп. сіт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 14—16, 42.

²⁾ Доп. къ А. И., т. VI, № 10, II (1670 г.). И. Бѣлысъ, Оп. сіт., стр. 212 (1707 г.). См. о владѣніи у крестьянъ разными угодьями „вспче“—П. Соколовскій, Оп. сіт., стр. 73—75.

да дать крестьянамъ во всѣхъ трехъ поляхъ по пяти десятинъ, а на монастырь указать имъ пахать шестую десятину: „а будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣе того и онъ бы по тому же пахать и монастырскую пашню—шестой жеребей: а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы по тому пахать и монастырскую пашню“; такимъ образомъ, митрополичиимъ распоряженіемъ предполагалось установить однообразную пропорцію между величиной нашеннаго участка, который крестьянинъ пахать на себя, и размѣрами за-нашки, которую онъ долженъ быть производить на землевладѣльца. Или, въ 1564 году промежъ крестьянъ Сумской волости возникло „смущеніе великое о волостныхъ разрубахъ и о всякихъ тяглѣхъ“; тогда соловецкій игуменъ Филиппъ, въ имѣніи которого сидѣли крестьяне, „посовѣтовавъ съ братиєю, написать имъ указъ о всякихъ разрубахъ и о тяглѣхъ“; въ своемъ „указѣ“ онъ предписалъ крестьянамъ для раскладки выбирать „всю волостью“ особыхъ окладчиковъ: въ случаѣ что-либо изъ выборныхъ не захочетъ идти въ окладчики, то братъ на него монастырскаго доводчика и отдавать осудинника на поруки съ обязательствомъ въ извѣстный срокъ стать къ отвѣту передъ монастырскими властями...; въ случаѣ же если кто нибудь изъ „земскихъ людей и казаковъ“ осудинается и откажется платить, то старостѣ съ крестьянами просить у тѣуна доводчика и вѣтѣть допрavitивъ на осудинника беззрочно то, чѣмъ его обложатъ“. Вышеупомянутые примѣры наглядно показываютъ, какимъ образомъ внутренніе распорядки общинъ иногда складывались подъ влїяніемъ землевладѣльца: изъ постѣднаго извѣстія и иѣкоторыхъ другихъ видно, что онъ иногда провѣрять, дѣйствительно ли мірскія рѣшенія, предложенныя па его утвержденіе, составлены „по полубоянному межъ собою договору и условкѣ“ крестьянъ, а иногда просто вмѣшивался въ ихъ дѣла и подвергалъ осудинниковъ суду. Впрочемъ, прикрѣпленіе крестьянъ и тягло оказывали и помимо землевладѣльца влїяніе на эволюцію крестьянской общины, аналогичное съ тѣмъ, которое уже было указано выше. Съ течениемъ времени въ ней стало развиваться и уравнительное распределеніе земельныхъ участковъ. Землевладѣльцу спосабствовать также организаціи сельскаго суда желая, вѣроятно, подчинить дѣйствія своего приказчика контролю, онъ иногда поставлялъ, чтобы „съ приказчикомъ быть въ судѣ священнику, да крестьянамъ пятма или шестьмя добрымъ и середнимъ“ или „старостѣ и лучшимъ людемъ“ ¹⁾.

¹⁾ А. Э., т. I, №№ 201 и 258; т. III, № 217. Ср. Стоглавъ, гл. 69 и ниже стр. 51, 73.

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьянскій міръ, повидимому, стремился нѣсколько оградить своихъ членовъ отъ произвола землевладѣльца. Въ уставной грамотѣ Новинскаго монастыря, напримѣръ, встрѣчается условіе, въ силу котораго „выть“ крестьянина, вышедшаго за волость по сроку съ отказомъ, отдавалась пахать „крестьянамъ того села... а игумену въ ту вить не вступатися“¹⁾). Отъ конца XVII-го вѣка сохранилась члобитная старости, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ Зосиминской пустыни, въ которой они просили монастырскихъ властей убавить число требуемыхъ съ нихъ работниковъ; просьба монастырскихъ сиротъ была услышана: власти сочли возможнымъ облегчить ихъ повинности. Бывали случаи однако, когда крестьяне предпочитали иной порядокъ и даже сами обращались къ своему землевладѣльцу съ ходатайствомъ, чтобы онъ вступился въ дѣло, съ которымъ міръ бытъ не въ силахъ справиться. Само собою разумѣется, что такое вмѣшательство землевладѣльца, особенно по мѣрѣ возрастанія его власти, въ свою очередь обезспечивало крестьянскій міръ. Иногда самъ землевладѣлецъ, напримѣръ, распредѣлять тягло, падавшее на его вотчину, между волостями; власть его начинала оказывать давленіе не только на крестьянскія права, но и на крестьянскія учрежденія, а влияние на нихъ приказныхъ властей соответственно ослаблялось²⁾.

Разныя случаиности примитивнаго и слишкомъ мало обезпеченнаго хозяйства, благосостояніе котораго чуть ли не понизилось къ концу XVI вѣка, и необходимость давать иной разъ денежный оброкъ землевладѣльцу, а съ половины XVI вѣка выплачивать вмѣстѣ съ нѣкоторыми прежними налогами, по и нѣсколько „новыхъ“ также денежныхъ податей, ставили крестьянъ въ затруднительное положеніе; постѣднее еще ухудшалось ростомъ крестьянскихъ повинностей и увеличеніемъ бремени государственныхъ налоговъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьянинъ прибегать къ займу, обыкновенно у своего же землевладѣльца. Но всегда ссужасть его хлѣбомъ или деньгами; заемъ подобнаго рода производился, когда крестьянинъ поражался на свой участокъ, или въ другое время и могъ, конечно, повторяться; заемъ заключался или безкабально, т. е. безъ совершенія особаго рода актовъ, или подъ кабалы, „хлѣбная и денежная“. Впрочемъ, и въ постѣднемъ случаѣ, нельзя сказать, чтобы такие займы были всегда процентными; напротивъ, краткосрочныя ссуды, можетъ

¹⁾ Врем. М. О. И. и д., т. II, смѣсь, стр. 19. И. Быллесъ, Ор. сіт., стр. 212—214.

²⁾ А. Ю., № 281. А. Э., т. I, № 268 и др. И. Быллесъ, Ор. сіт., стр. 225—227. И. Ивановъ, Документы крестнаго монастыря въ Др., т. I, в. 3, Спб., 356. Исторія удѣловъ, II, 15—17 и др.

быть, только по просрочки долга становились процентными займы; деньги, занятые подъ проценты, кажется, назывались „издѣльнымъ“ и „ростовымъ серебромъ“. „Издѣльное и ростовое серебро“ уже упоминается въ граматахъ XV-го вѣка. Объ „издѣльномъ серебре“ сохранилось слишкомъ мало опредѣленныхъ указаний; возможно, что серебро, проценты съ котораго уплачивались работою должника, называлось издѣльнымъ. „Ростовое серебро“ отличалось отъ издѣльного тѣмъ, что крестьянинъ вынуждалъ платить проценты съ него деньгами и, значитъ, юридически не связанъ быть съ своимъ кредиторомъ „работою“ на него; впрочемъ, фактически это различие, вѣроятно, часто уступало мѣсто смѣшанію „ростового серебра“ съ „издѣльнымъ“ ¹⁾). Въ силу известной статьи Судебника 1497 г. крестьянинъ, при переходѣ „изъ села въ село“, долженъ быть только уплатить землевладѣльцу „пожилое“ за пользованіе дворомъ, а по Судебнику 1550 г. сверхъ того и деньги за „повозъ“. Должнику, занявшему деньги по ростовой кабатѣ, было даже запрещено служить у кредитора; но, если полагать, что подобное запрещеніе должно было примѣняться и къ задолжавшему крестьянину, Судебнику 1550 г. едва ли удалось достигнуть цѣли. Въ дѣйствительности крестьянину-должнику трудно было оставить владѣльческую землю; въ противномъ случаѣ онъ терпѣть большиe убытки и, вѣроятно, притесненія со стороны кредитора, который могъ грозить ему искомъ съ его весьма тяжелыми послѣдствіями: нравежемъ, „отдачею головой въ заживъ“ и пр.; а такая зависимость, конечно, открывала доступъ къ новымъ злоупотребленіямъ господина; да и самъ Судебникъ 1550 года допускалъ возможность „крестьянину съ пашни продавать себя кому въ полную въ холопии“ и только заботился о томъ, чтобы при этой продажѣ казенный интересъ быть соблюденъ и „подать царева“ не убавилась ²⁾.

¹⁾ А. Ю., №№ 178, 183, 189, 191. Акты, предст. въ Разрядѣ и соб. А. Юшковымъ №№ 93, 98 и 102; ср. Уложение, XX, 39. М. Дьяконовъ, Очерки, приложеніе, № 14. Миція ученыхъ относительно значенія подмоги и суды различныхъ см. напр. М. Владимірскій-Будаковъ, Обзоръ, изд. 3, стр. 152 и В. Сергеевичъ, Юр. Др., I, 216 и сл.; ср. А. Лаппо-Данилевскій, Ор. сіт., стр. 16 -30.

²⁾ А. Э., т. I, № 48; въ известной грамотѣ, написанной около 1450 г.; князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлозерскій пожаловалъ Ферапонтовъ монастыри, разрѣшилъ владѣльцу Волоцкой волости принимать монастырскихъ серебренниковъ не иначе, какъ по уплатѣ ими денегъ, взятыхъ изъ монастырской казны. Судеб. II, 82 и 88. Слѣдуетъ замѣтить, что, хотя есть документы, новидимому, свидѣтельствующіе о примѣненіи статьи 82-й къ крестьянамъ (А. Э., т. I, № 257), по составителямъ проекта судебнаго 1589 года слили статьи 81 и 82 Судеб. II, въ одну статью 146, такъ что по проекту 1589 года выходить, какъ будто статья 82 относится только къ дѣтямъ боярскимъ; трудно сказать, однако, представляеть ли статья 146-я проекта 1589 года лишь новую редакцію соот-

Задолженность владельческого крестьянини могла возникнуть не только прямо изъ займа, но и косвенно—изъ нарушений иныхъ условий порядка: если крестьянинъ не исполнялъ принятыхъ на себя обязанностей, онъ долженъ быть уплатить неустойку землевладельцу. Такъ какъ подрядчикъ иногда прямо заявлялъ, что если онъ даже „въ маломъ чёмъ не устоитъ“, то обязуется уплатить неустойки, а размѣры постѣдней иной разъ бывали очень велики (напр. до 50 рублей въ 1626 г.), то можно думать, что крестьянинъ сдва ли всегда быть въ состояніи удовлетворить требованіямъ землевладельца и, следовательно, становился должникомъ его ¹⁾; а задолженность крестьянина и въ такихъ случаяхъ, разумѣется, приводила къ тѣмъ постѣдствіямъ, которыя уже были указаны выше.

Для того, однако, чтобы оцѣнить всѣ постѣдствія, прописавшія изъ крестьянской задолженности, слѣдуетъ замѣтить еще, что благодаря ей часть крестьянского движимаго имущества оказывалась подмогой или ссудой землевладельца: онъ надѣлялъ своего крестьянини „всеми крестьянскими заводомъ“, даже „домовой посудой“, не говоря о скотинахъ, лошадяхъ, коровахъ, „иной мелкой скотинѣ“ и т. п. Естественно, что при такихъ условіяхъ и отсутствіи ясныхъ и общихъ опредѣленій въ законѣ, крестьянину-должнику трудно было оградить свое имущество отъ злоупотреблений со стороны кредитора-землевладельца: известны, напримѣръ, случаи, когда участки земли отбирались землевладѣльцемъ, по смерти крестьянини, „со всеми его статками и животами“, несмотря на то, что постѣдь него оставалась вдова и только на члобитье ея следовала резолюція господина: „велѣть отдать [ей] половину земли и животовъ“ ²⁾.

Наконецъ, задолженность крестьянъ, надо думать, развивалась не только въ зависимости отъ вышеуказанныхъ общихъ и довольно тяжелыхъ условий крестьянского хозяйства, но и благодаря прямому воздействию самихъ землевладѣльцевъ. Во всякомъ случаѣ такое воздействиѣ обнаруживалось, напримѣръ, при изыманіи пошлии за крестьянскій выходъ. Извѣстно, что правильное отбываніе сельскихъ работъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе года,

вытѣстнувшихъ статей Судебника 1550 г. или новыи законъ, ограничивающій прежній? Въ посѣднемъ случаѣ стаття 146 явно указывала бы на безусыпность принятыхъ правительствомъ мѣръ къ разгражденію служилой кабалы отъ ростовой. Ср. также Уложеніе, X, 206 и Новоуказ. статьи, ст. 16 и 22 (П. З. С. т. I, № 441).

¹⁾ А. Ю., № 194; ср. Акты и проч., собр. М. Дьяконовыи, т. I, №№ 62, 65 и др.

²⁾ А. Ю., № 203, II; ср. Пск. суд. гр., ст. 86. *Л. Планко*, Документы Крестнаго Онежскаго монастыря въ Арх., т. I, в. 3, стр. 525.

было обеспечено землевладельцамъ статьями Судебниковъ 1497 и 1550 гг.: въ силу одной изъ нихъ, крестьянинъ имѣть право „отказываться изъ села въ село“ только за недѣлю до Юрьева для осенняго и въ недѣлю по Юрьевъ днѣ осениемъ; но при отказѣ онъ долженъ быть уплатить землевладельцу иѣкоторя „пошлина“: по Судебнику 1497 г.—одно пожилое, т. е. деньги за пользованіе дворомъ, по Судебнику 1550 года пожилое, да еще плату за перевозъ, да опричъ того, прибавлено въ томъ же Судебникѣ 1550 г., на немъ пошлины иѣтъ“; указомъ же 1601 года вѣдѣно было веюду взимать пожилое по высшей его, полевой нормѣ¹⁾). Сопоставленіе приведенныхъ статей уже показываетъ, что крестьянину даже по закону трудиѣе было выйти въ 1550 году, чѣмъ въ 1497 году и еще трудиѣе въ 1601 г., чѣмъ въ 1550 году: наконецъ, въ указѣ 1607 года (если только признавать его достовѣрность) размѣры пожилого еще увеличились: они достигли 3 рублей „на всякий годъ“. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что землевладельцы не довольствовались правами, предоставленными имъ закономъ: они старались еще болѣе затруднить крестьянскій выходъ взиманиемъ съ крестьянъ лишнихъ „пошлинъ“: пусторожевскіе крестьяне жаловались, напримѣръ, правительству на разныхъ владѣльцевъ, что они „изъ-за себя ихъ не выпущали, а поймавъ, мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилое съ нихъ имали не [по Судебнику, рублей по пяти и по десяти“²⁾.

Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ сельское населеніе чувствовало нужду въ денежныхъ средствахъ, землевладельцы испытывали потребность въ сельскихъ рабочихъ. Встрѣчу этихъ стремлений, во многихъ случаяхъ приводившую къ задолженности крестьянъ со всѣми ся постѣствіями, можно, кажется, чаще прежняго наблюдать именно въ XVI вѣкѣ, особенно со времени польско-шведскихъ войнъ, когда благосостояніе крестьянъ (если судить о немъ по размѣрамъ запашки), вѣроятно, понизилось, а величина денежнаго оброка повысилась и имъ, кромѣ того, приходилось выплачивать большие денежныхъ сборовъ, чѣмъ прежде: тогда уже взимались деньги за ямское дѣло и встрѣчаются слу-

¹⁾ Судеб. I, 58 и Судеб. II, 88. За четырехлѣтнее пользованіе дворомъ крестьянинъ долженъ былъ платить при выходѣ довольно крупную по тому времени и по тогдашней цѣнности рубля сумму: по „поптии да по 2 алтына“ въ лѣсистой мѣстности и по 1 рублю да по 2 алтына „въ полѣхъ, гдѣ 10 лѣть до хоромнаго лѣсу“, а за каждый годъ, соответственно, по расчету $\frac{1}{4}$ за одинъ годъ и т. д.; ср. Судеб. III, 177 и 178. А. Э., т. II, № 20. Можно предполагать, что приведенные статьи были въ дѣйствительности выгоднѣе для землевладельцевъ, чѣмъ для ихъ крестьянъ; см. еще В. Ключевскій, Пр. кр. права въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 10—11.

²⁾ Дон. къ А. И., т. I, № 56 (1555 г.). См. ниже стр. ст. 29 ср. Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 196.

чай перевода посошной службы на деньги; со второй половины XVI вѣка известны упоминанія о пыщательныхъ и смѣжныхъ деньгахъ, а также налоги на городовое и засѣчное дѣло. Положеніе крестьянъ представляется намъ еще менѣе обеспеченнымъ, если припомнить, что бремя налоговъ постепенно возрастало. Естественно, что при такихъ условіяхъ, крестьяне нуждались въ хлѣбѣ и въ деньгахъ и должны были у своихъ господъ, пользовавшихся всѣми тяжелыми посѣдѣствіями ихъ задолженности. Впрочемъ съ покореніемъ Казани и Астрахани, сельское населеніе легко могло отливать на югъ въ плодородную московскую украину, отиная гораздо менѣе опасную, а также въ бассейны Камы и Волги, наконецъ, иѣскостью позднѣе и еще дѣлье, въ Сибирь. Если соопоставить извѣстія о запустѣніи мѣстности, послужившей, главнымъ образомъ, театромъ польско-шведскихъ войнъ, и центра съ одновременными свѣдѣніями о приростѣ населенія на склонѣ украинѣ, а также сильное пониженіе размѣровъ дворовой запашки крестьянъ вышеуказанныхъ областей и замѣтное возрастаніе запашекъ на югѣ, въ такихъ уѣздахъ, какъ Тульскій, то можно, кажется, придти къ заключенію, что это движеніе населенія частью еще болѣе разоряло крестьянъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ, частью вызывало стремленіе землевладѣльцевъ удержать переселенцевъ. Землевладѣльцы, вѣроятно, прибегали къ разнаго рода средствамъ для достижения своей цѣли и старались, конечно, выдачею ссудъ, а иногда и путемъ насилия фактически затруднить переселенія. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что основаніе многихъ мелкихъ монастырей въ XVI вѣкѣ и ростъ мелкаго служилаго землевладѣнія, особенно замѣтны со второй его половины, способствовали, главнымъ образомъ, распространенію такихъ отношений. Раздача населенныхъ черныхъ и дворцовыхъ земель служилымъ людямъ ухудшила положеніе крестьянъ и, можетъ быть, иной разъ вызывала ихъ переселенія на украину, где всякому можно было свободно устроиться на никѣмъ еще не поднятой „нови“: но и здѣсь, съ течениемъ времени, между крестьянами и землевладѣльцами возникли тѣ отношения, которыя уже сложились въ изстарѣ заселенныхъ мѣстностяхъ.

Само собою разумѣется, что голодъ, моръ и разореніе, наступившіе въ Смутное время, усилили дѣйствіе многихъ изъ вышеуказанныхъ процессовъ: численность бобылей, т. е. людей обыкновенно менѣе обеспеченныхъ, чѣмъ крестьяне, замѣтно возрасла посѣдѣ Смутного времени. Изъ 103 крестьянскихъ и бобыльскихъ договоровъ, помѣщенныхъ въ новгородскихъ крѣпостныхъ книгахъ позднѣйшаго времени, 86 заключены съ есудой ¹⁾).

¹⁾ В. Ключевский, Ор. сіт., Рус. Мысль 1885 г., № 10, стр. 34, ср. Р. И. В., XII, 963—964.

Такимъ образомъ, встѣль за превращеніемъ крестьянина своеzemца въ „нашеннаго крестьянина“, въ положеніи постѣльно го уже подготовлялась новая перемѣна: во многихъ случаяхъ онъ становился должникомъ своего господина, и, отчасти, вѣль свое хозяйство на чужія средства. Долговая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца фактически стѣсняла его свободу передвиженія и открывала болыій просторъ барскому произволу надъ его личностью, и надъ его имуществомъ; а въ случаѣ просрочки долга, крестьянинъ легко попадать въ еще худшее положеніе, приближавшее его къ зависимости „крѣпостного“ человѣка, т. е. холода, отъ своего господина. Наконецъ, злоупотребляя распространенностю подобнаго рода отношеній, постѣльный могъ попытаться поставить въ ту же зависимость и крестьянъ, юридически свободныхъ отъ нея.

Въ связи съ только-что указанными явленіями крестьянской жизни, стояли еще два процесса, вѣроятно, оказавшіе вліяніе на дальнѣйшую судьбу крестьянъ, а именно: „застарѣліе“ ихъ въ имѣніяхъ, гдѣ они жили, и сближеніе между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ. Обоимъ процессамъ, кажется, стѣдуетъ придавать значеніе въ развитіи частнаго прикрѣпленія или закрѣпощенія крестьянъ: они подготовили превращеніе крестьянъ въ „крѣпостныхъ людей“.

До сихъ поръ понятіе „старины“ и ея роль въ бытовой исторіи крестьянства все еще очень мало выяснены¹⁾. Можно

¹⁾ Многія ученыхъ касательно значенія „старины“ весьма различны: уже проф. Ф. И. Леонтовичъ замѣтилъ, что въ юго-западной Руси со второй половины XV в. старожильцы, „въ качествѣ стародавнихъ серебренниковъ стали получать значеніе людей непохожихъ..., потерявшихъ право выхода въ силу своихъ зависимыхъ отношеній къ землевладѣльцамъ“ (Ф. Леонтовичъ, Крестьяне юго-западной Россіи, К., 1863 г., стр. 18—24); проф. В. О. Ключевскій указалъ на значеніе холопской старины и на аналогичную съ нею старину крестьянскую (В. Ключевскій, Процехъ крѣпостного права въ Рус. Мысли 1885 г., № 8, стр. 21, 26—28 и № 10, стр. 38—44); проф. М. А. Дьяконовъ попытался выяснить пѣ-которые признаки старины, и какимъ образомъ крестьяне-старожильцы потеряли право выхода (М. Дьяконовъ, Очерки, стр. 16—30 и 21—51; ср. А. Лакпо-Данилевскій, Ор. сіт., стр. 58—76 и М. Дьяконовъ, Заповѣдная лѣта и старина въ Сборникѣ статей, посв. М. Ф. Владимірскому-Буданову, К., 1904 г., стр. 110—125; проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, уже въ 1886 году обратившій вниманіе на то, что старожильцы не имѣютъ свободы перехода, пришелъ къ заключенію, что „прикрѣпленіе возникаетъ лишь въ силу давности или старожильства крестьянъ на земляхъ извѣстнаго владѣльца“ и что „старожильство какъ источникъ прикрѣпленія, существуетъ не на владѣльческихъ только земляхъ, но и на черныхъ волостныхъ“ (М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, изд. 3, стр. 154 и 155). Въ противоположность всемъ вышеизведеннымъ мнѣніямъ проф. В. И. Сергиевичъ полагаетъ, что смыслъ слова „старожильцы“ „совершенно ясенъ: всякий, находящійся уже на мѣстѣ по отношенію къ новику будетъ старожилецъ“ и что въ итогѣ крестьянами-старожильцами права перехода „старожильство не причемъ“ (В. Сергиевичъ, Пр. рус. пр. III, 460 и 461).

думать, что подъ стариной прежде всего разумѣли иѣкоторую давность поселенія или жительства: старожильцами обыкновенно называли людей, жившихъ въ данной мѣстности, въ противоположность людямъ пришлымъ, новоселамъ. Съ такой точки зрѣнія хотя старина и могла, конечно, возникать помимо задолженности крестьянъ, однако, возникала, вѣроятно, чаще по отношенію къ тѣмъ именно крестьянамъ-должникамъ, которые фактически лишены были возможности выйти изъ даниаго имѣнія; но и вышедшиіе старинные крестьяне возвращались иногда на „старыя“ ихъ печища или жеребья. Во всякомъ случаѣ, кромѣ давпо поселившихся и живущихъ на мѣстѣ крестьянъ, старинными крестьянами называли лицъ, родившихся въ крестьянствѣ. Отдѣльные примѣры, когда дѣти крестьянъ признаются старинными крестьянами, можно привести изъ актовъ, составленныхъ задолго до 1646 года; въ одной изъ вотчинъ Троицкаго монастыря жить и пахать свой жребій крестьянинъ Лукьянъ Чудиновъ; сынъ его Иванъ Чудиновъ бѣжалъ изъ имѣнія: монастырю удалось вернуть бѣглеца, въ 1623 году: мѣстные крестьяне выдали монастырю порученную запись по этому „старинномъ троицкому крестьянину“ въ томъ, что онъ, Иванъ Чудиновъ, будетъ по-прежнему „живть въ старинномъ отцовскому двору“ и оброкъ платить монастырю. Крестьянъ, уже жившихъ въ томъ имѣніи, которое было пріобрѣтено новымъ его владѣльцемъ, тоже могли называть старинными. Въ 1577 году, напримѣръ, между Спасскимъ монастыремъ и прикащикомъ одного изъ дворцовыхъ селъ въ Ярославскомъ уѣздѣ возникъ споръ: дворцовый прикащикъ собирается выводить монастырскихъ крестьянъ въ царскую вотчину, а архимандритъ быть чадомъ государю, ссылаясь на то, что „крестьяне въ монастырскихъ селахъ и въ деревняхъ — старожильцы и за монастырь достались тѣ села и деревни съ тѣми крестьянами“. Можно предполагать, что съ такой именно точкой зрѣнія, опираясь, вѣроятно, и на писцовую или тяглую старину, землевладѣльцы совершили сѣѣтки надъ имѣніями „со крестьянами“. Въ 1566 году, напримѣръ, Нелединскій заложилъ свое бѣжецкое сельцо Годунову подъ условіемъ: „владѣть ему, Годунову, тою вотчиною за ростъ два года со крестьянами“. Подобного рода взглядъ, можетъ быть, возникшій или развивавшійся подъ влияніемъ старины, высказывается, конечно, и въ документахъ позднѣйшаго времени: одинъ землевладѣлецъ, завѣщающая женѣ свои вотчины, писать, напримѣръ, въ своей духовной 1630 г.: „и тѣ мои вотчины постѣ живота моего женѣ моей съ людьми съ монми съ полными и докладными и со крестьянами и съ лошадьми и со всякою мелкою животною“¹⁾.

¹⁾ Акты и пр., собр. М. Дьяконовыиъ, в. I, № 4; в. II, № 27; въ монхъ

Для доказательства того, что данные крестьяне застарѣли, землевладѣльцу, конечно, удобнѣе всего было ссылаться на письменныя книги; но при записи въ такія книги возникла „письменная старина“, въ связи съ которой находилась и старина тяглака. Значеніе старины вообще и въ особенности постѣдней ея разновидности, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ одного изъ существенныхъ условій прикрѣпленія, кажется, признано было и правительственною политикой, касательно государственного прикрѣпленія крестьянъ (см. ниже).

Итакъ, съ точки зреінія „старины“ можно было связывать представление о данномъ имѣніи съ представлениемъ о его старожильцахъ, или просто даже о крестьянахъ, жившихъ въ немъ; но отсюда до признания личной зависимости ихъ отъ господина было, конечно, еще далеко, тѣмъ болѣе, что законъ различать холопа отъ крестьянина. Въ жизни такое различіе, однако, стало сглаживаться, благодаря нѣсколькимъ явленіямъ въ исторіи холопства, имѣвшимъ значеніе и для послѣдующей судьбы владѣльческихъ крестьянъ: на ряду съ поднимъ холопствомъ въ XVI вѣкѣ опредѣляется переходное состояніе кабальныхъ холоповъ, а въ стѣдующемъ столѣтіи размножается классъ задворныхъ людей, по своимъ занятіямъ довольно близко стоявшихъ къ крестьянамъ.

Кабальный человѣкъ обязывался до срока займа служить „за рость“, „по вся дни“, во дворѣ господина. До появленія указовъ 1586-го и 1597 гг. онъ, по уплатѣ долга „въ срокъ“, имѣть право на свободу отъ „службы“ во дворѣ кредитора; но, при вышеуказанныхъ условіяхъ займа, кабальному человѣку было въ высшей степени затруднительно выйти изъ кабальной зависимости; поэтому онъ обыкновенно дѣлать въ служилой кабать стѣдующую оговорку: „а поглагутъ деньги по сроцѣ, и мы за рость у государя своего служити по вся дни“. Въ то время, однако, существовать обычай господь, передъ смертью или по духовнымъ завѣщаніямъ, отпускать на волю нѣкоторыхъ изъ своихъ холоповъ, а въ томъ числѣ и кабальныхъ. Указы 1586 и 1597 гг. узаконили такой обычай: кабальный холопъ по своей кабатѣ долженъ быть съ того времени служить своему господину по смерть его, но затѣмъ могъ сдѣлаться свободнымъ; наследники кредитора не имѣли права даже „по тѣмъ служилимъ кабаламъ у тѣхъ холопей деньги имати“. Въ указѣ 1597 года кабальные слуги, какъ видно, прямо называются холопами. Владѣльцы ихъ, вѣроятно, и до указа 1597 года старались про-

„разысканіяхъ“ (стр. 74) вкрались опечатки въ годѣ и шумерѣ этого акта; ср. еще А. Ю., № 20. Ср. Уложение, XI, 28.

водить такую точку зрения и даже расширить ее: въ XVI вѣкѣ они во многихъ частныхъ случаяхъ обнаруживали стремление превратить кабальную зависимость, ограниченную смертью господина, въ наследственную и перенести ее на потомство кабального холопа; вообще они распоряжались, надо полагать, и безъ согласія кабальныхъ холоповъ, не только своими правами на нихъ, но и ихъ „головами“; такія же явленія происходили и въ XVII вѣкѣ ¹⁾. Законъ, запрещавшій крестьянамъ поступать въ кабальные холопы, касался только крестьянъ тяглыхъ: среди тѣхъ „вольныхъ“ людей, которые писали па себя служилыя кабалы, по всей вѣроятности, бывали, однако, (по крайней мѣрѣ до общаго закона о прикреплѣніи), крестьянскіе браты, дѣти и т. п., не записанные въ тягло, а въ действительности могли быть и крестьяне тяглые: на это намекаютъ статьи Уложения 1649 г., запрещавшія землевладѣльцамъ брать (служилыя) кабалы на своихъ крестьянъ и дѣтей ихъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ давать кому бы то ни было кабалы на бѣглыхъ крестьянъ и на дѣтей крестьянскихъ. Такимъ образомъ, часть сельского населенія превращалась въ кабальныхъ холоповъ и попадала въ ту непосредственную и постоянную личную зависимость отъ господина, которой не знали крестьяне, живущіе своими дворами и особыми хозяйствами. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что кабальные холопы не всегда служили во дворѣ своихъ господъ: „люди страдные кабальные“ упоминаются уже въ актахъ середины XVI-го вѣка и въ позднѣйшее время ²⁾.

Подобное же фактическое смышеніе между холопами и крестьянами обнаружилось еще сильнѣе съ размноженіемъ людей, жившихъ за дворами своихъ господъ, вѣроятно, особыми хозяйствами, но едва-ли образовавшихъ юридически обособленную группу населенія. Самый терминъ: „задворные люди“, кажется, складывается въ XVI вѣкѣ; во всякомъ случаѣ число задворничихъ людей, вѣроятно, подъ влияниемъ развитія барщины, возрасло къ 1670-мъ годамъ; насколько можно судить по известнымъ намъ примѣрамъ, это возрастаніе особенно замѣтно въ такихъ черноземныхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, Тульскій и Орлов-

¹⁾ Записные книги крѣпостныхъ актамъ XV—XVI вв. въ Архивѣ историко-юрид. свѣдѣній, кн. II, под. I и въ Р. И. Б. т. XVI; М. Дьяконовъ, Ор. сїт., стр. 148 и сл. проф. М. Ф. Владимировъ-Будановъ полагаетъ, что кабальное холопство возникаетъ по особому договору (кабаль) независимо отъ договора займа или личного найма; см. Обзоръ, стр. 389 и 390—397. Уложение называется деньги, взятые кабальнымъ холопомъ у господина „жалованьемъ“ (Уложение, XX, 78).

²⁾ Уложение XI, 32; XIX, 14; XX, 6 и 113; Сборникъ актовъ, собр. Н. Лихачевымъ, № 10; М. Дьяконовъ, Ор. сїт., стр. 267.

скіт, гдѣ въ позднѣйшее время преобладала барщина. Само собою разумѣется, что землевладѣльцы по своему усмотрѣнію сажали своихъ дворовыхъ людей въ задворные, образъ жизни которыхъ близко подходилъ къ крестьянскому; но въ число задворныхъ людей попадали и крестьянки (или бобыльская) дѣти, въ-роятно, рѣже сами крестьяне: въ Брянскомъ уѣздѣ, напримѣръ, въ деревнѣ Литвинової, въ переписной книгѣ 1678 года, за смоленскимъ реестромъ, Д. Соревымъ, значится дворъ задворнаго человѣка, который бытъ „крупокъ ему по отказнымъ книгамъ и панисанъ въ отказныхъ книгахъ во крестьянствѣ“. Положеніе задворнаго человѣка было лучше положенія дворового, но, конечно, хуже крестьянскаго: крестьянинъ, сидѣвшій на участкѣ пашни, пачинность котораго обеспечивала и его налогоспособность, въ меньшей мѣрѣ зависѣть отъ произвола господина. Въ имѣніяхъ духовенства довольно аналогичное положеніе занимали „дѣтеныши“ въ тѣхъ случаѣахъ, когда составъ ихъ пополнялся изъ сельскаго крестьянского населенія¹⁾.

Фактическое положеніе изъкоторыхъ видовъ холопства настолько мало отличалось отъ крестьянскаго, что землевладѣльцы уже въ XVII вѣкѣ часто брали людей изъ крестьянъ во дворъ и считали возможнымъ принимать къ себѣ людей или въ дворовые, или въ крестьяне постѣдовательно или альтернативно. Сдѣлки подобнаго рода заключались уже, можетъ быть, до Уложенія. Въ 1642 году, напр., къ ярославскому землевладѣльцу Волкову поступить въ крестьяне изъкто Ивановъ; до того времени онъ бытъ „человѣкомъ“ Волкова (т. е. его холопомъ), затѣмъ взять у него ссуду и вмѣстѣ съ женой и дѣтьми обязался жить у него въ крестьянахъ, отправлять надѣлье и платить барскій доходъ, а также государевы подати; но, въ случаѣ выхода Иванова, Волковъ по записи получить право „взять на немъ ссуду и крестьянство“. Аналогичныя сдѣлки, разумѣется, еще легче было заключать въ позднѣйшее время, когда исчезала разница между задворными людьми и крестьянами въ податномъ отношеніи.

Итакъ, въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ XVII-го вѣка процессъ постепенного сближенія между положеніемъ холоповъ и положеніемъ крестьянъ ужъ обнаружился довольно ясно; онъ происходилъ подъ влияніемъ бытовыхъ условій и помимо закона, по подготовлѣніи смѣщеніе дворовыхъ людей съ владѣльческими крестьянами, постѣ изъкоторыхъ колебаний признанное и закономъ.

Такому смѣщенію благопріятствовали, конечно, и безправное положеніе крестьянъ, и злоупотребленія со стороны ихъ вла-

¹⁾ М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 261—267; и 297—316.

дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, важиѣшія права крестьянъ долгое время скорѣе подразумѣвались закономъ, чѣмъ опредѣлялись въ немъ¹⁾). Благодаря шаткости общественнаго положенія поселянъ и другимъ условіямъ власть землевладѣльца надъ его крестьянами стала развиваться: она слагалась изстари и исподволь, вѣроятно, за долго до образованія крѣпостнаго права. Вотчинное право управления и суда (обыкновенно за исключеніемъ дѣлъ обѣ убийствѣ, разбойѣ и татьѣ съ поличнымъ), извѣстно памъ по жалованіямъ грамотамъ отдельнымъ вотчинникамъ. Московскіе князья уже выдавали ихъ въ XIV вѣкѣ. Надо думать, что когда это право принадлежало „сильнымъ“ людямъ, оно могло даже оказаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднымъ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ: сохранились, однако, извѣстія и иного рода: вотчинники иногда „не пущали людей своихъ и крестьянъ тягатись“ передъ судьей великокняжескимъ²⁾). Такъ какъ законъ не подчинялся опредѣленнымъ нормамъ вотчиннаго управления и суда, то и барекій произволъ легко моргъ обнаружиться въ нихъ: иѣкоторые памятники XVI-го вѣка свидѣтельствуютъ уже обѣ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ“. Итакъ, власть господина надъ его крестьянами могла переходить въ произволъ, который въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставался безнаказаннымъ. Если не нравственно-религіозное чувство, то, по крайней мѣрѣ собственный интересъ землевладѣльца могъ, конечно, сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, но установление ихъ зависѣло отъ множества случайностей. Впрочемъ, сами крестьяне иногда пытались оградить себя отъ злоупотреблений помѣщиковъ и включали соответствующія условія въ свои поряды, или даже брали съ нихъ особыя заштрафы; но число такихъ документовъ, насколько намъ извѣстно, ничтожно и они, разумѣется, не были въ состояніи охранить крестьянскія права, какъ не способна была оградить ихъ и крестьянская община.

¹⁾ *Н. Дебельский*, Ор. сіт., стр. 204—205.

²⁾ А. Э., т. I, № 46. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 10. *Н. Лане*, Древнерусскіе смѣшные суды, М., 1882 г., стр. 64—111. Вотчинной юрисдикціи не подлежали, конечно, преступленія противъ вѣры и государственныя, а также иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и пр. Въ уставной книгѣ разбойнаго приказа постановлено, однако, следующее: если дворяне, приказные люди и дѣти боярскія приведутъ своихъ людей, крестьянъ или дворянокъ и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы имиши, а языки на нихъ въ томъ не говорять, то расправливать и пытать ихъ безъ обыска и безъ оговора и чинить указъ, кто до чего доведется (А. Э., т. III, № 167, ст. 16). Ср. Уложеніе XXI, 79. Г. Котомихинъ, XI, 3 и 5. *Н. Забѣлинъ*, Ор. сіт., въ В. Е., 1871 г., № 1 стр. 21—22. Ср. выше, стр. 51, пр. 1.

Законъ того времени, однако, различать холоповъ отъ крестьянъ и только постѣднихъ признавать тяглыми; по правительственныйя мѣры, постепенно уничтожившия свободу перехода для крестьянъ и, такимъ образомъ, установившия вѣчность крестьянской крѣпости, а также отсутствіе законодательныхъ нормъ, обеспечивающихъ важицій изъ остальныхъ крестьянскихъ правъ, способствовали развитию той власти, которая представлена была надъ ними землевладѣльцами; она отчасти даже получила покровительство закона и поддержку со стороны правительства; а стремление сохранить интересы фиска побудили его привлечь къ обложению и иѣкоторые разряды холоповъ, благодаря чему разница, существовавшая между ними и крестьянами въ податномъ отношеніи, стала также сглаживаться.

Древицій изъ извѣстныхъ намъ правительственныйыхъ распоряженій, ограничивавшихъ свободу крестьянскаго перехода относятся къ серединѣ XV-го вѣка и имѣютъ частный характеръ^{1).} Въ то время бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ пожаловать игумена Ферапонтова монастыря и всею братью: „не вѣльть имъ“ отъ Юрьева дни до Юрьева дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускати, а вѣльть имъ отпускать серебренниковъ за двѣ недѣли до Юрьева дни и недѣлю по Юрьевъ дні“; почти въ то же время (1455—1462) великий князь Василій Васильевичъ пожаловать игумена Троицы-Сергіева монастыря: „котораго ихъ крестьянинъ изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажеть, а ихъ старожитыца, и язъ князь великий тѣхъ крестьянъ изъ Приєзѣкъ [и изъ деревень не вѣльть вышущати ни къ кому“.

¹⁾ Мнѣнія ученыхъ о прикрѣпленіи различны: одни (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ и др. Сергеевичъ) полагаютъ, что прикрѣпленіе постѣдовало въ спутѣ общаго указа, не дошедшаго до пасы, причемъ относятъ его къ 1591—1592 гг. (см. напримѣръ, *Б. Чичеринъ*, Опыты, стр. 223; *И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 304; Лекція по истор. рус. зак., М., 1879 г., стр. 553) или къ первымъ годамъ царствованія Федора Ивановича (*И. Бѣляевъ*, Крестьяне, стр. 98; *В. Сергеевичъ*, Юр. Др., I, 254); другіе думаютъ, что такого указа въ то время вѣроятно не появилось, что прикрѣпленіе было вызвано цѣлымъ рядомъ общественныхъ условій, основывалось [на писцовой старинѣ и т. п.]; см. *М. Погодинъ*, Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? въ Рус. Бес., 1858 г., № 12; *I. Engelmann*, Die Leibeigenschaft in Russland, Dorp., 1894, а въ особенности *В. О. Ключевскому*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., №№ 8 и 10 и *М. А. Дьяконовъ*, Очерки изъ истории сельского населенія въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1899 г. Работа г. Дьяконова, основанная отчасти на свѣжемъ архивномъ материалѣ, по мнѣнію г. Митюкова, „опровергаетъ взглядъ г. Сергеевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго“ (*П. Митюковъ*, Крестьяне въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, XXXII, 679); полемика г. Сергеевича (Юр. Др. I, 267—271 и III, 448—465) уже вызвала замѣчанія со стороны М. А. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7.

Итакъ, древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ случаи ограниченія или даже запрещенія крестьянскаго выхода правительствомъ прямо относятся къ задолжавшимъ крестьянамъ (серебренникамъ) и къ крестьянамъ-старожильцамъ: крестьянская задолженность и старина оказали влияніе на правительственный распоряженія. Время, предшествующее Юрьеву дню осениму и слѣдующее за нимъ, и въ другихъ граматахъ назначалось въ качествѣ срока для отказа крестьянъ, но общее постановленіе о такомъ срокѣ (за недѣлю до Юрьева днѣ осенияго и недѣлю по Юрьевъ днѣ осенинемъ) появилось только въ Судебнику 1497 г. и повторено (съ нѣкоторыми дополненіями) въ Судебнику 1550 г.¹⁾. Съ того времени возникло нѣкоторое различіе между законнымъ выходомъ съ „отказомъ“, т.-е. въ срокъ и съ уплатою установленныхъ „попѣній“ отъ выхода незаконнаго: „бѣглые“ крестьяне упоминаются, напримѣръ, въ документахъ 1580-хъ годовъ; но до позднѣйшаго времени само законодательство оставило этотъ терминъ безъ точнаго опредѣленія и даже не налагало на крестьянъ особаго наказанія за нарушеніе вышеуказанныхъ условій выхода.

Впрочемъ, къ концу XVI-го вѣка статья Судебника объ „отказѣ“ уже потеряла прежнєе значеніе: крестьяне большою частью лишины были возможности пользоваться ею: выходъ стать замѣнялся „вывозомъ“. При описи вотчины кн. Симеона Бекбулатовича, напримѣръ, оказывается, что за нѣкоторо лѣтъ изъ 2217 крестьянъ разошлось 306 крестьянъ (13,7%), причемъ наибольшая часть ушедшихъ (188 чел. т.-е. 62%) была вывезена другими владѣльцами, иной разъ и безъ соблюденія условій, предписанныхъ закономъ. Подъ вліяніемъ возраставшей нужды въ рабочихъ, такой вывозъ, вѣроятно, часто производился состоятельными землевладѣльцами, переманившими къ себѣ крестьянъ и, разумѣется, должны были вызывать жалобы и иски со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Правительство, обремененное множествомъ такихъ исковъ, иногда сильно запаздывавшихъ, попыталось ограничить число ихъ: указомъ отъ 24 ноября 1597 года оно предписало давать судъ по искамъ о тѣхъ крестьянахъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ до 7106-го года, т. е. до 1 сентября 1597 года, а по суду и сыску привозить ихъ назадъ, гдѣ кто жилъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за шесть и болѣе до 1 сентября 1597 г., а владѣлецъ не былъ на него челомъ лѣтъ за шесть и болѣе до того же срока, то онъ терялъ право иска. Указъ 24 ноября 1597 г., кажется, прямо не формулировать, однако, правила о пятнадцатиѣ давности для исковъ о бѣглыхъ на будущее

¹⁾ А. З., т. I, № 48, I. А. И., т. I, № 59. Ср. Пск. Суд. гр., см. 63, 76 и др. Судебникъ I, 57 и Судеб. II, 88. Акты и пр., соб. А. Юшковымъ, № 225.

время; но въ указѣ 1606 года, правительство уже ссылалось на „старый приговоръ“ о томъ, чтобы „суда на бѣглыхъ крестьянъ латѣе бѣгть не давати“ и составители наказа 1646 года толковали его въ такомъ именно смыслѣ¹⁾. Землевладѣльцы, въ особенности мелкіе, не могли однако, удовлетвориться и этимъ толкованіемъ; вѣдь крупному землевладѣльцу легко было въ теченіе пяти лѣтъ укрыть бѣглого крестьянина въ какой-нибудь отдаленной вотчинѣ и, такимъ образомъ, прекратить возможность притязаній со стороны прежняго его владѣльца: въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ были членами государю о томъ, что ихъ люди и крестьяне „выходить изъ-за нихъ, за сильныхъ людей“, а они де (челобитчики) по вся годы бываютъ на государевыхъ службахъ и въ... урочныя годы (т.-е. въ сроки, установленные для давности исковъ) про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ“. Въ данномъ случаѣ служилые люди мѣтко указали и на тотъ аргументъ, который всего болѣе могъ подѣйствовать на московское правительство: со второй половины XVI-го вѣка оно принялось за организацію служилаго сословія и поверстало его землями: но для того, чтобы обезпечить его военнуюгодность, нужно было удержать на его земляхъ и его крестьянъ, платившихъ доходы землевладѣльцамъ и подати казнь. Подъ влияніемъ подобнаго рода соображеній, правительство стало на сторону мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ указѣ 1601 г. царь Борисъ даже явно обнаружилъ желаніе помочь низшимъ разрядамъ своихъ слугъ и разрѣшилъ дворянамъ, служившимъ „по выбору“, жильцамъ, „которые у государя“ и его сына, городовымъ дѣтямъ боярскимъ и другимъ мелкимъ чинамъ „возить межъ себя“ одного, двухъ крестьянъ въ традиціонный срокъ, запретивъ вывозъ ихъ крупицъ землевладѣльцамъ: исключеніе было сделано только въ пользу Московскаго уѣзда, въ который и изъ котораго отказывать крестьянъ было запрещено: то же предписание (впрочемъ съ пѣкторными отличиями) было повторено и въ 1602-мъ году. Хотя указы 1601 и 1602 гг. были вызваны особыго рода условіями и дѣйствіе какаго изъ нихъ было ограничено годовыми сроками, однако, въ нихъ ясно отразилась та точка зрѣнія, съ которой правительство стало относиться къ прикрѣпленію крестьянъ: оно стремилось обеспечить имъ военнуюгодность мелкихъ служилыхъ людей, по условіямъ быта и службы часто лишеннѣ возможности своеевременно заботиться о возвращеніи тѣхъ крестьянъ, которые были записаны за ними; оно дѣлало прикрѣпленіе средствомъ государ-

¹⁾ А. И., т. I, № 221, III А. Э., т. II, № 40; т. IV, № 14. В. Ключескій, Ор. cit. въ Рус. Мысли 1895 г., № 10, стр. 3—7.

ственной обороны¹). Впрочемъ, правительство было заинтересовано въ прикрѣпленіи и съ другой точки зреінія: прикрѣпленіе къ тяглу могло обеспечить и болѣшую неправность въ уплатѣ податей. Если для военно-служебныхъ цѣлей правительству, въ сущности, было довольно безразлично, кто сидѣть на частно-владѣльческихъ земляхъ, холопы или крестьяне, и съ кѣмъ служилый человѣкъ являлся на войну, со своими ли "людьми" или съ крестьянами, то, во всякомъ случаѣ, такое же смышеніе въ финансомъ отношеніи становилось убыточнымъ для казны: превращеніе крестьяниновъ въ холопа, котораго господинъ могъ и не садить на пашню, вредно отзывалось на ся интересахъ; значитъ, правительству нужно было реагировать противъ частнаго закрѣпощенія. Кромѣ того ему выгодно было прикрѣпить каждого крестьянина—плательщика къ своему тяглу; но такая точка зреінія допускала и отступлѣнія: въ поряднныя иногда включалось условіе, въ силу котораго порядчикъ выговаривавъ себѣ свободу выхода, если садить за себя нового "платежнаго жильца" на свой участокъ².

Итакъ, московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, не сословный тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишиенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ быть служить государству. Въ своемъ имѣніи владѣлецъ вѣдать и судить подвластное ему сельское населеніе. Въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, оно даже становился ответственнымъ лицомъ передъ правительствомъ: случаи, когда землевладѣльцы принимали на себя уплату податей за своихъ крестьянъ, извѣстны, напримѣръ, изъ граматъ XV и XVI вв.; то же подтверждается и граматами XVII-го вѣка, и иѣкоторыми статьями Уложенія³.

¹) А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24. Въ указѣ 7110 г. вступлѣніе вызываетъ иѣкоторая сомнѣнія у исследователей: выраженіе — "вѣльши крестьянамъ давать выходъ", можетъ быть, только противополагается статьѣ, запрещающей выводъ крестьянъ "за" крупныхъ землевладѣльцевъ и изъ за нихъ въ 7110 г., притомъ срокъ выхода изъ мелкихъ имѣній слегка измѣненъ, сравнительно съ извѣстной статьей Судебника: вместо за недѣлю до Юрьевы дни осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннимъ стоять: "возити Юрьевъ день осенняго, да постѣ Юрьевы дни двѣ недѣли". Ср. Архивъ Н. Калачова 1859 г., III, кр., 13 и сл.

²) А. Ю., № 290, II п IV. И. Боялевъ. Ор. сїт., стр. 156—157, 160. М. Дѣяновъ, Ор. сїт., Прил. № 12; ср. стр. 12—15. Въ 1591—1594 гг., судя по бѣженцкимъ писцовъмъ книгамъ, земля обрабатываемая холопами землевладѣльца, при извѣстныхъ условіяхъ уже обѣнялась; см. И. Рожковъ, Ор. сїт., стр. 266—269.

³) Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1556-го года вѣлько боярамъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы ихъ люди и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они сог-

Таковы главнейшие мотивы и цѣли того прикрѣпленія, къ которому стремилось московское правительство XVII-го вѣка; гораздо менѣе ясно представляются намъ его основанія. До сихъ поръ можно только предполагать, что записка крестьянъ въ писцовые книги, особенно въ писцовые книги 1592—93 гг., могла оказать вліяніе и на прикрѣпленіе старинныхъ тяглецовъ; въ указѣ 1607 г. предписаноѣмъ крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до времени появленія указа „въ книгахъ 7101 (1592—93) г. положены, быть за тѣми, за кѣмъ они писаны“, но изъ этого правила прямо исключены тѣ бѣглые, о которыхъ по 1 сентября члобитъя не было; въ 1614 г. царь велѣть восводамъ возвращать Іосифо-Волоколамскому монастырю тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые по обыску пакрѣпко всякими людьми окажутся „старинными, тоѣ Іосифовы вотчины крестьянами“. Судя по иѣсколько позднѣйшимъ свидѣтельствамъ памятниковъ, крестьяне часто возвращаются на прежнія мѣста жительства „по старинѣ и по писцовыми книгами“, а не „старинными“ называются тѣ крестьяне, которые пришли въ данное имѣніе „постѣ писцовъ“. Если признать за писцовыми книгами вышеуказанное значеніе, то и ссылка на нихъ въ документѣ 1607 года можетъ послужить новымъ признакомъ, характеризующимъ государственное прикрѣпленіе: правительство начинаетъ выражать мысль, что крестьянинъ долженъ жить „за“ землевладѣльцемъ преимущественно на основаніи писцовыхъ книгъ, т. е. „официального документа общего-государственного характера“.

Наконецъ, тотъ же отѣпокъ замѣчается и въ установлениіи наказанія за пріемъ бѣглого; мысль о подобного рода санкціи, едва-ли усвоенная нашимъ законодательствомъ XVI-го вѣка, уже ясно выражена въ извѣстию документѣ 1607 года: здѣсь побѣгъ крестьянина разматривается не только какъ гражданское правонарушеніе, преслѣдуемое судомъ по иску потерпѣвшаго, но и какъ нарушеніе общественнаго порядка: бѣглый крестьянинъ „отиинѣ“ подлежитъ розыску и возврату и помимо иска со стороны землевладѣльца; исполненіе такихъ функций поручается органамъ областной администраціи; виновный же, которымъ оказывается не бѣглый крестьянинъ, а принялъ его новый владѣлецъ—долженъ,

гуть, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а ихъ людямъ и крестьянамъ быть казнеными, какъ въ разбойныхъ дѣлахъ (А. И. т. I, № 154, V, ст. 10 и 11). Возможно, что редакція вышеупомянутой статьи неудачна и что бояре и ироch. отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не сдѣлаютъ соответствующихъ приказаний своимъ людямъ и крестьянамъ; ср. А. Э. т. I, № 17 и др. Уложеніе, XI, 6, 10, и 21. Б. Чичеринъ, Ор., стр. 222. Случаи взиманія податей съ владѣльческихъ крестьянъ самимъ правительствомъ также извѣстны, см., напр., А. Э., т. III, № 115.

сверхъ вознаграждения потери лѣтнему, уплатить еще значительный денежный штрафъ въ пользу казны ¹⁾.

Итакъ, документъ 1607 года содержитъ ясныя указания на тѣ начала, которыя были положены въ основу государственного прикрѣпленія крестьянъ. Почти все эти начала выражены и въ Уложеніи 1649 года: главная новость его (да и то, можетъ быть, не столько въ действительности, сколько въ исторіи законодательства) состояла въ распространеніи прикрѣпленія па всѣхъ поселянъ, „съ племянемъ вмѣстъ“. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ некоторыхъ колебаний въ опредѣленіи срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вообще постепенно возраставшаго, правительство, частью подъ влияніемъ вышеуказанныхъ мотивовъ, частью, вѣроятно, и по настоятельнымъ проосьbamъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ“ рѣшилось отмѣнить „урочныя лѣта“. Для этой цѣли должна была служить и перепись всѣхъ крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ; даже тѣхъ, которые выбѣжали изъ-за него въ теченіе постѣднихъ десяти лѣтъ: „и по тѣмъ переписаннымъ книгамъ (1646—1648 гг.), читаемъ мы въ указѣ о переписи 19 октября 1645 года, крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будуть крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Такимъ образомъ, правительство уже въ 1645 г. выразило намѣреніе обнародовать извѣстную „государеву заповѣдь о томъ, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати“; она окончательно была утверждена въ собориумъ Уложеніи 1649 г.; одна изъ его статей заявляетъ, что „о томъ по нынѣшней государевъ указъ государевы заповѣди не было“. Вѣчная крѣпость крестьянская отнынѣ должна была распространяться не только на тѣхъ крестьянъ и на бобылей, но и на „ихъ братю, дѣтей, и племянниковъ и внучать, съ женами и дѣтьми“, записанныхъ главнымъ образомъ, въ писцовая и переписанная книги ²⁾. Государственный характеръ прикрѣпленія въ

¹⁾ Судебникъ 1550 г. и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136; въ томъ же указѣ постановлено: „а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентябрь по 1-е число не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавать“. А. Э., т. III, № 41. *В. Ключевскій.* Ор. сіт., Руе. Мысль 1885 г., № 10, стр. 14—15. *М. Дьяконовъ.* Ор. сіт., стр. 31, 34—38. Въ пользу предположенія проф. В. О. Ключевскаго о достовѣрности указа 1607 года можно привести еще и то, что постановленія его о денежномъ штрафѣ и проч. встречаются въ цѣломъ рядъ грамотъ, написанныхъ послѣ 1607 г. и до 1649 г.; см. *М. Дьяконовъ.* Ор. сіт., стр. 57 и сл. Ср. ниже стр. 80—81.

²⁾ Извѣстны случаи, когда и до Уложения дѣти крестьянъ и бобыльи возвращались на старинныя ихъ отцовскія печища; см. *М. Дьяконовъ.* Ор. сіт., стр. 40—45. *С. Соловьевъ* Н. Р., IV, 791. Половники на ѿверѣ и послѣ обнародованія Уложения продолжали заключать поряднага на срокъ и переходить съ мяста на място; крестьяне—„порядчики“ въ тѣхъ же уѣздахъ обыкновенно заключали свои поряднага также на сроки, но болѣе продолжительные, чѣмъ половники; см. *А. Ефименко.* Ор. сіт., стр. 271, 278; *М. Дьяконовъ.* Ор. сіт., стр. 151—155, 168.

Уложение обнаружилъ еще яснѣе, чѣмъ въ указѣ 1607 года. Уложение признало значеніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ для прикрѣпленія. Помимо порядочныхъ, которыхъ продолжали заключаться и послѣ 1649 года, оно сверхъ того установило и новый способъ поступленія въ крестьяне „для вольныхъ людей“; по предварительномъ распросѣ, дѣйствительно ли они вольные, такие люди записывались въ помѣстномъ приказѣ, а затѣмъ „отдавались“ въ крестьянство новымъ своимъ владѣльцамъ и становились вѣчно крѣпкими имъ. Наконецъ, Уложение опредѣлило и цѣлый рядъ наказаний, падающихъ на того, кто приметъ бѣглого крестьянинна и кто будетъ укрывать его отъ законнаго его владѣльца. Государственный характеръ прикрѣпленія выражается и въ томъ, что, уничтожая право выхода, Уложение продолжало различать крѣпость холопью отъ крестьянской; оно запретило крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы кому-бы то ни было и упоминаетъ о нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьянинна¹⁾; оно сохранило за нимъ возможность самому искать или отвѣтчать въ дѣлахъ граж-

¹⁾ А. Э., IV, № 14 Уложение XI, особенно 1—3, 5, 9, 11, 20, 21, 24; XX, 5 и 113. Казанцы должны были записываться не въ Помѣстномъ приказѣ, а въ Казани; Новгородцы (съ пригородами)—въ Новгородѣ. Псковичи (съ пригородами)—въ Псковѣ. Ср. еще выше, стр. 46 и Уложение XX, 27. Г. Дьяконовъ замѣтилъ, что и послѣ изданія Уложения московское правительство „вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ“, но урочныя годы, известныя намъ изъ отдѣльныхъ указовъ, были уже гораздо менѣе выгодны для землевладѣльцевъ. (Ор. сіт., стр. 63—66). Уложение приняло во вниманіе писцовая книга 7134 г. (1625—1626 гг.) и 7154—7155 гг. съ сущности 1646—1648 гг.; бѣглые крестьяне и бобыли, записанные за владѣльцемъ въ писцовыхъ книгахъ 7134 г. „отдавались“ имъ по суду и по сыску, по этимъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ; та же участь постигла крестьянскихъ и бобыльскихъ женъ и дѣтей; послѣднихъ вѣтно отдавать на томъ основаніи, что отцы ихъ записаны въ книги 7134 года; такое же значеніе могли имѣть отдѣльныя или отказныя книги, составленныя послѣ писцовыхъ книгъ 7134 года. По переписнымъ книгамъ 7154 и 7155 гг. отдавались тѣ крестьяне и бобыли, отцы которыхъ такъ же, какъ и сами они, еще не были внесены въ списки 7134 г., но уже были упомянуты въ спискахъ 7154—7155 гг.; по книгамъ этихъ же годовъ (7154 и 7155 гг.) отдавались и ихъ „братья, дѣти, племянники и внучата съ женами и съ дѣтьми“... Слѣдовательно, если только не приписывать нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ отличій несовершенствамъ редакціи соответствующихъ статей Уложения (XI, 2, 3, 5, 9—11), при прикрѣпленіи переписныхъ книги дополнения предшествующія (начиная съ писцовыхъ книгъ 7134 г.) свѣдѣніями: 1) касательно крестьянъ и бобылей, записанныхъ только въ 7154 или 7155 гг.; 2) касательно ихъ „братьи, племянниковъ и внучатъ съ женами и дѣтьми“.—По Уложению (XI, 15) бѣглая вдова, вышедшая вторично замужъ въ бѣгахъ за крестьянинна или за кабального человѣка, возвращается съ мужемъ прежнему ея владѣльцу на основаніи не только вышеизложенныхъ книгъ, но и „выписей и иныхъ какихъ крѣпостей“. Въ граматѣ новгородскому воеводѣ кн. И. Рѣшитину 1664 года вѣтно отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ

данскихъ и установило плату за его безчестье иувѣчье; оно также признало за пимъ, въ иѣкоторыхъ случаяхъ, право вступать въ имущественные обязательства даже съ собственнымъ своимъ господиномъ и казнью¹⁾). Иѣкоторая изъ ограничений крестьянскихъ правъ, находящіяся въ Уложеніи, были, повидимому, также сдѣланы преимущественно съ казенной точки зренія: сюда можно отнести, напримѣръ, помимо уничтоженія урочиныхъ тѣть, запрещеніе крестьянамъ, жившимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами, а также лавками и совершать сдѣлки на эти имущества; согласно съ началами государственного прикрѣпленія, крестьяне были лишены и права вступать въ иѣкоторая обязательства, а именно давать на себя жития и судныя записи и служилыя кабаты²⁾.

Одновременно съ вышеупомянутыми постановлениями, въ Уложеніи, однако, можно усмотрѣть и иное теченіе, благопріятствовавшее послѣдующему развитію крѣпостного права, а не государственного прикрѣпленія крестьянъ. Уже иѣсколько замѣтное въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, оно рѣзче обозначилось въ Уложеніи: здѣсь, напримѣръ, пять статей, где опредѣлялась бы юридическая сущность того отношенія, въ которомъ крестьяне должны были находиться къ владѣльцамъ: благодаря такому пробѣду, они могли развивать свою власть. Личность крестьяншина слишкомъ мало обеспечена въ Уложеніи: оно не устанавливаетъ наказанія господину за неумышленное убийство своего крестьяншина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть; и, напротивъ, оно прямо признаетъ обычай, въ силу которого владѣльцы могли въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ искаѣть и отвѣтчиать за своихъ „нашеныхъ“ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убийства, разбоя, а также татьбы и, значитъ, въ случаяхъ подобаго рода, допускаетъ отстраненіе крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложение оставляетъ почти безъ всякой нормировки и имущественные отношенія крестьяншина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, а также повинностей (за исключеніемъ развѣ постановленія не работать въ воскресные и праздничные дни).

¹⁾ Уложение, X, 124; ср. 159, 162; XI, 23 и 32; XVII, 23; XIX, 16 и 17. Новоторг. уст., ст. 91 (П. С. З., т. I, № 498); см. еще К. Побѣдоносцевъ, Исторический изслѣдований и статьи, Спб., 1876 г., стр. 47—57. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3743, п. 1.

²⁾ Уложение, XI, 23 и 32; XIX, 15. Ср. А. Э., т. IV, № 39.

ные дни) и платежей въ пользу землевладельца; тот же сводъ содержитъ статьи, игнорирующія существованіе у крестьянъ своей собственности, и повелѣваетъ, напримѣръ, отдавать по оцѣнкѣ дворы и животы должниковъ, которымъ „откупиться нечѣмъ“; въ ищцовъ исѣть, или править ищцовъ исѣть „въ помѣстяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ ихъ и на крестьянъхъ“. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что Уложеніе постановляетъ „опричъ великихъ дѣлъ (здравья государя и измѣны) и въ какихъ дѣлѣхъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“, а между тѣмъ, въ числѣ такихъ извѣттовъ могли быть и доносы ихъ на злоупотребленія господь¹⁾.

Дѣйствительная жизнь, разумѣется, опережала законъ: землевладельцу тѣмъ легче было расширять и усиливать надѣль крестьянами власть, сущность которой оставалась безъ опредѣлѣнія въ законѣ, чѣмъ труднѣе становилось его подданному ускользнуть изъ подъ ея давленія. Послѣ отмѣны урочинъ лѣтъ крестьянинъ-старожилецъ бытъ лишенъ права выхода, а крестьянинъ поворядчикъ въ своей порядной обязывался жить за землевладельцемъ „вѣчно“ и „безвыходно“; притомъ онъ часто, взамѣнъ порядной, писать „ссудную“, по которой онъ также признавать себя вѣчно крѣпкимъ своему господину и въ которой рѣчи иѣть объ арендѣ земли²⁾; вѣчно ему крѣпкій и по официальнымъ документамъ, онъ бытъ лишенъ права разорвать свою крѣпость; онъ могъ только временно отлучаться изъ имѣнія, да и то, вѣроятно, заявивъ объ этомъ владѣльцу³⁾. Въ противномъ случаѣ онъ становился „бѣглымъ“; а за пріемъ бѣглого крестьянинна вотчинники и помѣщики подвергались строгимъ наказаніямъ, установленнымъ

¹⁾ А. И., т. III, 92 (стр. 101 и 111—112). Уложеніе, II, 13; X, 94, 141, 126 и 226; XI, 32; XIII, 7; XIX, 17. П. С. З., т. I, № 412, гл. II, ст. 7. Уложеніе предоставляетъ „рабѣ“ право жаловаться на владѣльца лишь въ томъ случаѣ, „когда кто у себя въ домѣ учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою“ (ХХ, 80); надо полагать, что та же статья могла примѣняться и къ крестьянамъ; ср. еще К. Лобыконосцевъ, Ор. сїт., стр. 3, 47, 49, 57, 74. И. Забылинъ, Ор. сїт., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 470.

²⁾ Въ одной порядной 1619 года порядчикъ пишетъ: „а съ Софѣйскими вотчинами... [мнѣ] винкуды за волость не сойти и не сѣѣжать, а сойду и изъ Софѣйскими вотчинами или забегу безъ государева указу и безъ митрополичья вѣдома, и гдѣ меня свѣдають и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взяти и вывестъ въ Софѣйскую вотчину“... Аналогичныя условія есть и въ другихъ порядныхъ 1620 годовъ (Н. Дебольскій, Ор. сїт., Прил., стр. 433—440). Въ одной жилецкой записи 1627 г. крестьяне Михѣевы писали, что они „крѣпки“ своему господину, Чиркину, „въ его помѣстье на тое деревнѣ, гдѣ опь ихъ посадить“; такія же выраженія встрѣчаются и во многихъ порядныхъ того времени еще до 1646 г. (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 22, 25, 26, 28, 31). Уложеніе XI, 92.

³⁾ И. Забылинъ, Ор. сїт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19. М. Дьяконовъ, Ор. сїт., стр. 95—100; ср. 101. Судебникъ и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136 (указъ 1607 г. марта 9-го).

дѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, важѣшія права крестьянъ долгое время скорѣе подразумѣвались закопомъ, чѣмъ опредѣлялись въ пемъ¹⁾. Благодаря шаткости общественнаго положенія поселянъ и другимъ условіямъ власть землевладѣльца надъ его крестьянами стала развиваться: она стагалась изстари и исподвѣть, вѣроятно, за долго до образованія крѣпостнаго права. Вотчинное право управления и суда (обыкновенно за исключеніемъ дѣлъ обѣ убийствъ, разбою и татьѣ съ поличнымъ), извѣстно памъ по жалованнымъ грамотамъ отдельнымъ вотчинникамъ. Московскіе князья уже выдавали ихъ въ XIV вѣкѣ. Надо думать, что когда это право принадлежало „сильнымъ“ людямъ, оно могло даже оказаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгоднымъ населенію, сидѣвшему на ихъ земляхъ: сохранились, однако, извѣстія и иного рода: вотчинники иногда „не пущали людей своихъ и крестьянъ тигатиць“ передъ судьей великокняжескимъ²⁾. Такъ какъ законъ не подчинялъ опредѣленіямъ нормамъ вотчиннаго управления и суда, то и барскій произволъ легко могъ обнаружиться въ нихъ: нѣкоторые памятники XVI-го вѣка свидѣтельствуютъ уже обѣ „истязаніяхъ бичемъ христіанъ, братій нашихъ“. Итакъ, власть господина надъ его крестьянами могла переходить въ произволъ, который въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, оставался безнаказаннымъ. Если не нравственно-религіозное чувство, то, по крайней мѣрѣ собственный интересъ землевладѣльца могъ, конечно, сдерживать его въ извѣстныхъ границахъ, но установление ихъ зависѣло отъ множества случайностей. Впрочемъ, сами крестьяне иногда пытались оградить себя отъ злоупотреблений помѣщиковъ и включали соответствующія условія въ свои поряды, или даже брали съ нихъ особыя записи; но число такихъ документовъ, насколько памъ извѣстно, ничтожно и они, разумѣется, не были въ состояніи охранить крестьянскія права, какъ не способна была оградить ихъ и крестьянская община.

¹⁾ Н. Дебельский, Ор. cit., стр. 204—205.

²⁾ А. Э., т. I, № 46. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 10. Н. Лане, Древнерусские смѣслиные суды, М., 1882 г., стр. 64—111. Вотчинной юрисдикціи не подлежали, конечно, преступленія противъ вѣры и государственныхъ, а также исколоновъ о свободѣ отъ холопства и пр. Въ уставной книгѣ разбойного приказа постановлено, однако, следующее: если дворяне, приказные люди и дѣти боярскія приведутъ своихъ людей, крестьянъ или дворниковъ и скажутъ на нихъ разбой, воровство или подводы имянико, а языки на нихъ въ томъ не говорять, то расправливать и вытѣвать ихъ безъ обыска и безъ оговора и чинить указъ, кто до чего доведется (А. И., т. III, № 167, ст. 16). Ср. Уложеніе XXI, 79. Г. Котошихинъ, XI, 3 и 5. Н. Забѣгинъ, Ор. cit., въ В. Е., 1871 г., № 1 стр. 21—22. Ср. выше, стр. 51, пр. 1.

Законъ того времени, однако, различать холоповъ отъ крестьянъ и только постѣднихъ признавать тяглыми; но правительственный мѣры, постепенно уничтожившія свободу перехода для крестьянъ и, такимъ образомъ, установившія вѣчность крестьянской крѣпости, а также отсутствіе законодательныхъ нормъ, обеспечивающихъ важѣйшія изъ остальныхъ крестьянскихъ правъ, способствовали развитію той власти, которая предоставлена была надъ ними землевладѣльцамъ: она отчасти даже получила покровительство закона и поддержку со стороны правительства; а стремленіе сохранить интересы фиска побудило его привлечь къ обложенію и некоторые разряды холоповъ, благодаря чему разница, существовавшая между ними и крестьянами въ податномъ отношеніи, стата также сглаживаться.

Древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ правительственный распоряженія, ограничивавшія свободу крестьянскаго перехода относятся къ серединѣ XV-го вѣка и имѣютъ частный характеръ²⁾. Въ то время бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ показывалъ игумена Ферапонтова монастыря и всею братью: „не вѣльть имъ“ отъ Юрьевы дни до Юрьевы дни изъ своихъ деревень серебренниковъ пускати, а вѣльть имъ отпускать серебренниковъ за двѣ недѣли до Юрьевы дни и недѣлю по Юрьевѣ дніи“; почти въ то же время (1455—1462) великий князь Василій Васильевичъ показывалъ игумена Троицко-Сергіева монастыря: „котораго ихъ крестьянинъ изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажеть, а ихъ старожитыца, и язъ князь великий тѣхъ крестьянъ изъ Приєкъи и изъ деревень не вѣльть выиущати ии къ кому“.

²⁾ Мнѣнія ученыхъ о прикрѣпленіи различны: одни (Татищевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Бѣляевъ и др. Сергеевичъ) полагаютъ, что прикрѣпленіе постѣдовало въ силу общаго указа, не дошедшаго до пасы, причемъ относятъ его къ 1591—1592 гг. (см. напримѣръ, Б. Чичеринъ, Опыты, стр. 223; И. Бѣляевъ, Крестьяне, стр. 304; Лекціи по истор. рус. зак., М., 1879 г., стр. 553) или къ первымъ годамъ царствованія Федора Ивановича (И. Бѣляевъ, Крестьяне, стр. 98; В. Сергеевичъ, Юр. Др., I, 254); другіе думаютъ, что такого указа въ то время вѣроятно не имѣлось, что прикрѣпленіе было вызвано цѣльнымъ рядомъ общественныхъ условій, основывалось на инцеловой старинѣ и т. п.; см. М. Погодинъ. Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права? въ Рус. Бес., 1858 г., № 12; I. Engelmann. Die Leibeigenschaft in Russland, Dogr., 1854, а въ особенности В. О. Ключевскій, Изученіе крѣпостного права въ Россіи въ Рус. Мысли 1885 г., №№ 8 и 10 и М. А. Дьяконовъ, Очерки изъ истории сельскаго населения въ Московскомъ государствѣ, Спб., 1898 г. Работа г. Дьяконова, основанная отчасти на сбжемъ архивномъ материалѣ, по мнѣнію г. Митюкова, „опровергаетъ взглядъ г. Сергеевича и вноситъ поправки въ теорію проф. Ключевскаго“ (П. Митюковъ, Крестьяне въ словахъ Брокгауза и Ефрона, XXXII, 679); полемика г. Сергеевича (Юр. Др. I, 267—271 и III, 449—469) уже вызвала замѣчанія со стороны М. А. Дьяконова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1904 г., № 7.

Итакъ, древнійшіе изъ извѣстныхъ намъ случаевъ ограничія или даже запрещенія крестьянскаго выхода правительствомъ прямо относятся къ задолжавшимъ крестьянамъ (серебренщикамъ) и къ крестьянамъ-старожильцамъ: крестьянская задолженность и старшина оказали вліяніе на правительственный распоряженія. Время, предшествующее Юрьеву дню осеннему и следующее за нимъ, и въ другихъ граматахъ назначалось въ качествѣ срока для отказа крестьянъ, по общему постановленію о такомъ срокѣ (за недѣлю до Юрьева днѣ осенняго и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ) появилось только въ Судебникѣ 1497 г. и повторено (съ нѣкоторыми дополненіями) въ Судебникѣ 1550 г.¹⁾. Съ того времени возникло нѣкоторое различіе между законнымъ выходомъ съ „отказомъ“, т.-е. въ срокъ и съ уплатою установленныхъ „пошлинъ“ отъ выхода незаконнаго: „бѣглые“ крестьяне упоминаются, напримѣръ, въ документахъ 1580-хъ годовъ; но до позднійшаго времени само законодательство оставилъ этотъ терминъ безъ точнаго опредѣленія и даже не налагало на крестьянъ особаго наказанія за нарушеніе вышеуказанныхъ условій выхода.

Вирочемъ, къ концу XVI-го вѣка статья Судебника объ „отказѣ“ уже потеряла прежнее значеніе: крестьяне большою частью лишины были возможности пользоваться ею; выходъ стать замѣняется „вывозомъ“. При описи вотчины кн. Симеона Бекбулатовича, напримѣръ, оказывается, что за нѣсколько лѣтъ изъ 2217 крестьянъ разошлось 306 крестьянъ (13,7%), причемъ наибольшая часть ушедшихъ (188 чел. т.-е. 62%) была вывезена другими владельцами, иной разъ и безъ соблюденія условій, предписаныхъ закономъ. Подъ вліяніемъ возраставшей нужды въ рабочихъ, такой вывозъ, вѣроятно, часто производился состоятельными землевладѣльцами, переманившими къ себѣ крестьянъ и, разумѣется, должны быть вызывать жалобы и иски со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Правительство, обремененное множествомъ такихъ исковъ, иногда сильно запаздывавшихъ, попыталось ограничить число ихъ: указомъ отъ 24 ноября 1597 года оно предписало давать судъ по искамъ о тѣхъ крестьянахъ, которые выбѣжали за пять лѣтъ до 7106-го года, т. е. до 1 сентября 1597 года, а по суду и сыску привозить ихъ назадъ, гдѣ кто жилъ; но если крестьянинъ бѣжалъ лѣтъ за шесть и больше до 1 сентября 1597 г., а владѣлецъ не былъ на него членомъ лѣтъ за шесть и больше до того же срока, то онъ терялъ право иска. Указъ 24 ноября 1597 г., кажется, прямо не формулировать, однако, правила о пятнадцатилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ на будущее

¹⁾ А. Э., т. I, № 48, 1. А. И., т. I, № 59. Ср. Пск. Суд. гр., см. 63, 76 и др. Судебникъ I, 57 и Судеб. II, 88. Акты и пр., соб. А. Юшковымъ, № 225.

время: но въ указѣ 1606 года, правительство уже ссылалось на „старый приговоръ“ о томъ, чтобы „суда на бѣглыхъ крестьянъ датѣ 5 лѣтъ не давати“ и составители наказа 1646 года толковали его въ такомъ именно смыслѣ¹⁾. Землевладѣльцы, въ особенности мелкие, не могли однако, удовлетвориться и этимъ толкованіемъ: вѣдь крупному землевладѣльцу легко было въ теченіе пяти лѣтъ укрыть бѣглого крестьянина въ какой-нибудь отдаленной вотчинѣ и, такимъ образомъ, прекратить возможность притязаній со стороны прежняго его владѣльца: въ 1645 году дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ были челомъ государю о томъ, что ихъ люди и крестьяне „выходять изъ-за нихъ, за сильныхъ людей“, а они де (челобитчики) по вся годы бывають на государевыхъ службахъ и въ... урочныя годы (т.-е. въ сроки, установленные для давности исковъ) про тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ провѣдати не могутъ“. Въ данномъ случаѣ служилые люди мѣтко указали и на тотъ аргументъ, который всего болѣе могъ подѣйствовать на московское правительство: со второй половины XVI-го вѣка оно принадлежало за организацію служилаго сословія и повертало его землями: но для того, чтобы обезпечить его военную годность, нужно было удержать на его земляхъ и его крестьянъ, платившихъ доходы землевладѣльцамъ и подати казнѣ. Иодѣ влияніемъ подобнаго рода соображеній, правительство стало на сторону мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ указѣ 1601 г. царь Борисъ даже явно обнаружилъ желаніе помочь низшимъ разрядамъ своихъ слугъ и разрѣшилъ дворянамъ, служившимъ „по выбору“, жильцамъ, „которые у государя“ и его сына, городовымъ дѣтямъ боярскимъ и другимъ мелкимъ чинамъ „возить межъ себя“ одного, двухъ крестьянъ въ традиціонный срокъ, запретивъ вывозъ ихъ крупнымъ землевладѣльцамъ: исключеніе было сделано только въ пользу Московскаго уѣзда, въ который и изъ котораго отказывать крестьянъ было запрещено: то же предписаніе (впрочемъ съ иѣкоторыми отличіями) было повторено и въ 1602-мъ году. Хотя указы 1601 и 1602 гг. были вызваны особаго рода условіями и дѣйствіе какаго изъ нихъ было ограничено годовымъ срокомъ, однако, въ нихъ ясно отразилась та точка зрѣнія, съ которой правительство стало относиться къ прикрѣпленію крестьянъ: оно стремилось обезпечить имъ военную годность мелкихъ служилыхъ людей, по условіямъ быта и службы часто лишеннѣй возможности своеевременно заботиться о возвращеніи тѣхъ крестьянъ, которые были записаны за ними; оно дѣлало прикрѣпленіе средствомъ государ-

¹⁾ А. II., т. I, № 221, III А. Э., т. II, № 40; т. IV, № 14. В. Ключевскій, Ор. сіт. въ Рус. Мысли 1885 г., № 10, стр. 3—7.

ственной обороны¹⁾. Впрочемъ, правительство было заинтересовано въ прикрытии и съ другой точки зрѣнія: прикрытие къ тяглу могло обеспечить и большую исправность въ уплатѣ податей. Если для военно-служебныхъ цѣлей правительству, въ сущности, было довольно безразлично, кто сидѣть на частно-владѣльческихъ земляхъ, холопы или крестьяне, и съ кѣмъ служилый человѣкъ являлся на войну, со своими ли "людьми" или съ крестьянами, то, во всякомъ случаѣ, такое же смышеніе въ финансомъ отношеніи становилось убыточнымъ для казны: превращеніе крестьяниновъ въ холопа, котораго господинъ могъ и не садить на пашню, вредно отзывалось на ся интересахъ; значитъ, правительству нужно было реагировать противъ частнаго закрѣпощенія. Кромѣ того ему выгодно было прикрыть каждого крестьянина — плательщика къ своему тяглу; но такая точка зрѣнія допускала и отступленія: въ порядковыи иногда включалось условіе, въ силу котораго порядчикъ выговаривалъ себѣ свободу выхода, если садить за себя нового "платежнаго жильца" на свой участокъ²⁾.

Итакъ, московское правительство, прикрѣпляя крестьянъ, имѣло въ виду, главнымъ образомъ, не сословный тенденціи землевладѣльцевъ, а государственный интересъ, понимаемый имъ, правда, въ очень узкомъ, казенномъ смыслѣ слова. Крестьяне, лишенные свободы перехода, были обязаны служить землевладѣльцамъ, но и служилый классъ долженъ быть служить государству. Въ своемъ имѣніи владѣльцы вѣдать и судить подвластное ему сельское населеніе. Въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ даже становился отвѣтственнымъ лицомъ передъ правительствомъ: случало, когда землевладѣльцы принимали на себя уплату податей за своихъ крестьянъ, извѣстны, напримѣръ, изъ граматъ XV и XVI вв.: то же подтверждается и граматами XVII-го вѣка, и иѣкоторыми статьями Уложенія³⁾.

¹⁾ А. Э., т. II, №№ 20, 23 и 24. Въ указѣ 7110 г. вступленіе вызываетъ иѣкоторая сомнѣнія у наследдователей: выраженіе — "вельти крестьянамъ давать выходъ", можетъ быть, только противополагается статьѣ, запрещающей выводъ крестьянъ "за" крупныхъ землевладѣльцевъ и изъ за нихъ въ 7110 г., притомъ срокъ выхода изъ мелкихъ имѣній слегка измѣненъ, сравнительно съ извѣстной статьей Судебника: вместо за недѣлю до Юрьевъ днѧ осенняго и недѣлю по Юрьевъ днѣ осеніемъ стоять: "возити Юрьевъ днень осенняго, да поспѣтъ Юрьевъ дни двѣ недѣли". Ср. Архивъ Н. Калачова 1859 г., III, кр., 13 и сл.

²⁾ А. Ю., № 290, II и IV. И. Баллесъ. Ор. сїт., стр. 156—157, 160. М. Дѣлоковъ, Ор. сїт., Прил. № 12: ср. стр. 12—15. Въ 1591—1594 гг., судя по бѣжецкимъ писцовыи книгамъ, земля обрабатываемая холопами землевладѣльца, при извѣстныхъ условіяхъ уже обѣнялась: см. И. Рожковъ, Ор. сїт., стр. 266—269.

³⁾ Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику отъ 1556-го года вѣдно боярамъ, приказнымъ людямъ и дворянамъ накрѣпко приказать въ своихъ селахъ, чтобы ихъ люди и крестьяне въ обыскахъ не лгали; если же они сог-

Таковы глави^шшіе мотивы и цѣли того прикрѣпленія, къ которому стремилось московское правительство XVII-го вѣка; гораздо менѣе ясно представляются намъ его основанія. До сихъ поръ можно только предполагать, что записка крестьянъ въ писцовыхъ книгахъ, особенно въ писцовые книги 1592—93 гг., могла оказать вліяніе и на прикрѣпленіе старинныхъ тяглецовъ; въ указѣ 1607 г. предписано тѣмъ крестьянамъ, которые за 15 лѣтъ до времени появленія указа „въ книгахъ 7101 (1592—93) г. положены, быть за тѣми, за кѣмъ они писаны“, но изъ этого правила прямо исключены тѣ бѣглые, о которыхъ по 1 сентября члобитъя не было; въ 1614 г. царь велѣть воеводамъ возвращать Іосифо-Волоколамскому монастырю тѣхъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые по обыску накрѣпко всякими людьми окажутся „старинными, той Іосифовы вотчины крестьянами“. Судя по иѣсколько позднѣйшимъ свидѣтельствамъ памятниковъ, крестьяне часто возвращаются на прежнія мѣста жительства „по старинѣ и по писцовыи книгамъ“, а не „старинными“ называются тѣ крестьяне, которые пришли въ данное имѣніе „постѣ писцовъ“. Если признать за писцовыми книгами вышеуказанное значеніе, то и ссылка на нихъ въ документѣ 1607 года можетъ послужить новымъ признакомъ, характеризующимъ государственное прикрѣпленіе: правительство начинаетъ выражать мысль, что крестьянинъ долженъ жить „за“ землевладѣльцемъ преимущественно на основаніи писцовыхъ книгъ, т. е. „официального документа общего-государственного характера“.

Наконецъ, тотъ же оттѣнокъ замѣчается и въ установлениіи наказанія за пріемъ бѣглого; мысль о подобного рода санкціи, едва-ли усвоенная напімъ законодательствомъ XVI-го вѣка, уже ясно выражена въ извѣстномъ документѣ 1607 года: здѣсь побѣгъ крестьянина разматривается не только какъ гражданское право-нарушение, преслѣдуемое судомъ по иску потерпѣвшаго, но и какъ нарушение общественнаго порядка: бѣглый крестьянинъ „отнынѣ“ подлежитъ розыску и возврату и помимо иска со стороны землевладѣльца; исполненіе такихъ функций поручается органамъ областной администраціи; виновный же, которымъ оказывается не бѣглый крестьянинъ, а принявший его новый владѣтель—долженъ,

гуть, то самимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ быть въ великой опалѣ, а ихъ людямъ и крестьянамъ быть казнеными, какъ въ разбойникахъ дѣлахъ (А. И. т. I, № 154, V, ст. 10 и 11). Возможно, что редакція вышеупомянутой статьи неудачна и что бояре и проч. отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не сдѣлаютъ соответствующихъ приказаний своимъ людямъ и крестьянамъ; ср. А. Э. т. I, № 17 и др. Уложеніе, XI, 6, 10, п 21. Б. Чичеринъ, Ор., стр. 222. Случай взиманія податей съ владѣльческихъ крестьянъ самимъ правительствомъ также извѣстны, см., напр., А. Э., т. III, № 115.

сверхъ вознаграждения потерпѣвшему, уплатить еще значительный денежный штрафъ въ пользу казны¹⁾.

Итакъ, документъ 1607 года содержитъ ясныя указания на тѣ начала, которыя были положены въ основу государственного прикрѣпленія крестьянъ. Почти все эти начала выражены и въ Уложеніи 1649 года: главная новость его (да и то, можетъ быть, не столько въ дѣйствительности, сколько въ исторіи законодательства) состояла въ распространеніи прикрѣпленія па всѣхъ поселянъ, «съ племяннемъ вмѣстѣ». Въ самомъ дѣлѣ, послѣ нѣкоторыхъ колебаний въ опредѣленіи срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, вообще постепенно возраставшаго, правительство, частью подъ влияніемъ вышеуказанныхъ мотивовъ, частью, вѣроятно, и по настоятельнымъ просьбамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ „всѣхъ городовъ“ рѣшилось отмѣнить „урочину лѣта“. Для этой цѣли должна была служить и перепись всѣхъ крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ, даже тѣхъ, которые выбѣжали изъ-за него въ теченіе постѣдніхъ десяти лѣтъ: „и по тѣмъ переписаннымъ книгамъ (1646—1648 гг.), читаемъ мы въ указѣ о переписи 19 октября 1645 года, крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братя и племянники будуть крѣпки и безъ урочинъ лѣть“. Такимъ образомъ, правительство уже въ 1645 г. выразило намѣреніе обнародовать извѣстную „государеву заповѣдь о томъ, чтобы никому за себя крестьянъ не пріимати“; она окончательно была утверждена въ соборномъ Уложеніи 1649 г.; одна изъ его статей заявляетъ, что „о томъ по нынѣшней государевѣ указѣ государевы заповѣди не было“. Вѣчная крѣпость крестьянская отнынѣ должна была распространяться не только па тѣхъ крестьянъ и па бобыляхъ, но и па „ихъ братю, дѣтей, и племянниковъ и внукахъ, съ женами и дѣтьми“, записанныхъ главнымъ образомъ, въ писцовыхъ и переписанныхъ книгахъ²⁾. Государственный характеръ прикрѣпленія въ

¹⁾ Судебникъ 1550 г. и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136: въ томъ же указѣ постановлено: „а не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентябрь по 1-е число не будетъ, и тѣхъ послѣ того срока по тѣмъ книгамъ не отдавать“. А. Э., т. III, № 41. В. Ключевскій. Ор. сіт., Рус. Мысль 1895 г., № 10, стр. 14—15. М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 31, 34—38. Въ пользу предположенія проф. В. О. Ключевскаго о достовѣрности указа 1607 года можно привести еще и то, что постановленія его о денежномъ штрафѣ и проч. встрѣчаются въ цѣломъ рядѣ грамотъ, цѣсаныхъ послѣ 1607 г. и до 1649 г.: см. М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 57 и сл. Ср. ниже стр. 80—81.

²⁾ Извѣстны случаи, когда и до Уложенія дѣти крестьянъ и бобыли возвращались на старинную ихъ отцовскія печища: см. М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 40—45. С. Соловьевъ И. Р., IV, 791. Половники на сѣверѣ и послѣ обнародованія Уложенія продолжали заключать порядные на срокъ и переходить съ мѣста на мѣсто; крестьяне—„порядчики“ въ тѣхъ же уѣздахъ обыкновенно заключали свои порядные также на сроки, но болѣе продолжительные, чѣмъ половники; см. А. Ефименко, Ор. сіт., стр. 271, 278; М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 151—155, 163.

Уложеній обнаружился еще яснѣе, чѣмъ въ указѣ 1607 года. Уложеніе признало значеніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ для прикрытия. Помимо порядныхъ, которыхъ продолжали заключаться и постѣ 1649 года, оно сверхъ того установило и новый способъ поступленія въ крестьяне „для вольныхъ людей“; по предварительному распросѣ, действительно ли они вольные, такие люди записывались въ помѣстномъ приказѣ, а затѣмъ „отдавались“ въ крестьянство новымъ своимъ владѣльцамъ и становились вѣчно крѣпкими имъ. Наконецъ, Уложеніе опредѣлило и цѣлый рядъ наказаний, падающихъ на того, кто приметъ бѣглого крестьяниня и кто будетъ укрывать его отъ законнаго его владѣльца. Государственный характеръ прикрытия выражается и въ томъ, что, уничтожая право выхода, Уложеніе продолжало различать крѣпость холопью отъ крестьянской; оно запретило крестьянамъ давать на себя служилыя кабалы кому-бы то ни было и упоминаетъ о некоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ владѣльческаго крестьяниня¹); оно сохранило за нимъ возможность самому искать или отыѣщать въ дѣлахъ граж-

¹ А. Э., IV, № 14 Уложение XI, особенно 1—3, 5, 9, 11, 20, 21, 24; XX, 5 и 113. Казанцы должны были записываться не въ Помѣстномъ приказѣ, а въ Казани; Новгородцы (съ пригородами) — въ Новгородѣ; Псковичи (съ пригородами) — въ Псковѣ. Ср. еще выше, стр. 46 и Уложение XX, 27. Г. Дьяконовъ замѣтилъ, что и постѣ издания Уложения московское правительство „вовсе не отказалось отъ примѣненія начала давности къ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ“, но урочные годы, известные намъ изъ отдѣльныхъ указовъ, были уже гораздо менѣе выгодны для землевладѣльцевъ. (Бр. сіт., стр. 63—66). Уложение приняло во вниманіе писцовую книгу 7134 г. (1625—1626 гг.) и 7154—7155 гг. (въ сущности 1646—1648 гг.); бѣглые крестьяне и бобыли, записанные за владѣльцемъ въ писцовыхъ книгахъ 7134 г. „отдавались“ имъ по суду и по сыску, по этимъ книгамъ безъ урочныхъ лѣтъ; та же участь постигла крестьянскихъ и бобыльскихъ женъ и дѣтей: послѣднихъ вѣтъю отдавать на томъ основаніи, что отцы ихъ записаны въ книги 7134 года; такое же значеніе могли имѣть отдѣльные или отказныя книги, составленныя постѣ писцовыхъ книгъ 7134 года. По переписнымъ книгамъ 7154 и 7155 гг. отдавались тѣ крестьяне и бобыли, отцы которыхъ такъ же, какъ и сами они, еще не были внесены въ списки 7134 г., но уже были упомянуты въ спискахъ 7154—7155 гг.; по книгамъ этихъ же годовъ (7154 и 7155 гг.) отдавались и ихъ „братья, дѣти, племянники и внучата съ женами и съ дѣтьми“... Слѣдовательно, если только не приписывать пѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ отличій несовершенствамъ редакціи соответствующихъ статей Уложения (XI, 2, 3, 5, 9—11), при прикрытии непрениснія книги дополняли предшествующія (начиная съ писцовыхъ книгъ 7134 г.) свѣдѣніями: 1) касательно крестьянъ и бобылей, записанныхъ только въ 7154 или 7155 гг.; 2) касательно ихъ „братьи, племянниковъ и внучатъ съ женами и дѣтьми“. — По Уложению (XI, 15) бѣглая вдова, вышедшая вторично замужъ въ бѣгахъ за крестьяниня или за кабального человѣка, возвращается съ мужемъ прежнему ея владѣльцу на основаніи не только вышепознаваемыхъ книгъ, но и „вынисей и иныхъ какихъ крѣпостей“. Въ граматѣ новгородскому воеводѣ кн. И. Рѣчину 1664 года вѣтъю отдавать бѣглыхъ крестьянъ ихъ

данскихъ и установило плату за его безчестье иувѣчье; оно также признало за пимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право вступать въ имущественные обязательства даже съ собственными своимъ господиномъ и казнью¹⁾). Нѣкоторая изъ ограничений крестьянскихъ правъ, находящіяся въ Уложеніи, были, повидимому, также сдѣланы преимущественно съ казенной точки зритія: сюда можно отнести, напримѣръ, помимо уничтоженія урочинъ тѣть, запрещеніе крестьянамъ, жившимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, владѣть городскими дворами, а также лавками и совершать сдѣлки на эти имущества; согласно съ началами государственного прикрѣпленія, крестьяне были лишены и права вступать въ нѣкоторая обязательства, а именно давать на себя жития и судныя записи и служилыя кабалы²⁾.

Одновременно съ вышеприведенными постановленіями, въ Уложеніи, однако, можно усмотрѣть и цное теченіе, благоприятствовавшее послѣдующему развитію крѣпостного права, а не государственного прикрѣпленія крестьянъ. Уже ибѣсколько замѣтное въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику, оно рѣзче обозначилось въ Уложеніи: здѣсь, напримѣръ, иѣть статьи, где опредѣлялась бы юридическая сущность того отношенія, въ которомъ крестьяне должны были находиться къ владѣльцамъ: благодаря такому пробѣлу, они могли развивать свою власть. Личность крестьянина слишкомъ мало обеспечена въ Уложеніи: оно не устанавливаетъ наказанія господину за неумышленное убийство своего крестьянина или за жестокое обращеніе съ нимъ, причинившее смерть; и, напротивъ, оно прямо признаетъ обычай, въ силу которого владѣльцы могли въ отношеніи къ постороннимъ лицамъ искаѣть и отвѣтчиать за своихъ „нашенихъ“ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, за исключеніемъ убийства, разбоя, а также татыбы и, значить, въ случаяхъ подобного рода, допускаетъ отстраненіе крестьянъ отъ личнаго участія въ судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уложение оставляетъ почти безъ всякой нормировки и имущественныхъ отношеній крестьянина къ владѣльцу, размѣры его земельнаго участка, а также повинностей (за исключениемъ развѣ постановленія не работать въ воскресные и праздничные

владѣльцамъ „по крѣпостямъ, по переписнымъ книгамъ 161 году“ (П. С. З. т. I, № 364). Уложение между прочимъ ссылается и на то, что „изъ помѣстей помѣщикамъ крестьянъ (записанныхъ за ними въ „переписовые книги“) на волю отпускать не указано“ (Ул., XV, 3). О различіи между холопами и крестьянами по Уложению см. *К. Побѣдоносцевъ*, Исторический изслѣдованія и статьи, Спб., 1876 г., стр. 47—57. Ср. еще П. С. З., т. VI, № 3743, п. 1.

¹⁾ Уложение, X, 124; ср. 159, 162; XI, 23 и 32; XVII, 23; XIX, 16 и 17. Новогорг. уст., ст. 91 (П. С. З., т. I, № 408); см. еще *К. Побѣдоносцевъ*, Ор. сіт., стр. 106, 109—116.

²⁾ Уложение, XI, 23 и 32; XIX, 45. Ср. А. Э., т. IV, № 39.

ные дни) и платежей въ пользу землевладельца; тот же сводъ содержитъ статьи, игнорирующія существование у крестьянъ своей собственности, и повелѣваетъ, напримѣръ, отдавать по оцѣнкѣ дворы и животы должниковъ, которымъ „откупиться нечѣмъ“, въ ищцовъ искъ, или править ищцовъ искъ „въ помѣстяхъ ихъ и въ вотчинахъ на людяхъ ихъ и на крестьяниахъ“. Нельзя не замѣтить, наконецъ, что Уложеніе постановляетъ „опричъ великихъ дѣль (здравья государя и измѣны) ни въ какихъ дѣльахъ“ крестьянамъ-извѣтчикамъ „не вѣрить“, а между тѣмъ, въ числѣ такихъ извѣтковъ могли быть и доносы ихъ на злоупотребленія господъ¹⁾.

Дѣйствительная жизнь, разумѣется, опережала законъ: землевладѣльцу тѣмъ легче было расширять и усиливать надъ крестьянами власть, сущность которой оставалась безъ опредѣлѣнія въ законѣ, чѣмъ трудиѣ становилось его подданиому ускользнуть изъ подъ ея давленія. Постѣ отмѣни уроціхъ лѣть крестьянинъ-старожилецъ бытъ лишенъ права выхода, а крестьянинъ новопорядчикъ въ своей порядной обязывается жить за землевладѣльцемъ „вѣчно“ и „безвыходно“; притомъ онъ часто, взамѣнъ порядной, писать „ссудную“, по которой онъ также призывалъ себя вѣчно крѣпкимъ своему господину и въ которой рѣчи иѣть объ арендѣ земли²⁾; вѣчно ему крѣпкій и по офиціальнымъ документамъ, онъ былъ лишенъ права разорвать свою крѣпость; онъ могъ только временно отлучаться изъ имѣнія, да и то, вѣроятно, заявивъ объ этомъ владѣльцу³⁾. Въ противномъ случаѣ онъ становился „бѣглымъ“; а за пріемъ бѣглаго чужого крестьянини вотчинники и помѣщики подвергались строгимъ наказаніямъ, установленнымъ

¹⁾ А. И., т. III, 92 (стр. 101 и 111—112). Уложеніе, II, 13; X, 94, 141, 126 п 226; XI, 32; XIII, 7; XIX, 17. П. С. З., т. I, № 412, гл. II, ст. 7. Уложеніе предоставляетъ „рабѣ“ право жаловаться на владѣльца лишь въ томъ случаѣ, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою“ (ХХ, 80); надо полагать, что та же статья могла примѣняться и къ крестьянамъ; ср. еще К. Побѣдоносцевъ, Ор. сіт., стр. 3, 47, 49, 57, 74 И. Забылинъ, Ор. сіт., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 470.

²⁾ Въ одной порядной 1619 года порядчикъ пишетъ: „а съ Софѣйскими вотчинами... [мнѣ] никуды за волость не сойти и не сѣжать, а сойду я изъ Софѣйскими вотчинами или забегу безъ государева указу и безъ митрополичья вѣдома, и гдѣ меня сѣдѣаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волю меня взять и вывестъ въ Софѣйскую вотчину“... Аналогичныя условія есть и въ другихъ порядныхъ 1620 годовъ (Н. Дебольскій, Ор. сіт., Прил., стр. 433—440). Въ одной жилецкой записи 1627 г. крестьяне Михѣевы писали, что они „крѣпки“ своему господину, Чиркину, „въ его помѣсь на тое деревнѣ, гдѣ онъ пхъ посадить“; такія же выраженія встрѣчаются и во многихъ порядныхъ того времени еще до 1646 г. (Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 17, 22, 25, 26, 28, 31). Уложеніе XI, 32.

³⁾ И. Забылинъ, Ор. сіт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19. М. Дьяконовъ, Ор. сіт., стр. 95—100; ср. 101. Судибникъ и проч., изд. подъ ред. В. Татищева, М., 1768 г., стр. 134—136 (указъ 1607 г. марта 9-го).

въ указахъ 1661 и 1664 годовъ¹⁾. Естественно, что при такихъ условіяхъ землевладѣльцы пользовались выгодами своего положенія для того, чтобы расширить и усилить свою власть надъ крестьянами. Въ то время они произвольно устраивали браки между своими „подданными“, заставляли ихъ насильно ходить въ церковь и т. п. Въ концѣ XVI-го вѣка они уже уступали другъ другу крестьянъ: известна мировая 1597—1598 гг. между старцемъ Гуріемъ изъ Голутвина монастыря въ Коломенѣ и подьячимъ Григорьевымъ, въ силу которой старецъ Гурій „по сыску“ поступилъся Григорьеву нѣсколькими крестьянами съ ихъ женами и дѣтьми, со всѣми животами и статками, по безъ земли. Отъ начала XVII-го вѣка сохранился цѣлый рядъ актовъ, касающихся разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ на крестьянъ²⁾. Съ теченіемъ времени сдѣлки на крестьянъ безъ земли также стали все болыше входить въ обычай. Съ 13-го октября 1675 г. крестьянъ начали записывать по сдѣлочнымъ записямъ и по купчимъ въ помѣстномъ приказѣ, „безъ подписаныхъ человѣтень“. Извѣстны также факты, свидѣтельствующіе, что записка въ крестьяне, уже вскорѣ по изданіи Уложенія, могла производиться и въ холопьемъ приказѣ; такой порядокъ былъ узаконенъ въ указахъ 1681 и 1682 гг.: лицамъ, совершающимъ сдѣлки подобнаго рода, вѣтъно было быть челомъ о запискѣ ихъ въ приказъ холопья суда³⁾. Если можно было тогда уже распоряжаться личностью крестьянина, отрывать его отъ земли, переводить его съ одного участка на другой или изъ одного имѣнія въ другое, то легко было поступать съ нимъ и какъ съ сельскимъ рабочимъ, лишеннымъ нѣкоторыхъ правъ, а не какъ съ вольнымъ арендаторомъ, и подвергать трудъ его нѣкоторой эксплоатации. Въ самомъ дѣлѣ, выше приведенные примѣры касательно роста крестьянскихъ повинно-

¹⁾ П. С. З., т. I, №№ 307 и 364; въ силу указа 1658 года крестьяне, бѣжавшіе и „разорившіе своихъ господъ“, сами подвергались „нешадному наказанію кнутомъ“ (ib., т. I, № 220). Ср., впрочемъ, еще И. Баллест, Ор. сіт., стр. 215—216.

²⁾ Акты и пр., собр. М. Дьяконовымъ, в. II, № 33. Н. Дебальскій, Ор. сіт., стр. 180—182.

³⁾ На основаніи Уложенія, человѣкъ, купившій вотчину, могъ, вмѣсто крестьянъ, написанныхъ въ купчей, во взятыхъ у него и отданныхъ изъ той вотчины истцамъ, по писцовыми книгамъ, суду и сыску „взять на продавца такихъ же крестьянъ изъ цныхъ его вотчинъ“ (XI, 7). Кромѣ того, въ случаѣ неумышленного убийства крестьянина одного владѣльца крестьяниномъ другого владѣльца, Уложение разрѣшало выдавать убійцу, или другого крестьянина со всемъ семействомъ тому владѣльцу, кому принадлежать убитый; выборъ быть предоставленъ потерпѣвшему владѣльцу (XXI, 73); П. С. З., т. II, № 946 О появленіи и размноженіи разнаго рода сдѣлокъ на крестьянъ безъ земли, а иногда и въ разбивку въ общественной жизни и въ судебнѣй практикѣ XVII вѣка см. К. Побѣдоносцевъ, Ор. сіт., стр. 57—65.

стей, да и другія извѣстія, повидимому, свидѣтельствуютъ въ пользу такого заключенія. Въ наказѣ Корсакова прикащику, управлявшему вотчиной Суздальскаго Покровскаго монастыря, напримѣръ, ему было предписано запрещать монастырскимъ крестьянамъ напинать земли въ другихъ имѣніяхъ, „чтобы монастырская сѣла не пустѣли и пашня не запереложѣла“. Одинъ изъ писателей XVII вѣка сообщаетъ, что бывали вотчинники и помѣщики, которые прибѣгали къ слѣдующей мѣрѣ: желая продать своихъ крестьянъ, они „наперѣдь брали съ нихъ поборы великие, не противъ силы“ съ тѣмъ, чтобы „себя наполпивать для покупки иныхъ вотчинъ“. Впрочемъ, правительству было невыгодно допускать крестьянское разореніе: извѣстны случаи, когда оно предписывало даже кнутомъ наказывать служилыхъ людей, запустошившихъ свои имѣнія и лишившихъ себя возможности исправно отбывать службу. Судя по рассказу одного современника, владѣльцу, разорившему своихъ крестьянъ, грозила уплата крестьянамъ тѣхъ изъ нихъ поборовъ, которые опять взимать съ нихъ черезъ силу и грабежемъ, а также конфискація его помѣстій и жалованій въ вотчинѣ; что же касается купленійъ его вотчинѣ, то онѣ отдавались его родственникамъ: но, даже если признавать достовѣрность приведеннаго извѣстія, въ немъ нѣть рѣчи о родовыхъ имѣніяхъ вотчинника; притомъ дѣло начиналось (судя по тому же извѣстію), если крестьяне были человѣкъ на своего вотчинника или помѣщика, а это, вѣрюято, не всегда удавалось имъ сдѣлать; да и конфискаціи подобнаго рода едва-ли часто повторялись ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ въ XVII вѣкѣ землевладѣльцы успѣли, вѣроятно, усиливъ зависимость крестьянъ отъ своего произвола и благодаря тому, что они вѣдали и судили своихъ крестьянъ во всякихъ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ, „кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“. Въ то время въ помѣщичьихъ дворахъ уже встречаются тюрмы, кандалы и колодки; битье кнутомъ иногда упоминается въ числѣ тяжкихъ наказаній; битье батогами часто употребляется, напримѣръ, за „огурство“, т. е. за уклоненіе отъ обязанностей, налагаемыхъ вотчинникомъ на своихъ крестьянъ; его судебный розыскъ нерѣдко доводитъ людей и до пытки ²⁾. Приведемъ два примѣра. Въ селѣ Мурашкинѣ, принадлежавшемъ

¹⁾ А. Э., т. III, № 217. Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 59. Г. Котомихинъ XI, 3. Ср. выше стр. 61 и С. Соловьевъ, И. Р., ком. изд., II, 1849—1850.

²⁾ Н. Забияка, Ор. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 19, 49. Даже по дѣламъ, подлежавшимъ губному вѣдомству, Морозовъ велѣть обвиняемыхъ подвергать „распросу“, а того человѣка, который въ распросѣ начиналъ путаться и оказывался воромъ, сажать въ колоду или же лѣзва и потомъ уже отсыпать съ попичнымъ въ губу.

известному боярину Морозову, въ 1650 году возникло дѣло объ оскорблении особы боярина бояремъ Миронко: папившись пьянь въ кабакъ, Миронко сказать сквердяя и бранная слова про боярина-государя. Прикащикъ вкинуль виновнаго въ тюрьму и поспѣшилъ известить Морозова о случившемся; злосчастный спрота, отрезвившись въ тюрьмѣ, въ свою очередь послать боярину челобитную, въ которой онъ винился передъ своимъ „государемъ“ и просилъ его смиливаться. Морозовъ, однако, не смиливался: онъ велѣлъ прикащику распросить накрѣпко Миронку „въ заводѣ“ и пытать его, „не отъ заводу лѣ опъ какова такія рѣчи говорить“, а затѣмъ „бить Миронка кнутомъ безъ пощады“ и держать въ тюрьмѣ: а „какъ кожа подживеть, распоряжается бояринъ, и выпавъ, велѣть въ другорядъ бить [его] кнутомъ же безъ пощады“ и снова кинуть въ тюрьму, „чтобы ему плуту, вору впередъ воровать и незабытихъ словъ говорить было исповадно“. И, хотя Миронка и съ пытками винился въ томъ же, что говорилъ онъ тѣ „невѣжливыя слова своею глупостью, хмѣлемъ пьянски“ и что никого съ нимъ въ думѣ не было, однако, распоряжение боярина было приведено въ исполненіе. Другой примѣръ: въ своей духовной 1627 года одинъ изъ землевладѣльцевъ, кажется, нижегородской губ., винился въ томъ, что „спротъ своихъ, которые ему служили, въ своей кручинѣ оскорбилъ боемъ по винѣ и не по винѣ ихъ, а вдовъ и женъ ихъ дѣственнымъ растѣніемъ, а иныхъ грѣхомъ своимъ и смерти предать“...¹). Впрочемъ (насколько можно заключить по отдѣльнымъ примѣрамъ), по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ поручался прикащику, постѣдний долженъ быть судить съ старостой, съ цѣловальницами и съ выборными крестьянами. Въ арзамасской вотчинѣ боярина Морозова міръ однажды даже прямо „вступилъ“ въ жестокій „розыскъ“, производимый прикащикомъ надъ какою-то „женнишкой“: по поклещу одного изъ крестьянъ прикащикъ пытать и билъ ее кнутомъ, „взвѣся... и робенка изъ нея вымучилъ, да сверхъ тое пытки огнемъ хотѣть жечь“; тогда-то міръ и вмѣшился въ дѣло: при мірѣ стали спрашивать истца, который и повинился въ своемъ поклещѣ; любопытно, что бояринъ принялъ во вниманіе новый розыскъ, учиненный міромъ, и даже наказать истца²). Сомнительно, однако, чтобы такие случаи вымѣнательства имѣли большое значеніе для огражденія крестьянъ отъ барскаго пропнавола: хотя факты, подобные вышеуказаннымъ, въ XVII-мъ вѣкѣ все еще, повидимому, довольно рѣдки, однако, они лишний

¹) И. Забѣлинъ, Ор. сіт., В. Е., 1871 г., № 2, стр. 506 и 508. А. о. до Ю. Б., т. I, № 86, 1.

²) И. Забѣлинъ, Ор. сіт., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 17; № 2, стр. 506—507.

разъ и наглядно показываютъ, что многіе элементы крѣпостного быта сложились задолго до признания закономъ крѣпостного права; крестьянинъ долженъ быть подчиняться расширившейся власти землевладѣльца и къ концу вѣка начинать уже протестовать противъ его произвола ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе тягло продолжало оставаться однимъ изъ существенныхъ различий между холопомъ и крестьяниномъ; по старинному правилу: „на холопѣхъ дани не взяти“ къ тяглу привлекалось только свободное населеніе. Правительство долго придерживалось такого взгляда; но и это различие стало утрачивать значеніе въ жизни и въ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ бытовомъ отношеніи дѣловые люди, жившіе особыми дворами, задворные люди и монастырскіе „дѣтеныши“ настолько близко стояли къ пашеннымъ крестьянамъ, что правительство, имѣя въ виду фискальные и военные интересы, рѣшилось, повидимому, обложить ихъ дворы повинностями, которая падали и на дворы тяглыхъ людей. Послѣ переписи 1677—1678 гг., при производствѣ которой писцамъ вѣтъно было имѣть въ виду дворы дѣловыхъ и задворныхъ людей, и послѣ приговора 2 сентября 1679 года, задворные люди въ сущности были зачислены въ разрядъ тяглыхъ людей и, дѣйствительно, стали платить, напримѣръ, стрѣлецкій хлѣбъ, ямскія и полонянинческия деньги; иѣсколько поздиѣ такими же сборами были обложены и дѣловые люди, жившіе особыми дворами. Можно думать, что иѣчто подобное произошло и съ монастырскими дѣтенышами ²⁾. Выгоды землевладѣльцевъ, которые пользовались даровыми трудомъ дѣловыхъ и задворныхъ людей, а также дѣтенышей принесены были въ жертву казнѣ; тягло перестало рѣзко ограничивать ихъ отъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, само правительство способствовало дальнѣйшему спленію холопства съ крестьянствомъ и подготовляло превращеніе крѣпостного быта въ крѣпостное право.

Со временемъ Уложенія различие въ общественномъ положеніи крестьянъ черносоціихъ и владѣльческихъ уже обозначилось рѣзче прежняго. Хотя оба главнѣйшіе разряды сельскаго населенія подверглись прикрѣплению, однако, оно имѣло разное значеніе для каждого изъ нихъ. Черносоціихъ вѣтъно было возвращать въ черныя волости на старые ихъ жеребы; но передвиженіе въ широкихъ предѣлахъ черныхъ волостей для нихъ все еще было возможно и они оставались свободными отъ землевладѣльческаго гнета; владѣльческие крестьяне, напротивъ, были „записаны за вотчины“

¹⁾ П. С. З., т. I, № 220. И. Забѣлинъ, Ор. cit., В. Е., 1871 г., № 1, стр. 31. П. Ивановъ, Др., т. I, в. 3, стр. 529—530.

²⁾ Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, II и IV и № 66. М. Должоковъ, Ор. cit., стр. 272—282, 316—321.

никами и помѣщиками" или „отдавались" имъ; и чѣмъ уже были предѣлы вотчины или помѣстья, тѣмъ возраставшая зависимость ихъ отъ владѣльцевъ чувствовалась сильнѣе. Благодаря такимъ условіямъ, между черносошными, надо полагать, было меньше разрозненности, чѣмъ между крестьянами, принадлежавшими разнымъ владѣльцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ черносошные продолжали подчиняться только органамъ правительства, тогда какъ крестьяне, сидѣвшіе на чужихъ земляхъ, превратились въ подданныхъ своихъ государей-владѣльцевъ, которые стали между ними и государственіою властью. Впрочемъ и тѣ и другіе отправляли податныя обязанности въ пользу государства, у тѣхъ цѣлѣй другихъ еще оставались и общія имъ права, между прочимъ, право подавать челобитныя правительству. Крестьяне обращались съ "мірскими челобитными" къ воеводамъ или получали возможность споситься съ Москвою обыкновенно черезъ посредство міра; они отправлять выборныхъ мірскихъ челобитчиковъ или посыльщиковъ „для мірскихъ бѣдностей" на общія мірскія средства; иногда такие посыльщики даже панимались міромъ: извѣстно, впрочемъ, что Уложеніе запретило челобитчикамъ, не бывшимъ членомъ въ приказахъ, подавать свои челобитныя государю; но это правило едва-ли строго соблюдалось на практикѣ, о чёмъ свидѣтельствуютъ и позднѣйшіе указы ¹⁾). По мѣрѣ того, однако, какъ разрасталась власть помѣщика, и подача челобитней помимо него въ присутствиѣ мѣста становилась для его крестьянъ все болѣе затруднительной, а съ теченіемъ времени она была запрещена и закономъ. Различіемъ въ бытовыхъ условіяхъ и общественномъ положеніи крестьянъ черносошныхъ и владѣльческихъ объясняется и разное отношеніе, въ какое они были поставлены къ городскому населенію. Московское правительство въ теченіе всего XVII вѣка не порывало связи между черносошными крестьянами и городами въ поморскихъ уѣздахъ; только съ учрежденіемъ магистратовъ поморскіе уѣзды были отдѣлены отъ городовъ ²⁾). Напротивъ, между владѣльческими крестьянами и посад-

¹⁾ Уложеніе, X, 20; ср. П. С. З., т. III, № 1707 и т. IV, № 1748; т. V, № 2787 и многіе другіе; указанія на нихъ отчасти собраны въ извѣстномъ указѣ отъ 12 іюля 1762 г. въ Л. С. З., т. XVI, № 11606. Я. Олобликъ, Оп. сіт., Жур. М. Н. Пр., 1898 г., апр., стр. 276, 282, 289, 307, 311—312, 315 и др.

²⁾ Въ указѣ 3 ноября 1699 года написано: „Въ поморскихъ городѣхъ уѣздныхъ государственныхъ крестьянъ, опричь тѣхъ, которые вѣдомы во дворцѣ, никогда воеводамъ не вѣдать, а вѣдать во всѣхъ тѣхъ городахъ бургмистрамъ" (П. С. З., т. III, № 1715; Ср. выше стр. 30); но извѣстно, что по учрѣженіи губерній городовыя или земскія избы были подчинены губернаторамъ (1708—1719). Хотя въ указѣ 11 іюня 1718 года есть уже резолюція о томъ, чтобы „учинить градскіе магистраты", на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента, но воеводская инструкція 1719 года все еще признаетъ города „подчиненными

скими тяглыми людьми опо провело довольно рѣзкую грань: въ силу известныхъ статей Уложения „боярскіе и иныхъ чиновъ люди и крестьяне“, купившіе тяглые дворы и лавки, и анбары, и погребы каменные и соляные варницы и торговавшіе всячими товарами въ городахъ, должны были продать тѣ тяглые дворы и торговыя заведенія „тяглымъ торговымъ и посадскимъ людямъ“ и впрѣдь были лишены права вступать съ ними въ сдѣлки подобнаго рода: въ противномъ случаѣ виновнымъ грозило наказаніе: великая опала и торговая казнь; аналогичная мѣра была принята и относительно тяглыхъ дворовъ, лавокъ и проч., взятыхъ крестьянами тѣхъ же разрядовъ въ закладъ до срока у торговыихъ и посадскихъ людей, если они „просрочатъ“ уплату своихъ долговъ; владѣльческимъ крестьянамъ было запрещено „послѣ срока“ жить въ этихъ тяглыхъ дворахъ или торговатъ въ этихъ лавкахъ, анбарахъ и погребахъ и варить соль въ этихъ варницахъ подъ опа-саніемъ конфискаціи заложеннаго имъ имущества. Слѣдуетъ замѣтить, кромѣ того, что въ статьяхъ, которыхъ обособляли сельское населеніе, сидѣвшее па частновладѣльческихъ земляхъ, отъ „государевыхъ“ тяглецовъ, законъ уже ставилъ на одну доску „людей боярскихъ и иныхъ чиновъ“ (т. е. холоповъ) и владѣльческихъ крестьянъ и противополагать ихъ посадскимъ людямъ: проводя такое различие, онъ какъ бы признавалъ, что владѣльческие крестьяне въ данномъ отношеніи ближе стоять къ „боярскимъ и иныхъ чиновъ людямъ“, чѣмъ къ государевымъ тяглымъ людямъ¹⁾.

Наконецъ, различіе между черносорными и владѣльческими крестьянами въ политическомъ отношеніи было особенно замѣтно

воеводѣ“ (П. С. З., V, № 3294). По учрежденіи главнаго магистрата (регламентъ его—16 января 1721 г.), „регулярное гражданство“ обособляется отъ уѣздныхъ людей и отдается въ вѣдѣніе магистратовъ (П. С. З., т. V, № 3208; т. VI, № 3708; т. VII, № 4624); впрочемъ, въ дѣйствительности воеводы продолжали вмѣшиваться и въ дѣла магистратовъ. Всѣдѣ за упраздненіемъ городовыхъ магистратовъ (П. С. З., т. VII, № 5142, 18 янв. 1727 г.) сельское населеніе поморскихъ уѣзовъ опять вмѣстѣ съ городами состояло въ вѣдѣніи правительственныйыхъ органовъ: вънаказѣ 1728 года „посадскихъ вѣтѣно подчинить губернаторамъ и воеводамъ“ (П. С. З., т. VIII, № 5333, ст. 10, 20, 26 и др.). Тѣмъ не менѣе вачала, положенная въ основу магистратскихъ учрежденій, не вполнѣ утратилась въ ратушахъ; а въ 1743 году магистраты были возстановлены и компетенція ихъ была расширена (П. С. З., т. XI, № 8734). О дальнѣйшемъ процессѣ обособленія государственныхъ крестьянъ отъ городского населенія см. ниже.

1) Уложение, XIX, 15 и 16; ср. XIX, 1 и 9; въ силу статьи 17-й крестьянамъ владѣльческимъ было разрѣшено прѣѣжать въ города и продавать всякие товары на гостиномъ дворѣ „съ возовъ и струговъ“.

не столько въ области самоуправления¹⁾, сколько въ соборномъ представительствѣ. Въ 1612—1613 гг. „уѣздные люди“ вмѣстѣ съ другими были призваны для рѣшенія вопроса о томъ, „кому быть на Московскому государствѣ“; уже въ то время, однако, владѣльческимъ крестьянамъ, повидимому, нельзя было засѣдать вмѣстѣ съ своими господами; подъ „уѣздными людьми“, подписавшимися на избирательной граматѣ надо, кажется, разумѣть однихъ „сѣверныхъ крестьянъ“ или даже мелкихъ служилыхъ людей „приборной“ службы. А въ 1682 году, когда на совѣщаніе правительства съ тяглыми людьми тоже были призваны, люди уѣздные, оно уже порознь совѣтовалось съ тяглыми и служилыми людьми: такой порядокъ указывать на наступленіе того сословнаго строя, который окончательно выработался въ слѣдующемъ столѣтіи²⁾.

III. Крестьяне въ Россійской имперіи XVIII-го вѣка.

Въ XVIII вѣкѣ положеніе крестьянъ ухудшилось и въ бытѣ, и въ юридическомъ отношеніяхъ: частный характеръ прикрепленія сталъ развиваться въ ущербъ тому государственному значенію, которое приписывало ему московское правительство. Въ то время владѣльческие крестьяне стали почти собственностью сословія, которое владѣло ими не для службы и за службу, а въ силу сословной привилегіи; даже отношенія казны къ крестьянамъ, получившимъ название государственныхъ, отчасти строились по тому же образцу, а съ сословной точки зрењія и они причислялись къ „постѣднему чину“. Естественно, что при такихъ условіяхъ крестьяне окончательно выдѣлились въ особое сословіе. Уже Татищевъ замѣтилъ, что помимо „временной разности между чинами“ существуетъ еще другая „пребывающая и паслѣдственная разность“ между опредѣленными группами населенія: „шляхетствомъ, гражданствомъ и подлостью“; несолько позднѣе Щербатовъ высказалъ тотъ же принципъ, требуя, „дабы всѣ сословія въ Россійской имперіи были между собою раздѣлены и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ правъ содѣствовало общему благо-

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ нѣть нужды подробно останавливаться на исторіи губныхъ и земскихъ учрежденій тѣмъ болѣе, что имъ посвящена была недавно статья г. Покровскаго; см. М. Покровский, Мѣстное самоуправление въ древней Руси въ Сб. о малой земской единице, т. I, изд. 2, стр. 186—239.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. I, № 203. П. С. З., т. II, № 890. А. И., т. V, № 83. С. Илліоновъ, Очерки по истории Смуты, Спб., 1899, стр. 558—561. Соборъ 1613 г. продолжать засѣдать и въ 1614-мъ, а можетъ быть и еще дольше. Черносошные крестьяне иногда называются „уѣздными людьми“; см., напр., А. Э., IV, № 250.

получю¹⁾). Впрочемъ, сословиую точку зрења можно было прими́нить не къ крестьянамъ вообще, а только къ отдельнымъ разрядамъ крестьянского населения, главнымъ образомъ къ крѣпостнымъ и государственнымъ крестьянамъ²⁾). Въ то время со-ставъ этихъ двухъ классовъ крестьянъ опредѣлился; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне, въ качествѣ „ревизскихъ душъ“ стали про-тивопоставаться „благороднымъ“ и каждый изъ основныхъ клас-совъ крестьянъ больше прежняго обособился отъ остальныхъ слоевъ населения: владѣльческие крестьяне, превращаясь почти въ полную собственность „вѣковыхъ ихъ владѣльцевъ“, тѣмъ са-мыми утрачивали прежнюю связь съ другими общественными группами, подвластными „прямому“ ихъ владѣтелю—всероссійскому самодержцу³⁾; государственные же крестьяне были отдѣлены отъ посадскихъ людей, съ которыми они до того времени смыши-вались въ поморскихъ уѣздахъ. Въ эпоху преобразованій, когда все населеніе призвано было служить государству, эти перемѣны въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ сравнительно еще мало замѣтились, но онѣ ясно обнаружились въ періодъ просвѣщеніаго абсолютизма и сословной монархіи; весь вредъ крѣпостного права, тогда уже окончательно сложившагося, становился тѣмъ болѣе чув-ствительнымъ, что иѣкоторые изъ лучшихъ людей того времени начинали указывать на его гибельныя послѣдствія и для общес-тва, и для государства; следовательно, удобнѣе всего обозрѣть исторію помѣщичьихъ крестьянъ изучаемаго періода въ эпоху пре-образованій въ связи съ ближайшими ея послѣдствіями и въ „вѣкъ просвѣщенія“. Придерживаться такого же дѣленія и въ обозрѣніи исторіи государственныхъ крестьянъ было бы, пожалуй, излишне: въ ней иѣть такихъ рѣзкихъ граний.

1. Помѣщичьи крестьяне.

Въ эпоху преобразованій исторія крестьянъ развивалась въ томъ же направленіи, какъ и въ предшествующемъ періодѣ. Правда, еще въ правлѣніе царевны Софии просвѣщенный кн. В. В. Голицынъ предполагалъ начать цѣлый рядъ затѣянныхъ имъ ре-формъ „освобожденіемъ крестьянъ и предоставлениемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ, съ пользою для царя, за еже-годный оброкъ“; но планъ князя, если таковой и былъ, дѣйстви-тельно, выработанъ имъ, во всякомъ случаѣ остался безъ исполненія.

¹⁾) В. Татищевъ, Напомиѳіе и проч. въ сборникѣ „Утро“ на 1859 г., стр. 384; „а иѣгдѣ, пишетъ авторъ, четвертое счисляютъ—духовенство“. С. Р. И. О., IV, 97, 109; ср. А. Лаппо-Данилевскій, Собрание и сводъ законовъ рос. имп., составленные въ царствование имп. Екатерины II, Спб., 1898 г. Отд. от., стр. 21—24.

²⁾) П. С. З., т. XVIII, № 12659, гл. XIX, ст. 13 и др.

Въ концѣ того же столѣтія, повидимому, была составлена „выписка, какимъ образомъ въ чужестранныхъ разныхъ государствахъ поступаютъ съ служителями и съ крѣпостными людьми“; но указанія на некоторые преимущества въ современномъ положеніи французскихъ, англійскихъ и голландскихъ крестьянъ также мало повліяли на политику Петра Великаго: онъ слишкомъ нуждался въ военныхъ и денежныхъ средствахъ для того, чтобы мѣнять начала общественнаго строя, установленныя московскимъ правительствомъ; напротивъ, опь поспѣшить воспользоваться ими и еще строже своихъ предшественниковъ постарался примѣнить правило, въ силу котораго все населеніе должно было служить государству. Такая политика, разумѣется, отозвалась и на судьбѣ сельскаго населенія; совѣты Просопикова не могли, конечно, измѣнить ея направленія: въ новомъ названіи, которое стали примѣпять къ владѣльческимъ крестьянамъ, уже можно замѣтить перемѣну, прописшедшую въ ихъ положеніи.

Въ XVIII-мъ вѣкѣ люди, подвластные своему господину, а въ томъ числѣ и владѣльческие крестьяне, часто посыпали одно общее наименованіе „крѣпостныхъ“. Въ то время такая терминология была скорѣе новостью, чѣмъ стариной. „Крѣпости“ въ качествѣ частныхъ актовъ, напримѣръ, письменыхъ, докладныхъ, данныхъ, купчихъ и т. п., давно уже отличали отъ офиціальныхъ документовъ общественнаго характера, въ родѣ писцовъ и переписныхъ книгъ; поэтому въ старину „крѣпостными людьми“, т. е. людьми, приобрѣтенными или владѣемыми по какимъ-либо „крѣпостямъ“, обыкновенно называли холоповъ, а не крестьянъ: Уложеніе въ одномъ случаѣ прямо противополагаетъ „крѣпостную дѣвку“ „дочери крестьянской“¹⁾). Тѣмъ не менѣе, сами крестьяне, уже въ одной жилецкой записи 1627 года и во многихъ порядныхъ 1628—1646 гг. иногда признавали себя „крѣпкими“ своимъ господамъ; дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ въ своей скажкѣ, поданной на соборъ 1642 года, предлагали государю, „кликатъ, кто похочеть въ Азовъ“, между прочимъ и „изъ черныхъ людей, окромъ крѣпостныхъ людей, холопей и крестьянъ... Уложеніе и послѣдующее законодательство допустило отдачу бѣглыхъ крестьянъ ихъ законнымъ владѣльцамъ „по крѣпостямъ“, а не только по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Всегда за тѣмъ, чтобъ о записѣ крестьянъ по „сдѣлочнымъ записямъ“ стали приниматься въ приказѣ холопьяго суда (1682 г.) при заключеніи крестьянскихъ крѣпостей такъ же, какъ и холопныхъ, стали взимать „поголовный“ пошлины

¹⁾ Уложеніе, X, 245—247, 250, 253; XX, 27, 29, 31, 32, 34, 79. П. С. З., т. I, № 304 (1664 г.); ср. К. Победоносцевъ, Ор. сіт., стр. 52.

(1688 г.), а отпускныя крестьянскимъ дѣтямъ, „взятымъ во дворъ“, вѣтѣно было выдавать изъ того же приказа холопьяго суда, изъ которого выдаватись и отпускныя дворовымъ, кабальнымъ и „полонинымъ“ людямъ (1690 г.). При такихъ условіяхъ легко было подвести подъ терминъ „крѣпостные“ и владѣльческихъ крестьянъ; новое значеніе термина указываетъ и на усиленіе частнаго характера прикрѣплениія.

Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время крестьяне, сидѣвшіе на владѣльческихъ земляхъ, уже вполнѣ превратились въ „крѣпостныхъ людей“ своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, въ положеніи владѣльческаго крестьяниня наканунѣ реформы было еще много противоположностей: онъ могъ имѣть своихъ крѣпостныхъ людей и вмѣстѣ съ тѣмъ становился крѣпостнымъ своего владѣльца, свободно распоряжавшагося имъ; онъ могъ искать и отвѣтчицъ за себя въ судѣ, и тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ подлежать вотчинному или помѣщицкому суду; онъ могъ имѣть свою собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывалася чутъ ли не полной собственностью своего господина: наконецъ, онъ могъ заключать договоры съ посторонними лицами и съ казною, а между тѣмъ имущество его не было обезпечено отъ барскаго произвола²⁾. Съ развитіемъ крѣпостного права большинство этихъ противоположностей стало стаживаться: крестьянинъ продолжалъ совершать разныя едѣлки, но можно думать, что онъ совершилъ ихъ въ зависимости отъ согласія или разрѣшенія владѣльца и до тѣхъ поръ, пока это было угодно постѣднему. Такая перемѣна произошла постепенно. Въ эпоху преобразованій ей въ особенности благопріятствовали мѣры, принятые правительствомъ при производствѣ ревизіи 1718—1727 гг.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя цѣлыій рядъ разновременныхъ указовъ повлиялъ на образованіе крѣпостнаго состоянія въ эпоху реформы, однако, составъ его опредѣлялся главнымъ образомъ благодаря ревизіи 1718—1727 гг. Записка „душни“ въ ревизскую сказку тоговремени имѣла гораздо болѣе важныя постѣдствія, чѣмъ простое привлеченіе лица, записаннаго въ нее, къ уплатѣ податей. Люди, запи-

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог., ч. III, № 113. Акты и пр., собр. М. Дьяконовыи, в. I, №№ 5, 7, 9, 10, 11 и др. П. С. З., т. II, № 946; т. III, №№ 1293 и 1383; т. XI, № 8836 и др. С. Р. И. О., XXXVI, 247 и 275. Терминъ: „подданные“ въ аналогичномъ примѣненіи къ крестьянамъ см., напримѣръ, въ указѣ 1740-го г.; тогда правительство заботилось о томъ, „чтобы подъ образомъ покупки подданныхъ Черкасъ въ продажъ казаковъ не имѣлось и черезъ то оные въ подданство приведены быть не могли“ (П. С. З., т. XI, № 8129). Ср. Св. Зак. о сост. 1832 г., кн. I, Розд. V, гл. 3 и др.

²⁾ Ср. выше стр. 70. Изъ одной граматы, помѣщенной въ А. от. до Ю. Б., т. I, № 55, LVI, видно, что помѣщикамъ иногда выгодно было предоставлять крестьянамъ „вѣдаться судомъ и расправою во всякихъ дѣлахъ“ у воеводы. *И. Кильевъ*, Ор. сіт., стр. 200—210.

санные въ ревизскую сказку за даннымъ владѣльцемъ, попадали въ крѣпостную зависимость отъ него: законъ иногда прямо выражалъ такую мысль, предоставляемъ помѣщику „владѣть“ записанными за нимъ людьми и даже „владѣть ими вѣчно“; и такое владѣніе, „признанное и развитое правительствомъ въ виду государственного интереса, поддерживалось всею силой государственной власти“. Наравнѣ съ холопами ему подпадали, конечно, и крестьяне, и иѣкоторые другіе разряды населенія, вообще люди, записанные за владѣльцемъ по поданной имъ ревизской сказкѣ; такимъ образомъ, не только старинные, но и вновь записанные за нимъ люди становились его крѣпостными. Слѣдуетъ замѣтить притомъ, что записка подобнаго рода производилась иногда помимо воли записываемаго: тотъ, кто во время не пріискалъ себѣ владѣльца, могъ быть записанъ за тѣмъ, кто пожелалъ бы принять его, или даже записывался за тѣмъ, на чьей землѣ или въ чьей вотчинѣ заставала его ревизія¹⁾.

Въ эпоху преобразованій смѣщеніе холоповъ съ крестьянами было окончательно признано закономъ, главнымъ образомъ, съ точки зренія тѣхъ временныхъ выгодъ, которыхъ оно могло доставить казнѣ. Постоянно нуждаясь въ людяхъ и деньгахъ, Петръ не только не могъ остановить процесса сліянія холоповъ съ крестьянами, уже весьма замѣтного въ предшествующемъ періодѣ, но воспользовался имъ для того, чтобы привлечь всѣхъ холоповъ наравнѣ съ крестьянами къ обложенію. Впрочемъ, онъ не сразу приступилъ къ такому результату. Въ его законодательствѣ обнаружился двойной рядъ колебаний: во-1-хъ, ему надлежало выяснить, принимать ли холоповъ на военную службу или записывать ихъ только въ подушный окладъ; во-2-хъ, ему пришлося решать вопросъ и о томъ, ограничиться ли запискою въ ревизскія сказки тѣхъ „людей“, которые уже были приняты во вниманіе шисцовымъ паказомъ 1684 г. (дѣловыхъ, задворныхъ и кабальныхъ), или записывать всѣхъ холоповъ и „людей“ безъ различія. Естественно, что до 1718 года, т. е. до того времени, когда на Атапдскихъ островахъ начались переговоры шведскихъ уполномоченныхъ съ русскими о будущемъ мирѣ, Петру нужны были военные силы: въ 1700 году онъ издалъ, напримѣръ, иѣсколько указовъ о пріемѣ бѣглыхъ холоповъ на военную службу; но уже въ 1711 году онъ различать дворовыхъ людей отъ остальныхъ: повелѣвъ продолжать набирать дворовыхъ холоповъ въ войско, въ даточные по третямъ, онъ запретилъ брать дѣловыхъ и задворныхъ людей, „которые платить всякихъ подати“. Съ этой точки зренія Петръ приступилъ и къ изданію указовъ о производствѣ ревизіи 1718-го и

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ, Op. cit., стр. 143, 145, 187—188.

стѣдующихъ годовъ: въ началѣ (ук. 1719 г. янв. 22) дѣловые люди, которые пахали на своихъ помѣщиковъ, но своей пашни не имѣли, заносились въ сказки особою статьею только „для вѣдома“; затѣмъ деревенскихъ холоповъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые пахали только на господина, тоже велѣно „класть въ расположение“; наконецъ, въ силу указа отъ 19 января 1728 года, ревизоры стали заносить въ сказки и класть въ подушный сборъ вообще „всѣхъ служащихъ, какъ крестьяни“¹⁾). Такимъ образомъ совершилось окончательное сглаживание между холопами и владѣльческими крестьянами въ податномъ отношеніи: теперь они направить съ послѣдними признавались налогопособными и вмѣсть съ ними поручались своимъ господамъ, которые отвѣчали за исправную уплату податей, падавшихъ на ихъ ревизскія души; такую отвѣтственность, повидимому, давно уже практиковавшуюся, теперь, послѣ слиянія холоповъ съ крестьянами, тѣмъ легче было перенести на ихъ владѣльцевъ. Съ только-что указанной точки зреянія правительству, цѣнившему сельское населеніе главнѣйшимъ образомъ лишь постольку, по скольку оно представляло изъ себя платежную силу, незачѣмъ было настаивать на различіи между холопами и крестьянами: ему даже выгодно было усилить надъ ними власть ихъ господъ, а подъ возраставшимъ давленіемъ ея крѣпостные едва ли почувствовали, что холопство уже отжило свой вѣкъ: его замѣнило суровое крѣпостное право, распространившееся и на прежнихъ „вольныхъ государственныхъ людей“.

Въ самомъ дѣлѣ, привлекая всѣхъ къ службѣ государству, преобразователь не могъ оставить безъ всякаго употребленія и силы „гулящихъ людей“, тѣмъ болѣе, что упраздненіе этого разряда населения связано было не только съ финансовыми, но и съ политическими соображеніями. Въ составъ вольныхъ, гулящихъ людей могли входить люди добровольно, а иногда за старостью и дряхлостью, отпущенныя на свободу господами, или слуги, кабальная зависимость которыхъ по закону прекращалась смертью ихъ господъ, или выходцы изъ плѣна, также получавшіе свободу по закону, въ случаѣ если они до того времени были рабами, или паконецъ разные люди, не записанные въ писцовые и переписные книги, и т. п. Въ то время положеніе человѣка вольного, ни за кѣмъ не записанного, и ни къ какому государственному тяглу не приписанного, было очень мало обеспечено: иногда онъ, „походя, кормился работою“; по большей части онъ или попадалъ въ

¹⁾ Въ писцовомъ наказѣ 1684 г. писцамъ велѣно также писать въ нѣкоторыхъ случаяхъ старинныхъ и крѣпостныхъ людей „особъ статьею“. П. С. З. т. IV, №№ 1747 и 1820 (указы 1700 г. февр. 1 и дек. 23); т. IV, № 2404; т. VI, №№ 3923, 3995, 4026; т. VII, №№ 4145 и 4390.

зависимость отъ новаго господина, или бродить по міру, или принимать участіе въ какой-нибудь разбойничьей шайкѣ. Вообще вольный человѣкъ вызывать одни только подозрѣнія правительства; оно называло людей вольныхъ „гулящими“ и позаботилось объ уничтоженіи этого разряда населения, „понеже отъ таковыхъ, кои шатаются безъ службъ, государственной пользы надѣяться не мочно, но токмо умножается воровство“. Такая точка зрѣнія уже обнаружилась, напримѣръ, въ одномъ указѣ 1700-го года, когда вольноотпущеныхъ, годныхъ въ военную службу, велѣло писать въ солдаты, а остальнымъ „давать изъ приказа холопья суда на кабальныхъ людей кабалы, а па крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ“. Впрочемъ, участіе вольныхъ людей была окончательно рѣшена только двадцать спустя: въ указѣ 1 июня 1722 года Петръ повторилъ то же предписаніе, касательно записки иѣкоторыхъ изъ нихъ въ солдаты, а относительно остальныхъ повелѣлъ, чтобы они сами явились къ переписи и чтобы „никто изъ нихъ въ гулящихъ не быть“, а каждый изъ нихъ „определѣлся бы въ другія службы или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службы не шатался“; „ежели же кто таковыхъ впредь поимаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу“. Такимъ образомъ, законъ попытался покончить съ разрядомъ вольныхъ государственныхъ людей; правда, имъ была предоставлена возможность приписываться и къ посадамъ, но, въ силу своего имущественного положенія, они едва ли могли воспользоваться даннымъ имъ преимуществомъ: на основанії указа 1722 года большинство гулящихъ людей должно было превратиться въ крѣпостныхъ. Само собою разумѣется, что въ дѣйствительности классъ гулящихъ людей нельзя было вполнѣ уничтожить, но правительство долгое время отказывалось признать законность его существованія, такъ какъ отождествляло вольныхъ людей съ гулящими, а гулящихъ съ беадѣльниками и ворами¹⁾.

Законодательное упраздненіе разряда вольныхъ государственныхъ людей повело къ иѣкоторымъ постѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ развитіи крѣпостного состоянія: послѣ указа 1722 г. кабальное холопство теряло всякий смыслъ. И дѣйствительно въ силу указа 26 марта 1729 г. кабальные люди, даже назначенныя, но не отосланные въ службу, записывались по требованію ихъ владѣльцевъ въ подушный окладъ за ними такъ же, какъ и дѣти кабальныхъ людей, что лишало ихъ возмож-

¹⁾ Отпусканыя въ прежнее время выдавались не только холопамъ, но и крестьянамъ: ср. Уложеніе, XV, 3; XX, 11, 14, 53; примѣры см. въ Актахъ и проч., собр. М. Дьяконовымя, в. I, № 24; в. II, №№ 46, 51, 67—69, 72, 73, 77, 86. П: С. З., т. IV, №№ 1747, 1997: т. VI, № 4023; ср. т. VII, № 4145.

ности законно выходить въ свободное состояніе по смерти своихъ господь. Вмѣсть съ тѣмъ производства судиаго и земскаго приказовъ о запискѣ отпускныхъ (насколько можно судить по известнымъ намъ даннымъ) мало-по-малу также прекращаются и появляется указъ о ссылкѣ гулящихъ людей, негодныхъ въ службу, въ случаѣ никто ихъ не приметъ, въ Сибирь на поселеніе (16 июля 1729 г.).

Нужда правительства въ плательщикахъ была настолько велика, что Петръ рѣшилъ подвергнуть закрѣпощенію и иѣ-котория другія группы населенія: въ пѣсколькихъ указахъ 1720—1723 гг. преобразователь велѣть помѣщикамъ включать въ свои сказки излишнихъ церковнослужителей, а дѣтейми прежде бывшихъ поповъ, дьякоповъ и причетниковъ властѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ; въ особо же расположенныхъ погостахъ такихъ людей приписывать къ прихожанамъ, къ кому они похотятъ.

Въ тоже время въ числѣ второстепенныхъ способовъ установленія крѣпостного состоянія стало опредѣляться и укрѣпленіе по воспитанію: въ указѣ отъ 23 октября 1723 года постановлено малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), не помпящихъ, „чыи они прежде сего были“, отдавать для воспитанія желающимъ „въ вѣчное владѣніе“ и писать отданыхъ за ними же въ подушный сборъ¹⁾.

Итакъ, благодаря вышеприведеннымъ указамъ, крѣпостная зависимость распространилась на иѣсколько новыхъ общественныхъ группахъ, до того времени свободныхъ отъ нея. Вмѣсть съ тѣмъ, и многіе законные способы выхода изъ крѣпостнаго состоянія прекратились²⁾. Правда, въ эпоху преобразованій были допущены еще иѣкотория исключенія; законъ того времени, напримѣръ, обѣщать крѣпостному свободу за справедливый

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3481 и 3492; т. VIII, №№ 5392 и 5441; ср. П. С. З., т. XIII, № 9977. (указъ 1752 г. апр. 29) Аналогичныя мѣтропріятія коснулись и дѣтей отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ пашенныхъ людей, если они родились не постѣ переписи, а также дѣтей бывшихъ на пашнѣ дѣловыхъ людей, малолѣтнихъ (ниже 10 лѣтъ), непомпящихъ родства, подкидышей и не-законнорожденныхъ; ср. П. С. З., т. VII, № 4335; ср. т. XII, № 8966, п. 4.

²⁾ По Уложенію холопъ, вышедший изъ плѣна, или сосланный господиномъ со двора „въ голодное или въ иное какое время“ (по распросѣ объ этомъ), а также иноземецъ, принадлежацій владѣльцу по христіанскаго закона и воспринявшій православную вѣру (нослѣдній—за окупъ въ 15 р.), получали свободу (Уложение, XX, 34, 41, 71; ср. П. С. З., т. VII, № 4556); тѣ же правила были распространены вообще на крѣпостныхъ; ср. еще Уложение, XIX, 38 и XX, 27. Отдача въ рекрутъ могла освободить человѣка отъ крѣпостной зависимости, при чёмъ женамъ солдатскимъ, въ бытность мужей на службѣ, дозволялось отходить отъ помѣщиковыхъ; но отдача въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ господина; см. К. Побѣдоносцевъ, Ор. сїт., 202—203; В. Самеевский, Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II. Изд. 2-е, т. I, стр. 386.

донось его на помѣщика въ пропускѣ душъ при ревизіи, а въ нѣко-
торыхъ случаихъ и при утайкѣ бѣглыхъ; крѣпостные люди
принимались и на военную службу, даже помимо воли ихъ господь,
что впрочемъ вскорѣ было разрѣшено только тѣмъ изъ нихъ, которые
не были „написаны въ деревняхъ на пашни“; наконецъ, правитель-
ство отказывалось возвращать крѣпостныхъ, бѣжавшихъ на заводы
(и фабрики), или дозволяло имъ оставаться тамъ, съ тѣмъ условіемъ,
чтобы они платили по прежнему оброки своимъ помѣщикамъ; но эти
мѣры имѣли исключительный и временный характеръ. Въ самомъ
дѣлѣ, на ряду съ такими исключеніями, правительство продолжало
строго преслѣдовать бѣглыхъ и даже наказывало ихъ кнутомъ
при отдаче; оно дошло до того, что одно время довело размѣры
зажилыхъ денегъ до 100 рублей и угрожало вотчинникамъ и
помѣщикамъ, пропустившимъ срокъ для возвращенія бѣглыхъ,
лишеніемъ имѣній, а тому, кто не подастъ сказки о находящихся
въ имѣніи бѣглыхъ людяхъ и крестьянахъ,—смертной казнью (ук.
1704 г.). Временный же характеръ вышеуказанныхъ мѣръ об-
наруживается изъ исторіи послѣдующаго законодательства: оно
обязало крѣпостного доносчика, получившаго свободу, въ теченіе
года пріискать себѣ новаго владѣльца, а, въ противномъ случаѣ,
отдавало его въ солдаты или прежнему господину; записка въ
вольницу людей, „желавшихъ отбыть отъ помѣщиковъ своихъ“,
также прекратилась; уже въ 1722 г. велѣно было „тѣхъ людей, кото-
рые въ поданныхъ сказкахъ о душахъ мужескаго пола написаны, въ
службу въ вольницу не принимать“, а въ силу указа отъ 20 сен-
тября 1727 года тоже запрещеніе было распространено и на „дво-
ровыхъ людей боярскихъ и на крестьянъ“, „не написанныхъ въ
подушномъ окладѣ“; впрочемъ, такія запрещенія имѣли мало
успѣха: правительству приходилось повторять ихъ и въ позднѣй-
шее время. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что дозвolenіе крѣп-
остнымъ оставаться на заводахъ едва ли существенно уменьшало ихъ
положеніе: вмѣстѣ съ приписными къ заводамъ и фабрикамъ,
они подвергались эксплоатациѣ и подчинялись власти ихъ вла-
дѣльцевъ, а съ развитіемъ дворянскихъ заводовъ и фабрикъ
врядъ-ли могли выбраться изъ-за того владѣльца, за которымъ
были записаны ¹⁾). Такимъ образомъ, новые способы выхода крѣ-

¹⁾ П. С. З., т. III, № 1623; т. IV, №№ 1980 и 2092; т. VI, №№ 3743 п. 6—7, 3754,
3923 п. 3995; т. VII, №№ 4963 и 5161. Докл. и Приг. Сената, IV, 176. При возвращеніи
бѣглыхъ могли возникать довольно сложные расчеты; см., наприм., П. С. З., т. VI,
№ 3939; о колебаніяхъ законодательства касательно прѣма бѣглыхъ и его причи-
нахъ см. И. Булгаковъ, Ор. сіт., стр. 183—189; о переводѣ и переселеніи крестьянъ въ
связи съ законодательствомъ, а также о ревизіяхъ см. В. Дэнъ, Населеніе Россіи по
пятой ревизіи, М., 1902 г., т. I, стр. 54—58, 85—96, 95—98. Указъ 1742 г. см. въ
П. С. З., т. XI, № 8577.

постныхъ изъ-за ихъ владѣльцевъ, допущенные Петромъ въ виду того же государственного интереса, изъ-за соблюденія котораго онъ содѣствовалъ образованію класса крѣпостныхъ, вскорѣ потерявъ значеніе: крѣпостное состояніе пріобрѣло болѣе замкнутый характеръ, чѣмъ прежде, и тѣмъ самыи владѣльческіе крестьяне еще болѣе обособились отъ остальныхъ слоевъ населенія.

Вообще можно сказать, что послѣдующее законодательство (до 1762 года) лишь развило тѣ начата касательно прикрѣпленія, которыя были положены въ основу ревизіи 1718—1727 гг. Только стремленіе прикрѣпить человѣка къ человѣку выразилось въ немъ сильнѣе, въ виду крайняго увлеченія мыслью о томъ, чтобы „ни одинъ безъ положеній въ окладѣ не остался“, и благодаря тѣсной связи, которая была установлена правительствомъ между такимъ „положеніемъ“ и закрѣпощеніемъ. Въ то время прежнія постановленія о холопахъ, гулящихъ людяхъ и церковникахъ, а также дѣтяхъ церковнослужителей и отставныхъ солдатахъ и дѣтяхъ ихъ, были подтверждены или развиты; тоже можно сказать и относительно плѣнныхъ и инородцевъ, включаемыхъ въ составъ крѣпостныхъ, а также пріемышей и незаконнорожденныхъ. Хотя, судя по иѣкоторымъ выраженіямъ, законъ и позволялъ такимъ людямъ пріискивать себѣ помѣщика по желанію ихъ и предполагалъ со стороны послѣдняго согласіе „взять“ ихъ, по онъ имѣстъ съ тѣмъ обязывать каждого изъ нихъ въ извѣстный срокъ найти себѣ помѣщика, а правительство въ иѣкоторыхъ случаяхъ считало „приписку ихъ безъ желанія“ правильной или даже, помимо подобнаго рода соображеній, запрещало принимать отъ записанныхъ показанія о томъ, что они записаны „въ неволю“¹⁾.

Вышеуказанный процессъ расширенія круга крѣпостныхъ отношеній, изъ котораго выходъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ, долженъ быть, конечно, повлиять и на развитіе помѣщичьей власти надъ крѣпостными: она стала распространяться на большее число людей, въ меньшей мѣрѣ способныхъ ускользнуть изъ-подъ ся давленія; послѣднее условіе, въ связи

¹⁾ П. С. З., т XIV, № 10233, п. 6 и др. Въ силу указа отъ 6 мая 1736 года, изданного во время или вскорѣ поѣтъ голода, бѣглыхъ крестьянъ велико было наказывать по волѣ ихъ начальниковъ (въ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ) или помѣщиковъ и ихъ повѣренныхъ (П. С. З., т. IX, № 6951); но этотъ указъ едва ли существенно облегчилъ положеніе бѣглыхъ: онъ только поставилъ ихъ въ большую зависимость отъ власти помѣщиковъ; ср. С. Соловьевъ, И. Р., V, 158: К. Побѣдоносцевъ, Op. cit., стр. 190—210; В. Семенскій, Op. cit., I, 616—619. Впрочемъ, инструкція 1743 г. предписала въ иѣкоторыхъ случаяхъ производить изслѣдованіе о принадлежности помѣщикамъ тѣхъ людей, которыхъ они объявили за собою въ первый разъ, но не могли представить на нихъ укрѣпленія; такихъ людей велико было „писать за тѣми, кому они по стѣствіямъ крѣпки найдутся“ (П. С. З., т. XI, № 8836, ст. 4).

съ иѣкоторыми другими обстоятельствами, содѣйствовало и усиленію ея, укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Преобразователь мало сдѣлалъ для того, чтобы обеспечить крѣпостныхъ отъ естественной склонности помѣщиковъ къ усиленію своей власти надъ ними: правда, онъ оставилъ за крестьянами право искать и отвѣтчиать въ судахъ отъ своего лица, а также запретилъ помѣщикамъ выставлять крестьянъ вмѣсто себя на судьи и подвергать ихъ правежу за господскіе долги; онъ попытался оградить проправоль владѣльцевъ относительно браковъ между крѣпостными и однажды рѣшилъ выскажаться противъ продажи ихъ въ розницу; но большую частью онъ ограничивался тѣмъ, что старался иѣсколько оградить и расширить хозяйственную дѣятельность крестьянъ, „отягощенныхъ податями“, и то преимущественно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла быть выгодной для казны. Такъ, онъ разрѣшилъ помѣщичьимъ крестьянамъ записываться въ посады подъ условіемъ уплаты обычного крестьянскаго оброка помѣщику, а также соотвѣтствующихъ по-латей въ казну за свое крестьянство и отбыванія тягла вмѣстѣ съ посадскими людьми; онъ оставилъ за крестьянами возможность вступать въ разнаго рода имущественные обязательства. Въ виду главнымъ образомъ государственного интереса, онъ также требовалъ, чтобы владѣльцы, подъ опасеніемъ денежнаго „штрафа“ кормили своихъ старыхъ и увѣчныхъ людей и крестьянъ, „сбирая на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей тѣхъ селъ и деревень“ и заставляя ихъ за то прокормление работать на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повелѣлъ отдавать имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ и запустошившихъ свои земли въ завѣдываніе ихъ сродникамъ и свойственникамъ, а „которые не исправятся, и тѣхъ послать подъ начальство до исправленія“ ¹⁾). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что важнѣйшія изъ этихъ мѣръ едва ли получили надлежащее осуществленіе: въ позднѣйшее время само правительство указывало на то, что помѣщики выгоняютъ своихъ старыхъ и дряхлыхъ крѣпостныхъ и что законъ объ отдаче „мучителей своихъ крестьянъ подъ смотрѣніе опекуповъ остался безъ дѣйствія“ ²⁾). Остальная же мѣры еще очень мало обеспечивали крестьянъ отъ стремленія по-

¹⁾ П. С. З., т. V, №№ 3212, 3294, п. 31 и 3213; т. VI, №№ 3949, 3963, п. 15 и 4047, п. 31; ср. т. VII, №№ 4168 и 4406; повторенія запрещеній относительно вынужденныхъ браковъ между крѣпостными (П. С. З., т. XI, № 8555, 1742 г. мая 21 и др.) показываютъ, что они имѣли мало успѣха.—Ул., XX, 43. П. С. З., т. III, №№ 1666, 1723 и 1775; т. V, №№ 2770 и 3294; т. VI, № 3770; т. VII, №№ 4312 и 4432. Докл. и Приг. Сената, IV, 65—67, 91—92; V, 17—18, 74—77, 430—431, 826, 1219. Ср. К. Побѣдоносцевъ, Акты и пр., стр. 220—224, 284 и Ор. сіт. стр. 150—156.

²⁾ П. С. З., т. XXI, № 15803. Имп. Екатерина II, Наказъ, ст. 256. Ср., впрочемъ, В. Татищевъ, Ор. сіт., Врем., XII, 22.

мѣщиковъ произвольно расширить объемъ своей власти надъ ними; ни природа, ни границы ея не были опредѣлены въ законѣ; такимъ образомъ, развитіе ея въ значительной степени зависѣло отъ самихъ помѣщиковъ.

Въ то же время землевладѣльцы все чаще начинали высказывать взглѣдъ на своихъ крѣпостныхъ, какъ па припадлежащую имъ рабочую силу; правда, и въ XVII вѣкѣ они уже заботились иногда о томъ, чтобы крестьяне ихъ „не гуляли даромъ“, но едва ли съ той сухой разсудительностью и строгой послѣдовательностью, которая обнаруживается въ инструкціяхъ по вотчинному управлению, сочиненныхъ младшими современниками реформы. Татищевъ, одинъ изъ образованныйшихъ людей своего времени, въ своихъ экономическихъ запискахъ, совѣтуетъ, напримѣръ, „всего вящіе смотрѣть дабы лѣтомъ во время работы [на помѣщика] ни малой лѣноты и дальнего покою крестьянамъ происходить не могло, кроме праздниковъ, которые точно положены и освобождены отъ работы“: но и по окончаніи работы на помѣщика, должно „принуждать крестьянъ [дѣлать] свою, а не давать имъ то на волю“. Хотя сочинитель экономическихъ записокъ заботится о томъ, чтобы лѣтнія работы производились вечеромъ, почью и утромъ, а не днемъ, въ самое жаркое время, но, предоставляемъ крестьянамъ „въ самый жаръ, отъ десятаго до четвертаго часу пополудни имѣть свободу“, онъ тутъ же рекомендуется „и всякой скоть на жаръ не пускать, а имѣть въ хлѣвахъ“. Съ такой точки зрѣнія па крестьянинъ хозяйственное положеніе его зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика: онъ могъ взять крестьянина къ себѣ во дворъ, т. е. въ дворовые или оставить его на пашнѣ, смотря по нуждѣ; онъ иногда считалъ возможнымъ наказать плохого хозяина-крестьянина лишениемъ его своего дома и отдачею его другому въ батраки безъ заплаты, „а его“, лѣнивца, „совѣтовать имѣть работникомъ, пока онъ заслужить хорошую похвалу“; онъ приказывалъ „женить его неволею“ въ виду хозяйственного или иного какого либо расчета; онъ могъ посадить его на барщницу или наложить на него оброкъ, причемъ продолжалъ требовать съ него и „мелкій доходъ“. Насколько увеличились такие платежи, видно изъ роста денежнаго оброка: въ 1724 году по правительственной оцѣнкѣ онъ доходилъ до 40 коп. съ души, а въ 1760 году сенатъ принялъ къ заключенію, что въ то время помѣщики почти никогда не получали меныше 1 руб. съ души, причемъ сами помѣщики напримѣръ Татищевъ полагали, что каждое тягло (т. е. мужъ съ женою) будетъ въ состояніи заплатить „безъ тягости“ всего на всѣго до 10 рублей¹⁾. Съ той же точки зрѣнія па крѣпост-

¹⁾ Положеніе издѣльныхъ и оброчныхъ крестьянъ того времени присоединяютъ письма къ А. И. Безобразову отъ разныхъ лицъ, около 1680—81 гг. (Врем. М. О. И. и Д.,

пого какъ на рабочую силу, помѣщикъ менѣе разсудительный, чѣмъ известный писатель и публицистъ, или болѣе его нуждавшійся въ средствахъ, могъ обратиться къ лицѣмъ не сдержанной эксплоатациіи своихъ „подданныхъ“. По свидѣтельству Посошкова, „помѣщики па крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобопосимыя; ибо есть такие безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать: и тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потерпаютъ у нихъ; или, что положено па ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ пищету пригоняютъ; и который крестьянинъ стацетъ мало посытѣ быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ. И многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обности, но стриги его, яко овцу, до гола“... Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда выгоднѣе было продать своего крѣпостного, помѣщикъ принимался торговаться людьми; проданные или поиадали въ такую же „неволю“ къ новому господину, или въ рекрутъ; отдача въ паемъ людей въ рекрутъ, вѣроятно, вскорѣ смѣнилась продажею ихъ, производившейся въ разбивку, преимущественно мелкими владѣльцами и лишавшими крестьянскую семью лучшихъ ся силъ. А противъ „тѣнивцовъ“ или строптивыхъ крѣпостныхъ они могли прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ или къ жестокой расправѣ, на которую трудно было жаловаться: когда въ 1762 году, напримѣръ, возникло дѣло о смерти дворового человѣка, умершаго отъ побоевъ и истязанія, причиненныхъ господиномъ, то юстицъ-коллегія уклонилась отъ приговора на томъ основаніи, что не имѣла па этотъ случай точныхъ указовъ¹⁾). Само собою разумѣется, что безконтрольная помѣщичья власть не всегда доходила до такихъ крайностей, вынуждавшихъ усиленные побѣги крестьянъ или ихъ волиенія; но отдѣльные случаи злоупотреблений помѣщиковъ могли имѣть мѣсто и, вѣроятно, возникали чаще прежняго²⁾.

IX, 52—61; XVII, 8—9) и приказы кн. П. М. Долгорукова 1700, 1701, 1704 и 1705 гг. (*И. Быллесъ*, Ор. сіт., стр. 219—234). *В. Тамишевъ*, Краткія экономическія записки въ Врем. Моск. Общ. Ист. и др., т. XII, смѣсь, стр. 12—30; см. еще *А. Волынскій*, Инструкція дворецкому Нѣмчинову въ Москвитянинѣ 1854 г., №№ 1—2; *П. Бессиужесъ-Рюминъ*, Инструкція пошехонской вотчины прикащику до 1744 года въ Рус. Арх. 1904 г., № 1. *П. И. Ивановъ*, Ор. сіт. въ Др., т. I в. 3, стр. 522. Ср. С. Р. И. О., XXXVI, 264, 265—266 и П. С. З., т. VI, № 4069.

¹⁾ *И. Посошковъ*, Соч., I, 182—183. П. С. З., т. XV, № 11450; ср. Уложение, XX, 92.

²⁾ Бѣглые крестьяне, принимаемые помѣщиками, при требованіи возвратить ихъ, иногда обирались своими новыми владѣльцами, а вслѣдъ за тѣмъ выгонялись ими вонъ изъ имѣнія; см. П. С. З., т. VI, № 3939, п. 13 (1722 г.), а

Въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ законъ даже благопріятствовалъ развитію помѣщичьей власти. При производствѣ ревизіи 1718—1727 гг., напримѣръ, самимъ помѣщикамъ вѣлько было писать въ сказки „всѣхъ своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были“ и по сказкѣ владѣльца ихъ стали включать въ перепись; такъ какъ всѣ „деревенскіе“ жители должны были записаться за какимъ иибудь владѣльцемъ, то теперь можно было легче, чѣмъ когда бы то ии было раньше, записать за собою вольнаго человѣка, помимо его желанія и даже вопреки его волѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя записанный и могъ предъявлять иску обѣ утраченной имъ свободѣ, но если судебнѣе мѣсто признавало иску его неправильнымъ, то человѣтчику грозила строгая кара: въ иѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, напримѣръ, его, въ качествѣ осудушки, подвергали тѣлесному наказанію за свое всѣльство, а позднѣйшее законодательство даже постановило, что всѣ люди, въ теченіе первыхъ двухъ ревизій записанные въ крѣпостное владѣніе, лишаются права доказывать незаконность записи¹⁾. Даѣще, возлагая отвѣтственность за илатежную неправильность крѣпостныхъ на ихъ владѣльцевъ (1722 г.), законъ поставилъ въ самую тѣсную зависимость отъ ихъ разрѣшенія временнаго отлучки подвластныхъ имъ людей; въ силу плаката 1724 года, помѣщики могли отпускать своихъ крестьянъ не иначе, какъ съ письменнымъ видомъ, даннымъ на срокъ. Задолго до появленія извѣстнаго плаката и другія права крестьянъ уже стали стѣсняться: въ 1707 году запрещено было отдавать имъ таможенные и питейные сборы на откупъ, а вѣлько затѣмъ законъ потребовалъ, чтобы крестьянинъ, желающійѣхатъ въ городъ для подрядовъ, занасался свидѣтельствомъ за подписью помѣщика или его дворецкаго или стряичаго о своемъ достаткѣ (1724²⁾). Наконецъ, указомъ 1717 года было постановлено, что всѣмъ повольно нанимать людей въ рекрутъ, а въ 1720 году разрѣшено вмѣсто сибирской губерніи служилыхъ людей всякихъ чиновъ и дѣтей ихъ, впрочемъ, кромѣ шляхетства, принимать и купленныхъ людей въ рекрутъ; законъ, стѣдовательно, дозволилъ, хотя и въ ограниченномъ еще размѣрѣ, ту торговлю людьми, которая окончательно была предоставлена помѣщикамъ указомъ отъ 4 декабря 1747 года³⁾. Такимъ обра-

также *К. Побѣдоносцевъ*, Ор. сіт., стр. 100—101. Извѣстія о крестьянскихъ воленіяхъ см., напримѣръ, въ Докл. и Приг. Сената, IV, 227.

¹⁾ П. С. З., т. XII, №№ 8941, 8966; т. XIII, № 9781; т. XIV, № 10238, п. 5.

²⁾ П. С. З., т. VI, №№ 3939, п. 4; здѣсь уже встрѣчается подобного рода предписаніе; плакать 1724 см. въ П. С. З., т. VII, № 4533, пп. 12, 13 и 14; при отлучкѣ па разстояніе болѣе 30 верстъ или въ другой уѣздѣ требовались еще подписи земскаго комиссара и полковника. П. С. З., т. IV, № 2165; т. VII, № 4432.

³⁾ П. С. З., т. V, № 3135; т. VI, № 3609; ср. т. XII, № 9456.

зомъ, уже въ эпоху преобразованій самъ законъ давать нѣкоторыя права помѣщикамъ на ихъ крѣпостныхъ и прямо содѣйствовать развитію ихъ власти тѣмъ болѣе, что оставилъ границы ея безъ опредѣленія. Та же обязанность помѣщика вносить подушная деньги за своихъ крестьянъ должна была отсторонить послѣднихъ отъ непосредственныхъ спонсий съ мѣстной администрацией; представляя нѣкоторыя выгоды, такой порядокъ усиливать, однако, зависимость крѣпостныхъ отъ владѣльцевъ и, вѣроятно, давать имъ поводъ къ новымъ злоупотребленіямъ относительно крестьянскаго имущества¹⁾.

Законодательная политика Петра подготовила кромѣ того нѣкоторыя изъ условій, благопріятствовавшихъ послѣдующему развитію сословныхъ привилегій дворянства, и такимъ образомъ косвенно повлияла па тотъ же процессъ развитія крѣпостного права. Въ связи съ военною реформой измѣнилась и система вознагражденія служилымъ людямъ за ихъ службу: вмѣсто помѣстныхъ окладовъ, они стали получать постоянное депежное жалованье, опредѣленное новыми штатами; но помѣстная земли остались у прежнихъ ихъ владѣльцевъ, обязанныхъ личною службою. Слѣдніе вотчинъ съ помѣстьями, фактически уже начавшее въ предшествующемъ періодѣ, было призвано въ извѣстномъ указѣ 23 марта 1714 года: вотчины и помѣстья (а также дворы и лавки) были подведены съ того времени подъ одно общее понятіе „недвижимаго“; однаковыя права на вотчинныя и помѣстныя земли, впрочемъ ограниченныя соблюденіемъ пунктовъ о единонастѣдіи, были предоставлены владѣльцамъ. Указъ 1714-го года былъ изданъ преимущественно въ виду „государственнаго интереса“; но съ отмѣною пунктовъ о единонастѣдіи, законъ 1731 года окончательно установилъ „какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать равно одно недвижимое имѣніе, вотчина“; владѣльца же ея стали называть помѣщикомъ²⁾. Вмѣсть съ тѣмъ и крѣпостные, жившіе въ „деревняхъ“, которая принад-

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 3901. [Ген.-апш. кн. А.?] Голицынъ, сторонникъ мысли о предоставлениіи крестьянамъ права на движимую собственность, писать, однако, въ своемъ проектѣ, вѣроятно, составленномъ въ 1760-хъ годахъ: „но какъ для бездомочнаго сбора государственныхъ податей, оное не иначе быть можетъ какъ на отвѣтъ помѣщичьемъ, то въ таковомъ случаѣ властель помѣщикъ изъ собственнаго крестьянскаго взять столько, сколько потребно для заплаты податей, что и въ исправномъ платежѣ помѣщичья оброка учинить право имѣеть“.

²⁾ П. С. З., т. V, № 2789. „Пункты, читаемъ мы въ высочайше утвержденіемъ докладъ г.-кв. кн. Вяземскаго отъ 26 апр. 1764 г., хотя и отставлены, но въ одномъ только первенствѣ, а въ прочемъ во всемъ имѣютъ свою силу“ (П. С. З., т. XVI, № 12140); указъ 1731 г. въ П. С. З., т. VIII, № 5717. „Помѣстныя дачи окончательно прекращены указомъ 21 марта 1736 г.“ (Л. Победоносцевъ, Ор. cit. стр. 219—220).

лежали шляхетству, становились въ болѣе зависимое положеніе отъ дворянъ, какъ собственниковъ той земли, на которой они жили. Владѣлецъ населеннаго имѣнія уже смотрѣлъ на него какъ на собственность, владѣемую имъ пе подъ условіемъ службы, а независимо отъ нея, хотя бы онъ все еще оставался обязаннымъ лично служить государству; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ готовъ признать и жившихъ на его собственной землѣ крестьянъ своимъ имуществомъ. Образованіе дворянской недвижимой собственности имѣло, кромѣ того, важное значеніе и въ послѣдующемъ развитіи исключительного права дворянъ владѣть имѣніями, населенными крестьянами. Въ позднѣйшихъ указахъ, встрѣчаются ссылки на указъ отъ 1 Февраля 1721 года для доказательства того, что посадскими, а также боярскими людьми и монастырскими слугами деревни имѣть и людей и крестьянъ покупать запрещено, а отсюда внослѣдствіи легко было вывести, что такія права принадлежать однѣмъ „благороднымъ“. Въ то же время дворяне были освобождены и отъ личныхъ податей: въ силу указа 1721 г., вѣдѣно было не записывать дворянъ въ ревизскія сказки; между крѣпостными и дворяниномъ, записываемымъ только въ герольдмейстерскіе списки, установилась разница въ податномъ отношеніи: крѣпостной платить подушную подать, а дворянинъ только отвѣчать передъ правительствомъ въ исправности ея уплаты. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что между ними уже начинала чувствоватьсь и сословная рознь; она между прочимъ отразилась въ официальной терминологіи: людей „подыхъ“ начали противополагать „благороднымъ“; послѣдніе, благодаря реформѣ, стали отличаться отъ своихъ подданныхъ вѣнѣніемъ обличкомъ, а иногда и сословными тенденціями, слагавшимися у нихъ подъ влияніемъ знакомства съ аналогичными явленіями въ жизни западноевропейскихъ обществъ¹⁾.

Вышеуказанныя обстоятельства должны были, конечно, съ теченіемъ времени способствовать развитію сословныхъ приви-

¹⁾ П. С. З., т. VI, №№ 3802, 3969; т. XII, 9627. Впрочемъ, реформа содѣйствовала и развитію потребности въ просвѣщеніи. Волынскій заботился о томъ, чтобы въ его деревняхъ было по вѣсѣлько человѣкъ, умѣющихъ грамотѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы иметь „своихъ писцовъ“ (А. Волынскій, Инструкція и пр. 1724 г. въ Москвит. 1854, № 1, стр. 12). Татищевъ рекомендуетъ „крестьянскихъ ребятъ учить грамотѣ и писать... и всевозможными силами къ тому пхъ припуждать“ (В. Татищевъ, Ор. сіт., Врем., XII, 18). Бестужевъ-Рюминъ въ своей инструкціи, составленной до 1744-го года, считаетъ нужнымъ припуждать крестьянъ учить своихъ дѣтей грамотѣ, а за ученье велитъ „платить (имъ) изъ оброчныхъ денегъ или отцу зачитать за оброкъ“ (П. Бестужевъ-Рюминъ, Инструкція въ Рус. Арх., 1904, № 1, стр. 34); по помѣщиковъ, которые дѣйствительно осуществляли бы такие планы, все еще было очень мало, даже въ позднѣйшее время; см. В. Семенскій, Ор. сіт., I, 276—288.

легій дворянства; но въ эпоху преобразованій онъ далеко еще не сложились и не могли въ полной мѣрѣ оказать влияніе на характеръ помѣщичьей власти. Такъ какъ крѣпостные давно уже были оторваны отъ земли, то и владѣніе ими безъ земли, вопреки вышеприведенной ссылкѣ, становилось возможнымъ, за весьма малочисленными исключеніями, тому, кто платить за нихъ подушную подать; да и законодательство стало решительно ограничивать право владѣть крѣпостными лишь въ позднѣйшее время (ср. указъ 1746 г.). Въ началѣ XVIII-го вѣка бывали даже случаи, когда крѣпостной владѣть крѣпостнымъ; еще въ 1766-мъ году сенатъ насчитывалъ за людьми разныхъ чиновъ, которые не имѣли деревень и которымъ указами имѣть крѣпостныхъ людей не запрещено, до 9944 душъ, а за купечествомъ—дворовыхъ людей 3036 человѣкъ, вѣроятно, записанныхъ за нимъ до 1746-го года. Кроме того, нельзя говорить о сословныхъ привилегіяхъ дворянства въ эпоху преобразованій, такъ какъ постѣднѣе наравнѣ съ остальными населеніемъ обязаюло служить государству и при томъ служило ему лично, на военной и гражданской службѣ и начинавшая съ самыхъ низшихъ степеней ея: преобразователь отождествляя понятіе благородства съ попытками службы государству и образованіемъ, нужнымъ для службы, а за уклоненіе отъ него грозилъ дворянамъ конфискаціей имѣній и другими наказаніями¹⁾.

Противоположность между безправнымъ положеніемъ крѣпостныхъ и привилегіями дворянства обозначилась только въ переходное время, наступившее послѣ эпохи преобразованій, когда высшій слой служилаго дворянства стало оказывать существенное влияніе на законодательную политику. Съ развитіемъ взгляда на крѣпостныхъ, какъ на частную собственность ихъ владѣльцевъ, многія права, которыми крѣпостные фактически продолжали еще пользоваться, были отмѣнены, а власть помѣщиковъ—расширена самимъ закономъ; тогда же сложились и сословная привилегія дворянства.

Въ то время крестьяне лишились права свободно отправляться „для работы на суда“ безъ помѣщичьяго пропуска (1726 г.), приобрѣтать недвижимыя имѣнія (1730 г.), заводить фабрики (суконныя, 1734 г.), вступать (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ) въ откупы и подряды (1731 г.), наконецъ обязываться векселями и принимать на себя поручительства безъ дозволенія владѣльцевъ (1761 г.)²⁾. Одновременно воз-

¹⁾ А. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи и пр., Спб. 1870, стр. 115—152.

²⁾ П. С. З., т. VII № 4942; т. VIII, №№ 5633, 5789, п. 22, ст. 2: „крестьянъ ни въ откупы, ни въ подряды не допускать, кроме найму подводъ и судовъ и какихъ либо работъ“; т. IX, № 6551; т. XIV, № 10237, гл. 30, п. 5; т. XV № 11204.

росла и власть помѣщиковъ надъ крѣпостными: въ 1747 году законъ разрѣшилъ помѣщикамъ продавать своихъ дворовыхъ и крестьянъ, кому угодно, для отдачи въ рекрутъ, съ обязательствомъ платить подушныя деньги за проданныхъ; подтвердивъ старинное правило, что судь въ взаимныхъ спорахъ и искахъ крѣпостныхъ людей между собою принадлежитъ ихъ владѣльцамъ, законъ предоставилъ имъ въ 1760 году право „по желанію“ ссылать дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь на поселеніе; впрочемъ, указъ 1760 года имѣть въ виду колонизационныя цѣли и относился только къ тѣмъ случаяхъ, когда ссылаемый оказывался годенъ къ крестьянской и другой работѣ и былъ не старѣе 45 лѣтъ; правительство обѣщало даже зачитывать такихъ ссыльныхъ въ рекрутъ¹⁾. Хотя въ то же время правительство опредѣляло обязанности помѣщиковъ, но только тѣ изъ нихъ, которыхъ имѣли прямое отношеніе къ „государственному интересу“, понимаемому въ довольно узкомъ смыслѣ слова. Въ отдѣльныхъ „нужныхъ случаяхъ“, напримѣръ, оно принимало во вниманіе обычай, въ силу которого помѣщикъ долженъ быть содержать своихъ людей и крестьянъ, и настаивало на соблюденіи его, когда подучало извѣстія о его нарушеніи; осудившікамъ такихъ предписаній оно даже грозило строгимъ наказаніемъ; по мотивируя свои указы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что бы крестьяне, лишенные пропитанія, не „шатались“ и не просили милостыни и рекомендую владѣльцамъ „отнюдь не пускать“ ихъ „шататься“, оно вмѣстѣ съ тѣмъ предписывало жестоко наказывать тѣхъ крестьянъ, которые будутъ въ состояніи пропитаться, а „промышлять того сами не будуть“²⁾. Правительство также требовало, чтобы помѣщики имѣли „надлежащее смотрѣніе за своими людьми“, что видно изъ сепатскаго рѣшенія дѣла Быкова, владѣлеца котораго было наказанъ „за содержаніе его въ своеольствѣ“³⁾. Главная обязанность помѣщика состояла, однако, по прежнему въ отправлении финансовыхъ функций; общія правила обѣ этой обязанности нашли себѣ мѣсто и въ законѣ. Такъ какъ указъ 1722 года нарушался самою же мѣстной администрацией, то въ регламентѣ камеръ-коллегіи, напримѣръ, было постановлено, чтобы помѣщики или, за отсутствіемъ ихъ, прикащики и ста-росты платили подушныя деньги за крестьянъ, причемъ если

¹⁾ П. С. З., т. VIII № 5333 (наказъ губернаторамъ 1728 г., ст. 13); т. X, № 7339, п. 14; т. XII, № 9456; т. XV, № 11166; поселенцевъ, если они были женаты, вѣтъно было отправлять съ женами; помѣщикъ могъ по желанію „отдать“ вмѣстѣ съ родителями и детьми, за что получали денежное вознагражденіе.

²⁾ П. С. З., т. IX, №№ 6570, 6653, 6682; т. XIII, №№ 9709 и 9992; т. XV, № 11203.

³⁾ П. С. З., т. IX, № 6951; т. XV, № 10832 (1758 г., мая 2).

„крестьяне прикащикоў и старость слушать не будуть, въ томъ имъ вспомогать по ихъ требованію“; въ тѣхъ же случаяхъ, когда подати своевременно уплачены не будутъ, предписывалось „править ихъ съ помѣщиковъ, а гдѣ помѣщиковъ нѣть, па прикащикахъ и старостахъ обще и ихъ попуждать, чтобы они сбирали съ крестьянъ“. Еще позднѣе помѣщики были освобождены даже отъ наказанія за недонимки своихъ крестьянъ; за ними осталась только обязанность сбирать подати съ своихъ подданныхъ, а наказанію за недонимки подлежали одни прикащикоў, старости и выборные. Такимъ образомъ, главнѣйшее отношеніе, въ которомъ крѣпостные стояли къ государству, переносилось на помѣщика: онъ почти окончательно заслонилъ своихъ людей и крестьянъ отъ государства; послѣднее дѣйствовало только透过 его посредство. Съ такой точки зрѣнія можно было исключить крестьянъ (папенныхъ) изъ вѣрионодданнической присяги, къ которой всякаго чина люди были приведены въ силу указа 25 ноября 1741 года ¹⁾.

Наконецъ, въ то же время стали складываться и составные привилегіи дворянства, поставившіе его въ исключительно выгодное положеніе относительно крѣпостныхъ. Уже въ 1739 году было постановлено: „за кѣмъ деревень нѣть, за тѣми ни за кѣмъ въ подушный окладъ никого не писать“; но такая записка была равносильна отдать въ крѣпость; значитъ, отсюда можно было вывести, что одни землевладѣльцы имѣютъ право пріобрѣтать крѣпостныхъ крестьянъ. Между тѣмъ право владѣть деревнями стало превращаться въ составную привилегію дворянства, чѣмъ и объясняется рядъ попытокъ пріурочить владѣніе имѣній, населенныхъ крѣпостными, къ одному дворянству. Всегда за запрещеніемъ дворовымъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ вообще пріобрѣтать недвижимая имѣнія (25 октября 1730 г.), уже указомъ 14 марта 1746 года постановлено запретить только-что поименованнымъ разрядамъ населенія, а также купечеству, казакамъ, ямщикамъ и разнымъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, покупать людей и крестьянъ съ землями. Тотъ же принципъ проводится въ межевой инструкціи 1754 года ²⁾; она запрещаетъ крестьянамъ государственнымъ и помѣщичиимъ, купцамъ, приказнымъ служителямъ не шляхетскаго происхожденія и нижнимъ чинамъ не оберъ-офицерскаго ранга владѣть землями вообще и въ частности землями, населенными кресть-

¹⁾ П. С. З., т. VIII № 5799, п. 6; т. XI № 8474; т. XV, № 11429.

²⁾ П. С. З., т. XII, № 9267; тутъ же упомянуты архіерейскіе слуги и „дѣти боярскіе“; но вместо послѣдняго термина ниже стоятъ: „люди боярскіе“: т. XIV, № 10237; тоже запрещеніе распространено и на женъ ихъ, но впослѣдствіи оно было ограничено въ жалованной грамотѣ 1785 г. (§ 7); т. XV, №№ 10746 и № 10855.

янами. Наконецъ, вслѣдствіе приведеннаго постановленія въ 1758 году было повѣтѣно людямъ, „паходящимся въ военной и иныхъ службахъ, кои въ службу вступили не изъ шляхетства, но изъ посаженныхъ въ подушный окладъ и другихъ званий, а оберъ-офицерскихъ ранговъ не имѣютъ“, продать свои имѣнія (значить и имѣнія, населенные крѣпостными) въ полугодичный срокъ. Впрочемъ, въ пользу „купецкихъ людей“ было сделано одно исключение, которое оставалось въ силѣ и послѣ 1746 года: еще въ 1721 году имъ было разрѣшено покупать деревни къ заводамъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы постыднія „всегда были уже при тѣхъ заводахъ“; указъ 1721 года, противорѣчіемъ новой сословной точки зрѣнія, утратилъ, однако, значеніе съ того времени, когда, въ 1762 году, „всѣмъ заводчикамъ и фабриканамъ“ было запрещено („пока новое уложеніе конфирмовано не будетъ“) покупать деревни съ землею и безъ земли къ своимъ заводамъ и фабрикамъ.—Подобныя же ограниченія, но съ болѣшими колебаніями, были сделаны и относительно владѣнія крѣпостными безъ земли. Само собою разумѣется, что „подные“ люди фактически продолжали во многихъ случаяхъ владѣть крѣпостными, особенно дворовыми. При производствѣ первой ревизіи, дворовые люди посадскихъ и мастеровыхъ были записаны за ними: въ 1746 году сенатъ постановилъ записать тѣхъ людей за ними же. Въ иѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, относительно „владѣнія“ приемщиками) правительство также допускало исключенія въ пользу людей не шляхетскаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе указы 25 октября 1730 года и 14 марта 1746 года, уже приведенные выше, относились и къ покупкѣ людей и крестьянъ безъ земли; тотъ же принципъ примѣненъ и въ одномъ указѣ 1758 года, воспретившемъ приказносудителямъ покупать крѣпостныхъ безъ земли. Такая политика, вѣроятно, отразилась на положеніи крѣпостныхъ: по мѣрѣ развитія исключительнаго права дворянства владѣть населенными землями и покупать крѣпостныхъ, суживался и тотъ кругъ владѣльцевъ, изъ числа которыхъ можно было выбирать себѣ господина; а власть дворянца-помѣщика, естественно, должна была увеличиться, такъ какъ все въ меньшей мѣрѣ считались въ приемъ свободныхъ людей въ крѣпость съ конкуренціей владѣльцевъ не шляхетскаго происхожденія. Между тѣмъ положеніе крѣпостныхъ у такихъ владѣльцевъ по закону было иѣсколько иное, чѣмъ у дворянъ: въ силу указа отъ 13 декабря 1725 года, напримѣръ, „купеческимъ крѣпостнымъ людямъ велико было судомъ и расправою быть вѣдомымъ, какъ и самимъ купцамъ, въ главномъ магистратѣ“; нельзѧ указать соответствующихъ узаконеній касательно дворянскихъ крѣпостныхъ людей: за исключеніемъ важнѣнѣнѣхъ уголовныхъ преступленій

всѣ остальные¹⁾). Это ухудшеніе въ ихъ участіи произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда крѣпостниковъ на своихъ подданныхъ, и болѣе суровыхъ проявленій помѣщичьей власти; такой взглядъ, разумѣется, не всякий помѣщикомъ признавался и не всегда приводилъ къ дѣйствительному ухудшенню въ положеніи крестьянъ: по принужденію и безправное положеніе крѣпостныхъ благопріятствовало его развитію и вносило допускало возможность его примѣненія на практикѣ, что уже сознавали и современники²⁾.

Съ того времени, когда помѣщики-дворяне начали приобрѣтать вицѣній лоскъ европейской цивилизациіи и проникаться сословными интересами, къ прежнему взгляду ихъ на крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу, кажется, стала присоединяться новый оттенокъ. Теперь „благородные“ гордились своей „паружностью“, знаніемъ французского языка, а иѣкоторые и кое-какимъ образованіемъ, полученнымъ ими въ состояніо-дворянскихъ школахъ: благодаря ему они даже теряли иногда способность „уразумѣть“ крестьянъ и между прочимъ знакомились съ сословными традиціями западно-европейскаго дворянства. Естественно, что при такихъ условіяхъ русские дворяне, уже сознавши свою принадлежность къ единому „корпусу“ дворянскому, стали противопоставлять себѣ, въ качествѣ „особитаго рода людей“, своимъ крѣпостнымъ; современные сатирики указывали на владѣльцевъ, „гнушавшихся тѣми рабами“, которые „трудились для удовольствованія страстей ихъ“. Косвенное указаніе на существование подобнаго рода настроенія среди дворянъ можно найти хотя бы въ томъ, что они часто называли людей другихъ сословій „подлыми“: выраженія: „черивъ“ (еволочь; ср. фр. *canaille*) и „подлые“ иногда получали одинаковый смыслъ; значить, слово „подлые“ на такомъ „модномъ нарѣчіи“ могло означать не только людей, занимавшихъ низшія ступени общественной лѣстини, но и людей приниженнѣихъ, даже презрѣнныхъ. Сумароковъ, известный сторонникъ крѣпостного права, поставившій, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣть“, придавалъ, напримѣръ, термину „подлые“ унизительное значеніе, когда возставалъ противъ обычая своихъ современниковъ называть „землемѣдѣльцевъ и ремесленниковъ“ подлымъ народомъ. А между тѣмъ въ такой терминологіи обнаруживалось и особаго рода отношеніе дворянъ-помѣщиковъ къ крестьянамъ, рѣзко осмѣянное въ луч-

¹⁾ В. Семенский, Крестьяне въ царствованіе ими. Екатерины II, т. I, изд. 2-е, стр. VII—VIII, 17 и 18. Г. День для третьей ревизіи, производившейся въ 1761—1764 гг., принимаетъ иѣсколько меньшую цифру всего податнаго населенія, а именно 7.363.384 д. м. п., а не 7.418.273. (В. День, Оп. сіт., I, 91).

²⁾ С. Р. И. О., XXXII, 478; ср. Рус. Стар. 1876 г., т. XVI, стр. 568.

шемъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ; тамъ изображенъ, напримѣръ, типъ помѣщика, который «богачъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы»... «онъ не только не говорить съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненіемъ своей головы, когда они по восточному обыкновенію передъ нимъ по земѣ распостираются». И хотя этотъ типъ, конечно, отзывается утрировкой, однако, его нельзя считать простою выдумкой: въ своемъ извѣстномъ разсужденіи о крѣпостномъ состояніи Потѣновъ замѣтилъ, что «вмѣсто почтенія мы платимъ [крестьянамъ] презрѣніемъ»¹⁾.

Съ указанной точки зрѣнія, въ сущности исключавшей уваженіе человѣка къ человѣку, помѣщикъ-дворянинъ легко могъ позабыть «умѣренность во владѣніи своимъ подданными» и придать своей власти суровый и даже жестокій характеръ. Въ сатирическихъ журналахъ того времени можно встрѣтить изображеніе крайняго типа такого владѣльца: онъ убѣждаетъ, что «всякий помѣщикъ, ежели хорошо услугенъ быть хотеть», долженъ быть «тираномъ своимъ служителямъ»; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы «одна жестокость содержала сихъ звѣрей въ порядкѣ и послу-

¹⁾ Перемѣна въ значеніи слова «семердъ» была уже указана выше, стр. 11; къ приведеннымъ тамъ примѣрамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ изъ Софійской первой лѣтоисц., гдѣ въ сравнительно позднѣйшихъ спискахъ подъ 6579 годомъ рязанца называны «излаумными смердами» (П. С. Р. Л. V, 239). Герберштейнъ также замѣчаетъ, что «у благородныхъ и воиновъ поселяне называются крестьянами (christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людьми» (пер. И. Афонимова, стр. 55); можно думать, однако, что въ то время на положеніе ихъ смотрели скорѣе какъ на приниженніе, чѣмъ какъ на презрѣніе. Уже Волынскій разсуждастъ, однако, о «замѣрѣлой грубоſти» крестьянъ (А. Волынскій, Ор. сіт., Москва, 1854 г., февр., стр. 38). Послѣдняя точка зрѣнія стала развиваться, кажется, лишь въ позднѣйшее время. Польновъ еще называетъ крестьянъ «поддѣшими» изъ общественныхъ состояній, повидимому, не придавая этому термину унизитель资料а значения, но вмѣстѣ съ тѣмъ писать, что недостатки, свойственные «простому народу, дѣлаютъ имъ это не только презрительнымъ, но въ некоторыхъ случаяхъ и ненавистнымъ» (А. Польновъ, Ор. сіт., ів., стб. 8, 13, 16, 29, 30). «Поддѣлый народъ», писать Сумароковъ, бездѣльники, а не земледѣльцы и не ремесленники. Земледѣльцы не поддѣлый народъ. У насъ это имя дается вѣдь тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и пострамлѣнія! Истинная чернь—швѣзы, хотя и великие чины имѣли, богатство крезово, и вели свой родъ отъ Зевсеа и Юноны, которыхъ никогда не было; отъ сына Филиппова побѣдителя, или лучше сказать разорителя вселенной» («С. Глинка, Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова; ч. I, стр. 72—73). Ср. еще С. Р. И. О., XXXII, 405. «Трутень» Н. Новикова, 1769 г. л. XIV, изд. И. Ефремова, стр. 147. Живописецъ 1772 г. Н. Новикова, л. XIII, изд. И. Ефремова, стр. 81.

шаний". И действительно, бывали помощники, которые решались открыто называть крестьянъ вообще "глупыми и отягощеннымъ, утешенными и упорными"; ищущая изъ виду, что "отъ лишенаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное упыніе приведеннаго человѣка, ничего лучшаго ожидать не должно" и, очевидно, по убѣждѣнію, склоняясь къ подобнаго рода системѣ вотчиннаго управления и суда, иѣкоторые изъ нихъ "жесточайшимъ наказаніемъ наказывали иногда самые матѣиціе проступки своихъ людей и крестьянъ" ¹⁾.

Такое настроение тѣмъ тѣжелье могло отзываться на постложеніи крѣпостныхъ, что владѣльцы открыто признавали ихъ свою собственностью: стоять только заглянуть въ "извѣстія" старинныхъ газетъ о продажѣ крѣпостныхъ для того, чтобы убѣдиться, насколько взглядъ подобнаго рода утверждается въ "вѣкъ проевѣщенія". Въ С.-Петербургскіхъ Вѣдомостяхъ 1796 и 1798 гг. встречаются, напримѣръ, объявленія въ родѣ слѣдующихъ: "продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гнѣдая лошадь; ихъ видѣть можно у Пантелеимона противъ мясныхъ рядовъ, въ Менищукиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлевъ"; или: "продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки". Въ томъ же 1798 году появилось и такое объявление: "У шкипера Васильева живущаго по Фонтанкѣ близъ Поноренкова моста въ домѣ подъ № 387 продаются двѣ дѣвки и пѣсколько сажень крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента" ²⁾. Въ вышеупомянутыхъ случаяхъ правда, рѣчь идетъ о дворовыхъ людяхъ; но владѣльцы могъ по своему усмотрѣнію взять любого крестьянина въ дворовые, да и паническими крестьянами распоряжался безъ земли. Итакъ, крѣпостной человѣкъ считался въ то время имуществомъ своего господина; постѣдний могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ "прочимъ домашнимъ скарбомъ", принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. Такая точка зрѣнія проникла даже въ законодательство: въ одномъ указѣ 1792 года сказано, что "крѣпостные владѣльческие люди и крестьяне заключаются и должныствуютъ заключаться въ чистѣ имѣнія ихъ владѣльцевъ"; правда, указъ 1792 года относился къ "описнымъ безъ земли крестьянамъ", продаваемымъ за долги тѣхъ, кому они принадлежали по крѣпостямъ; но постѣдующее законодательство разъяснило, что дворовые люди безъ земли вообще "приемлются

¹⁾ А. Полковъ, Ор. сіт., ів., стб. 16. "Трутень" и "Живописецъ" Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 35—36 и стр. 95. Д. Фонз-Визинъ, Соч., изд. 1866 г., стр. 64, 105. Сб. Р. И. О., т. IV. 76, 108; VIII. 414; XXXII, 487 XXXVI 260. Ср. В. Семенскій, Кр. Вопр. I, 89—90.

²⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 г., № 91; 1798 г., № 31. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 832. А. Романовичъ-Славинскій, Ор. сіт., 338—340; авторъ замѣчаетъ, что "при Елизаветѣ Петровнѣ это не водилоось".

единственно за движимое имъиie" и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имъиемъ почитать не можно“¹⁾.

Вирочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ²⁾ были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ влияніемъ ихъ поверхностнаго знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизациі. Роконь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію; „ничтожъ неограниченная помѣщичья власть съ выступлениемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безирекословныхъ даниковъ“ помѣщика; фактически пользовались тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ способности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка“³⁾. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды известный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилия о крестьянахъ иначе и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для нихъ стадострастія созданныхъ. Сіи

¹⁾ И. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. марта 20). Многіе члены большой комиссіи письмъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьаго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. Гр. М. Сперанскій, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб. въ Архивѣ ист. и прав. св. И. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 371 и 372. Н. Янк. Разборъ мѣнія о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ И. Калачова, IV, стр. 41—43.

²⁾ Въ полковничихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускныхъ или безъ письменного свидѣтельства отъ прикащикова, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ не сейть не братъ“. (И. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшеными своимъ помѣщикомъ крестьянами иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наследству (т. 325—328); тѣ же условія, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичными крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія случаи были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

³⁾ Во время путешествія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитій „по болѣшей части всѣ... отъ помѣщичныхъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщикомъ (И. Дубровинъ, Чугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). Гр. Н. Пакинъ, Митѣи въ Рус. Вѣт. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ И. Новикова 1772—1773 гг. изд. И. Ефремова, стр. 96.

надменные люди, живущи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для привлеченія жизни нашей трудящихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженыхъ, течь кровь певчихъ землемѣтцевъ».

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплуатациія крестьянского труда помѣщиками должна была усиливаться; но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы; извѣстно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крестьянъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное влияніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, где земля мало приносila дохода, помѣщикамъ выгодѣ было облагать крестьянъ оброкомъ; напротивъ, тамъ, где земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодѣ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ; въ 7 черноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ; остальные 74% состояли на барщинѣ. Вирочемъ способъ извлечения доходовъ изъ имѣнія зависѣть и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жилъ ли въ немъ владѣлецъ и т. д.; въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянского населения сидѣло на оброкѣ: остаточные отправляли барщину⁹.

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу; этотъ падѣтель, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ; но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно простѣйтъ иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души; по въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенію цѣни на самихъ крестьянъ, а въ значи-

⁹ «Всикому помѣщику, иначе, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на нашихъ деревняхъ въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія имѣть на оброкѣ, но разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ, ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ», то ему выгодѣ отдать всю землю и всякия угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ. Краткія экон. зап. въ Врем. М. О. И. и Д. XII. 29.*). *В. Семенскій. Оп. сіт., I. 591—592;* тамъ же и другие примѣры.

единственно за движимое имѣніе" и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно¹⁾".

Вирочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ²⁾ были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ постъ вліяніемъ ихъ поверхностного знакомства съ удобствами и „игрушками" европейской цивилизациіи. Рококо и расточительность придворной знати и столичаго дворянства стали проникать и въ провинцію; „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступлениемъ въ роскоши изъ всей умѣренности" тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ даниковъ" помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ сносности человѣческой", иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человека"³⁾. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды известный писатель, Цукінъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрного изобилия о крестьянахъ иначе и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

¹⁾ И. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи изъ дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьаго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. Гр. М. Сперанскій. Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. соб. въ Архивѣ ист. и прак. св. И. Калачова. И. 39. См., однако, Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, и. 2, 571 и 572. Н. Панинъ. Разборъ миѳіи о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ И. Калачова. *ibid.* стр. 41—43.

²⁾ Въ полковничихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отiusкихъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ иркащикіковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ невѣсть не братъ". (И. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, и. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, и. 6; ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрешеніемъ своихъ помѣщиковъ крестьяне никогда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наслѣдству (*ibid.*, 325—328); тѣ же условия, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе" и т. п.; но такія сделки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ).

³⁾ Во время путешествій императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщичихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ" (Н. Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). Гр. Н. Панинъ, Миѳіе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. Живописецъ И. Новикова 1772—1773 гг. изд. Н. Ефремова, стр. 86.

вольноотпущенными, что и было разъяснено одним изъ позднейшихъ указовъ¹⁾).—Такимъ образомъ, въ течениe 1763—83 гг. вышелъ цѣлый рядъ указовъ о „вольныхъ людяхъ“, безыстиныхъ церковникахъ, незаконорожденыхъ и премышахъ: эти указы уничтожили прежнее „средство“ путемъ записи ихъ за кѣмъ либо въ подушный окладъ, „вѣчио укрѣплять“ ихъ. При производствѣ ревизій 1781—1782 гг. большинство вынесеныхъ правилъ уже было принято во вниманіе. Правительство желало произвести ревизію „со всевозможной выгодностью для народа“ и поручило нижнимъ земскимъ судамъ, въ случаѣ неисправности и подозрѣнія въ утайкѣ, свидѣтельствовать поданныя имъ сказки о численности населения въ уѣздахъ; „освидѣтельствованіе“ же вѣдомостей, составленныхъ нижними судами, было вмѣнено въ обязанность казенныхъ палатамъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, где учрежденія 1775 года не были еще введены, губернскими канцеляріями²⁾. Такой надзоръ несоколько обезпечивъ примѣненіе новыхъ правилъ касательно людей, не подлежавшихъ вѣчному укрѣпленію, и, можетъ быть, облегчилъ введеніе постѣдовавшихъ за ними узаконеній 1783—87 гг.—Почти одновременно и начинъ перестать служить источникомъ крѣпостной зависимости для крестьянъ, принявшихъ православіе: польскимъ и другимъ воинопленнымъ, по принятіи ими „православнаго закона“, было предоставлено избирать такой родъ жизни, какой они сами благоразсудятъ, что и было выражено главнымъ образомъ въ указахъ отъ 20 апрѣля 1770 года и отъ 28 юля 1781 года³⁾.

Въ то же время и некоторые способы „сообщенія“ крѣпостного состоянія также подверглись извѣстнымъ ограниченіямъ. Можно сказать, что постѣдовательное примѣненіе правила, въ силу котораго (законныя) дѣти, рожденныя въ крѣпостномъ состояніи, признавались по отцу крѣпостными, предполагало и обратное правило: дѣти крѣпостного человека, рожденныя постѣ его

¹⁾ И. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 4; т. XVII, № 12430, п. 6; т. XXVIII, № 12987, п. 2; т. XX, № 14392, ст. 385; т. XXI, № 16603, отд. IV, ст. 8—9. т. XXXIII, № 25947, п. 6. Въ 1764 г. было также запрещено всемъ и каждому какимъ бы то ни было образомъ записывать и утверждать себѣ въ крѣпостные художниковъ, мастеровъ, получившихъ воспитаніе въ Академіи Художествъ, дѣтей ихъ и потомковъ; см. И. С. З., т. XVI, № 12275. Ср. еще ib., т. XII, 9250.

²⁾ И. С. З., т. XXI, №№ 15278, п. 7; 15405, п. 22. Записка за помѣщика получила значеніе способа укрѣпленія при производствѣ ревизій 1719 и 1744 гг. (Ср. И. С. З., т. XIV, № 10238, пп. 1, 5, 6 и 10); но Сводъ Законовъ уже не признаетъ такого значенія записѣ по третьей ревизіи; тѣмъ не менѣе правительство воспользовалось данными четвертой ревизіи при прикреплении крестьянъ въ Малороссіи и южнорусскихъ губерніяхъ (Св. Зак. 1832 г., Зак. о сост., ст. 550).

³⁾ И. С. З., т. XIX, № 13450; т. XX, № 14444; т. XXI, №№ 15198 и 15282.

освобождения, также должны были бы пользоваться свободой. Законъ формулировать такую точку зрения, да и тѣ съ иѣкоторыми ограничениями, кажется, лишь примѣнительно къ отдѣльнымъ категоріямъ случаевъ. Въ полковничихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено, чтобы солдатскія дѣти, родившіяся за время службы ихъ отцовъ, причислялись къ военному вѣдомству и были опредѣляемы въ школы и на службу. Аналогичное направление обнаружилось и въ указѣ 1781 года о предоставлении свободы польскимъ иѣтѣннымъ, воспріявшимъ православіе и отданымъ, по желаніямъ ихъ, въ вѣчное услуженіе разнымъ помѣщикамъ: такие польские, оставшіеся въ Россіи, по просьбѣ ихъ, получали свободу вмѣстѣ съ женами и дѣтьми¹⁾). Въ большинствѣ вышеупомянутыхъ узаконеній способы сообщенія крѣпостной зависимости, въ сущности, еще не были ограничены, а только выдѣлены тѣ случаи, къ которымъ они не могли примѣняться: по бракъ, въ качествѣ такого же способа, подвергая сущесвтвеннымъ ограниченіямъ.—Старинное правило „по робѣ холопъ”..., напримѣръ, потеряло силу примѣнительно къ случаямъ, когда иномець воспитательного дома ветуналъ съ крѣпостною вѣбракъ, устроенный „какимъ обманомъ” (1763 г.), а также къ воспитанникамъ академіи художествъ или ихъ потомкамъ (1764); все люди, которые были отпущены своими помѣщиками съ отпускными на волю, были членъ въ вѣчное услуженіе къ другимъ помѣщикамъ и поклонились на ихъ крѣпостныхъ, но по ихъ прошенію до манифеста 1775 года рѣшенія не учинено и вынесено о закрѣпленіи для владѣнія ими не дано, были также освобождены отъ крѣпостной зависимости (1780 г.); наконецъ, польские, захваченные въ Польшѣ, по оставшіеся въ Россіи и принявшиѣ православіе, получали свободу, хотя бы они и женились на крѣпостныхъ (1781 г.); въ вышеупомянутыхъ случаяхъ бракъ съ крѣпостной не только не сообщать вольному человѣку крѣпостного состоянія, но и её освобождать отъ такого же состоянія; впрочемъ, въ иѣкоторыхъ случаяхъ это освобожденіе было прямо поставлено въ зависимость отъ уплаты выводныхъ денегъ помѣщику (законы 1763 и 1780 гг.). Стѣдуетъ замѣтить, однако, что обратное правило: „по холопу раба”, на соблюденіи которого настаивали иѣкоторые депутаты большої комиссіи, подверглось лишь иѣкоторымъ ограниченіямъ: оно было лишено силы по отношенію къ воспитанницамъ, выпускавшимъ изъ воспитательного дома и изъ мѣщанского училища при Воскресенскомъ монастырѣ: воспитанная въ училищѣ, въ случаѣ выхода замужъ за крѣпостного, по крайней мѣрѣ при

¹⁾ Ср. выше стр. 67—69 и И. С. З., т. XIV, № 10233, и. 16. П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6; т. XX, № 15070; т. XXI, № 15198.

известныхъ условіяхъ, могла сообщить ему свое свободное состояніе¹⁾.

Въ способахъ прекращенія крѣпостной зависимости произошло гораздо менѣе перемѣнъ, чѣмъ въ способахъ ея установленія и сообщенія; это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что нововведенія подобного рода гораздо болѣе затруднили бы интересы дворянства и что владѣльцы въ то время злоупотребляли отпускомъ на волю, избавляясь такимъ образомъ отъ содержанія своихъ людей и крестьянъ, «приведенныхъ» ими по разнымъ случаюмъ въ сущее безсиліе, и отъ уплаты за нихъ податей. Даже назначеніе размѣровъ выкупа крестьянъ на волю было предоставлено усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ. Помимо прежнихъ способовъ выхода изъ крѣпостной зависимости, вышеупомянутаго правила относительно польскихъ пѣтиныхъ²⁾, и случайныхъ правительственныхъ мѣръ, можно указать развѣ на одно лишь постановленіе: оно состоялось по поводу ревизіи, въ 1763 году, и безъ прежнихъ ограничений предоставляло свободу прописанымъ людямъ, которые сами явятся въ судебнаго мѣста и докажутъ прописку³⁾.

Итакъ, либеральная начинанія законодательной политики императрицы Екатерины II касательно крѣпостныхъ ограничились, главнымъ образомъ, вышеизложенными перемѣнами въ способахъ закрѣпощенія и выхода изъ крѣпостной зависимости. Въ самомъ дѣлѣ, хотя секуляризация церковныхъ имѣній, входившая въ программу, предложенную Вольтеромъ, выгодно отразилась на положеніи почти цѣлаго миллиона сельскаго населения, которое отнынѣ стало приравниваться къ государственнымъ крестьянамъ, то она не внесла ничего нового по существу въ крѣпостническій отношеніи, царившій на владѣльческихъ земляхъ⁴⁾. Вообще, за исключеніемъ развѣ известныхъ указовъ 1766 и 1771 гг., имѣвшихъ, вирочемъ, второстепенное значеніе, нельзя указать ни одного новаго закона того времени, въ которомъ регулировались бы отношенія между помѣщиками и крестьянами. Даже тѣ начата,

1) И. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (стр. 950); т. XX, № 14275, п. 46; № 14294, п. 11; № 15070; т. XXI, №№ 15198 и 15282; см. стр. 104, прим. 1. Ср. еще И. С. З., т. VI, № 3697 и т. XIV, № 10233, п. 21.

2) И. С. З., т. XXI, № 15603; т. XXVII, № 20548; ср. И. С. З., т. VIII, № 5520. См. выше, стр. 84 и 104.

3) И. С. З., т. XVI, № 11755, п. 3. Въ числѣ случайныхъ мѣръ можно упомянуть превращеніе крѣпостныхъ въ мѣщанъ путемъ покупки илькоторыхъ селеній у владѣльцевъ, а также предоставление свободы илькоторымъ бѣглымъ и иеребѣжчикамъ изъ крѣпостныхъ; ср. выше, стр. 85.

4) И. С. З., т. XVI, № 12060. Всѣдѣ за указомъ 26 февраля 1764 г. о секуляризациіи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири въ 1786 и 1788 гг. появились указы, распространявшиіе ее на губерніи: Киевскую, Черниговскую и Новгородсьверскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. И. С. З., т. XXII, №№ 16375, 16649 и 16650.

которые уже были отрывочно выражены въ отдельныхъ узаконеніяхъ и въ силу которыхъ крѣпостные люди должны были исполнять свои обязанности къ государству, остались безъ общаго обоснованія. Правительство мало заботилось о правахъ крѣпостныхъ людей, но часто высказывалось въ томъ смыслѣ, что они обязаны платить государственные подати и исправлять закономъ установленные повинности, а иногда указывало и на то, что они подлежать общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ; вслѣдствія на крѣпостныхъ исполненіе этихъ обязанностей, оно взамѣнъ обѣщало имъ иѣкоторые выгоды, но не настаивало на мысли, что они должны пользоваться правами государственныхъ подданныхъ, и не устранило того противорѣчія, которое можно было усмотрѣть между ихъ порабощенiemъ владѣльцемъ и подданствомъ государству. Жалованная грамота 1785 г., подтверждавшая привилегіи 1762 г. и расширявшая веществя права дворянъ, правда, не говорить прямо о правѣ ихъ владѣть крѣпостными по власть помѣщика, которому она предоставила право покупать "деревни", оставалась безъ всякихъ ограниченій въ законѣ и по прежнему продолжала развиваться подъ сильнымъ влияниемъ бытовыхъ условий русской жизни и того сословного характера соціального строя, который стать особенію замѣтнѣмъ въ періодъ "просвѣщенаго абсолютизма"¹⁾.

Въ русскомъ обществѣ того времени, действительно, уже рѣзко обрисовались двѣ противоположности: фактически тяжелое положеніе помѣщичьяго крестьянства сравнительно съ выгоднымъ положеніемъ его владѣльца въ обществѣ и почти безправное состояніе крѣпостного сравнительно съ привилегированнымъ состояніемъ дворянства. Такая двойная противоположность продолжала усиливаться въ вѣкъ просвѣщенія и становилась еще болѣе рѣзкой въ сознаніи тѣхъ, которые были способны представить себѣ иной порядокъ общественныхъ отношеній.

Крѣпостные были самыми многочисленными классомъ русского общества (по даннымъ 1762—1766 гг. до 3805073 д. м. п.); но, составляя въ Великороссии и Сибири, по приблизительному расчету, около 45% всего населенія и (по тѣмъ же свѣдѣніямъ 1762—1766 гг.) до 53% всего числа крестьянъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, они оказались, однако, въ худшемъ положеніи, чѣмъ

1) И. С. З., т. XX, № 14725. Указъ 1761 года о продовольствіи крестьянъ помѣщиками подтвержденъ въ 1767 году, а въ 1772 году повторено предписание, чтобы помѣщики содержали своихъ крестьянъ и "не допускали онъхъ злодѣй" ходить въ Москву для прошения милости (И. С. З., т. XVIII, № 13017; т. XIX, № 13767); но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики заботились об устройствѣ хлѣбныхъ магазиновъ, они часто устраивали ихъ на средства самихъ крестьянъ; ср. И. С. З., т. XXV, № 18856. О правилахъ благоустройства и благочинія въ имѣніяхъ см. вообще *В. Семенский*, Ор. cit., I, 260—288. Ср. ниже стр. 133.

всѣ остальные¹⁾). Это ухудшеніе въ ихъ участіи произошло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ измѣнившагося взгляда крѣпостниковъ на своихъ подданныхъ, и болѣе суровыхъ проявленій помѣщичьей власти; такой взглядъ, разумѣется, не всякий помѣщикомъ признавался и не всегда приводилъ къ дѣйствительному ухудшенію въ положеніи крестьянъ; по принужденію и безправное положеніе крѣпостныхъ благопріятствовало его развитію и вносило доинскую возможность его примѣненія на практикѣ, что уже сознавали и современники²⁾.

Съ того времени, когда помѣщики-дворяне начали приобрѣтать видѣній лоскъ европейской цивилизациіи и проникаться составными интересами, къ прежнему взгляду ихъ на крѣпостныхъ, какъ на принадлежащую имъ рабочую силу, кажется, стала присоединяться новый отблескъ. Теперь „благородные“ гордились своей „наружностью“, знаніемъ французскаго языка, а иѣкоторые и кое-какимъ образованіемъ, полученнымъ ими въ составно-дворянскихъ школахъ; благодаря ему они даже теряли иногда способность „уразумѣть“ крестьянъ и между прочимъ знакомились съ составными традиціями западно-европейского дворянства. Естественно, что при такихъ условіяхъ русскіе дворяне, уже сознававшіе свою принадлежность къ единому „корпусу“ дворянскому, стали противополагать себя, въ качествѣ „особливаго рода людей“, своимъ крѣпостнымъ; современные сатирики указывали на владельцевъ, „гнушавшихся тѣми рабами“, которые „трудились для удовольствованія страстей ихъ“. Косвенное указаніе на существование подобнаго рода настроенія среди дворянъ можно найти хотя бы въ томъ, что они часто называли людей другихъ составлій „подлыми“: выраженія: „чернь“ (своюточъ; ср. фр. *canaille*) и „подлые“ иногда получали одинаковый смыслъ; значить, слово „подлые“ на такомъ „модномъ нарѣчіи“ могло означать не только людей, занимавшихъ низшія ступени общественной лѣтищницы, но и людей приниженніихъ, даже презрѣніиныхъ. Сумароковъ, известный сторонникъ крѣпостного права, полагавшій, что „низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣть“, придавалъ, напримѣръ, термину „подлые“ унизительное значеніе, когда возвставать противъ обычая своихъ современниковъ называть „землемѣщцевъ и ремесленниковъ“ подлымъ народомъ. А между тѣмъ въ такой терминологіи обнаруживалось и особаго рода отношеніе дворянъ-помѣщиковъ къ крестьянамъ, рѣзко осмѣянное въ луч-

¹⁾ В. Семёновъ, Крестьяне въ царствованіе ими Екатерины II, т. I, изд. 2-е, стр. VII—VIII, 17 и 18. Г. День для третьей ревизіи, производившейся въ 1761—1764 гг., принимаетъ иѣсколько меньшую цифру всего податного населения, а именно 7.363.384 д. ж. п., а не 7.418.273. (В. День, Оп. cit., I, 91).

²⁾ С. Р. И. О., XXXII, 478; ср. Рус. Стар. 1876 г., т. XVI, стр. 568.

шемъ изъ нашихъ сатирическихъ журналовъ шестидесятыхъ годовъ: тамъ изображенъ, напримѣръ, типъ помѣщика, который „боленъ мѣниемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне: а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы“... „онъ не только не говорить съ ними ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненiemъ своей головы, когда они по восточному обыкновенiu передъ нимъ по землѣ распределяются“. И хотя этотъ типъ, конечно, отзывается утрировкой, однако, его нельзя считать простой выдумкой: въ своемъ извѣстномъ разсужденіи о крѣпостномъ состояніи Потѣшновъ замѣтилъ, что „вмѣсто почтенія мы платимъ [крестьянамъ] презрѣніемъ“¹⁾.

Съ указанной точки зрѣнія, въ сущности исключавшей уваженіе человѣка къ человѣку, помѣщикъ-дворянинъ легко могъ позабыть „умѣренность во владѣніи своимъ подданными“ и придать своей власти суровый и даже жестокій характеръ. Въ сатирическихъ журналахъ того времени можно встрѣтить изображеніе крайняго типа такого владѣльца: онъ убѣждень, что „всійкий помѣщикъ, ежели хорюю услугенъ быть хочетъ“, долженъ быть „тираномъ своимъ служителямъ“: онъ настаиваетъ на томъ, чтобы „одна жестокость содеркала сихъ звѣрей въ порядокъ и посду-

1) Перемѣна въ значеніи слова „смѣрдъ“ была уже указана выше, стр. 11; въ приведенныхъ тамъ примѣрамъ можно, пожалуй, прибавить еще одинъ изъ Софійской первой лѣтоисп., гдѣ въ сравнительно позднѣйшихъ спискахъ подъ 6879 годомъ рязанцы называли „излаумными смѣрдами“ (П. С. Р. Л. V, 239). Герберштейнъ также замѣчаетъ, что „у благородныхъ и воиновъ поселяне называются крестьянами (christiani) въ презрительномъ смыслѣ или черными людьми“ (пер. И. Анонимова, стр. 85); можно думать, однако, что въ то время на положеніе ихъ смотрѣли скорѣе какъ на пришшедшее, чѣмъ какъ на прерѣзаное. Уже Волынскій разсуждалъ, однако, о „замерзѣлой грубости“ крестьянъ (А. Волынскій, Ор. сіт., Москв. 1854 г., февр., стр. 38). Постѣдняя точка зрѣнія стала развиваться, кажется, лишь въ позднѣйшее время. Потѣшновъ еще называлъ крестьянъ „поддѣльникъ“ изъ общественныхъ состояній, повидимому, не придавая этому термину унізительного значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что недостатки, свойственные „простому народу, дѣлаютъ имъ его не только презрительнымъ, но въ иѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистливымъ“ (А. Потѣшновъ, Ор. сіт., ю., стб. 8, 13, 16, 29, 30). „Поддѣльный народъ, писаль Сумароковъ, бездѣльники, а не земледѣльцы и не ремесленники. Земледѣльцы не поддѣльный народъ. У насъ это имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворянинъ. О, несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія и пострамлеченія! Истинная чернь—невѣжды, хотя и великие чины имѣли, богатство крезово, и велиѣ родъ отъ Зевеса и Юноны, которыхъ никогда не было: отъ сына Филиппова побѣдители, или лучше сказать разорители вселенной“ („С. Ганика, Очеркъ жизни и избранныя сочиненія А. П. Сумарокова; ч. I, стр. 72—73). Ср. еще С. Р. И. О., XXXII, 405 „Трутень“ Н. Новикова, 1769 г. л. XIV; изд. И. Ефремова, стр. 147. Живописецъ 1772 г. И. Новикова, л. XIII, изд. И. Ефремова, стр. 81.

шани". И действительно, бывали помѣщики, которые рѣшились открыто называть крестьянъ вообще "тѣшивыми и отягощеными, уторопленными и упорными"; иронская изъ виду, что "отъ лишенаго всѣхъ правъ человѣчества и тѣмъ въ конечное уныніе приведеннаго человѣка, ничего лучшаго ожидать не должно" и, очевидно, по убѣждению, склонившись къ подобнаго рода системѣ вотчиннаго управления и суда, некоторые изъ нихъ "жесточайшимъ наказаніемъ наказывать иногда самые матѣйшіе преступки своихъ людей и крестьянъ" ¹⁾.

Такое настроеніе тѣмъ тѣжелѣ могло отзываться на положеніи крѣпостныхъ, что владѣльцы открыто признавали ихъ своею собственностью; стоитъ только заглянуть въ "извѣстія" старинныхъ газетъ о продажѣ крѣпостныхъ для того, чтобы убѣдиться, насколько взглядъ подобнаго рода утверждался въ "вѣкъ просвѣщенія". Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1796 и 1798 гг. встречаются, напримѣръ, объявленія въ родѣ стѣдующихъ: "продается лѣтъ 30 дѣвка и молодая гибдая лошадь: ихъ видѣть можно у Пантелеимона противъ мясныхъ рядовъ, въ Менингуткиномъ домѣ, у губернскаго секретаря Іевлева"; или: "продается пожилыхъ лѣтъ дѣвка и подержанные дрожки". Въ томъ же 1798 году появилось и такое объявление: "У инженера Васильева живущаго по Фонтанкѣ близъ Понерешнова моста въ домѣ подъ № 387 продаются двѣ дѣвки и нѣсколько саженъ крупныхъ каменьевъ, годныхъ для фундамента" ²⁾. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ правда, рѣчь идетъ о дворовыхъ людяхъ; но владѣлецъ могъ по своему усмотрѣнію взять любого крестьянина въ дворовые, да и пашенными крестьянами распоряжался безъ земли. Итакъ, крѣпостной человѣкъ считался въ то время имуществомъ своего господина; постѣдний могъ распоряжаться своими людьми паравиа съ "приучимъ домашнимъ скарбомъ", принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. Такая точка зренія проникла даже въ законодательство: въ одномъ указѣ 1792 года сказано, что "крѣпостные владѣльческие люди и крестьяне заключаются и должныствуютъ заключаться въ чистѣ имѣнія ихъ владѣльцевъ"; правда, указъ 1792 года относился къ "описнымъ безъ земли крестьянамъ", продаваемымъ за долги тѣхъ, кому они принадлежали по крѣпостямъ; но постѣдующее законодательство разъяснило, что дворовые люди безъ земли вообще "прѣемлются

¹⁾ А. Полыковъ, Ор. сіт., ів., стб. 16. "Трутень" и "Живописецъ" Н. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 35—36 и стр. 95. Д. фонъ-Виззинъ, Соч., изд. 1866 г., стр. 64, 105. С6. Р. И. О., т. IV. 76, 108; VIII. 414; XXXII, 487 XXXVI 260. Ср. В. Семенский, Кр. Вопр. I, 89—90.

²⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости 1796 г., № 91; 1798 г., № 31. Рус. Стар. 1875 г., т. XII, стр. 332. А. Романовичъ-Славянскій, Ор. сіт., 338—340; авторъ замѣчаетъ, что "при Елизавѣтѣ Петровнѣ это не водилося".

единственно за движимое имъніе" и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имъніемъ почитать не можно“¹⁾.

Вирочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ²⁾ были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ влияніемъ ихъ поверхностного знакомства съ удобствами и „игрушками“ европейской цивилизации. Роскошь и расточительность придворной знати и столичнаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступлениемъ въ роскоши изъ всей умѣренности“ тяжелымъ бременемъ ложилась на „безирекловыхъ даниковъ“ помѣщика; фактически пользуясь тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или приниматься за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ способности человѣческой“, иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человека“³⁾. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды известный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилия о крестьянахъ никакъ и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи

¹⁾ И. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 29). Многіе члены большой комиссіи иль дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по одиночкѣ, но въ проектѣ правъ третьаго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. Гр. М. Сперанскій, Обозрѣніе измѣнений въ правѣ позем. соб. въ Архивѣ ист. и прак. св. И. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд. 1832 г. Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. И. Тане. Разборъ мѣній о томъ, что помѣщичій крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ И. Калачова, ib., стр. 41—43.

²⁾ Въ полковничихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отпускіиныхъ или безъ письменнаго свидѣтельства отъ прикащиковыхъ, купеческія, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ -невѣсть не братъ“. (И. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрѣшеніемъ своихъ помѣщиковъ крестьяне иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наследству (ib., 325—328); тѣ же условия, вѣроятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщичими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе“ и т. п.; но такія сделки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

³⁾ Во времена царствія императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитень „по большей части всѣ... отъ помѣщичныхъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ отъ помѣщиковъ“ (И. Дубровинъ, Чугаевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). Гр. И. Панинъ, Митынѣ въ Рус. Вѣт. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ“ И. Новикова 1772—1773 гг. изд. И. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, первѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни паний трудащихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ разводоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженыхъ, течеть кровь певинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатациѣ крестьянскаго труда помѣщиками должна была усиливаться; но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: известно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крестьянъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное влияніе на систему помѣщичьяго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ черноземныхъ губерніяхъ, где земля мало приноситъ дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ; напротивъ, тамъ, где земля давала ренту, барщина представляла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великокорсійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ; остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлечения доходовъ изъ имѣнія зависѣть и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жить ли въ немъ владѣлецъ и т. д.: въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянскаго населенія сидѣло на оброкѣ: остальные отправляли барщину⁹⁾.

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу; этотъ надѣль, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ: но вмѣсто 1 рубля съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятихъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Слѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно прощеѣдить иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души; по въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соответствовало повышенію цѣни на самихъ крестьянъ, а въ значи-

⁹⁾ „Всякому помѣщику, писаль, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на паниѣ деревни въ одномъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, а прочія паніи на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ: ежели-жъ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякия угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ. Краткія экз. зап. въ Врем. М. О. И. и Д. XII, 29.*). *В. Семёновский. Оп. сіт. I, 591—592;* тамъ же и другие примѣры).

единственно за движимое имѣніе" и что „продаваемыхъ безъ земли людей недвижимымъ имѣніемъ почитать не можно¹⁾".

Вирочемъ, вмѣшательство господина въ личную жизнь, а также семейное и имущественное положеніе его крестьянъ²⁾ были обусловлены, главнымъ образомъ, его хозяйственнымъ интересомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время помѣщики-дворяне нуждались въ удовлетвореніи цѣлаго ряда новыхъ потребностей, возникшихъ подъ вліяніемъ ихъ поверхностного знакомства съ удобствами и „игрушками" европейской цивилизациіи. Роскошь и расточительность придворной знати и столичаго дворянства стали проникать и въ провинцію: „ничѣмъ не ограниченная помѣщицкая власть съ выступлениемъ въ роскоши изъ всей умѣренности" тяжелымъ бременемъ ложилась на „безпрекословныхъ даниковъ" помѣщица; фактически пользовалась тѣмъ имуществомъ, которое было предоставлено имъ помѣщикомъ, они были принуждены платить повышенные сборы или прииматся за работы, „частенько у многихъ выступавшія изъ спосности человѣческой", иной разъ только для того, чтобы удовлетворить „прихоть одного человѣка"³⁾. „Есть у насъ, замѣтилъ однажды известный писатель, Лукинъ, довольно такихъ помѣщиковыхъ, которые отъ чрезмѣрного изобилия о крестьянахъ никако и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Син-

¹⁾ И. С. З., т. XXIII, № 17076; т. XXXIII, 25775 и 26202 (указы 1815 г. Сен. 30 и 1816 г. Марта 20). Многіе члены большой комиссіи иль дворянъ склонялись въ пользу запрещенія продажи людей по единичкѣ, но въ проектѣ правъ третьаго рода людей 1769 г. запрещается только разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ дѣтьми не болѣе 7 лѣтъ (С. Р. И. О. XXX, 283). Ср. Гр. М. Сперанскій, Обзоръ измѣненій въ правѣ позем. соб. въ Архивѣ ист. и прак. св. И. Калачова, II, 39. См., однако, Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о Сост., ст. 161, п. 2, 571 и 572. И. Ламе. Разборъ митій о томъ, что помѣщицкая крестьянинъ есть собственность помѣщика въ Архивѣ И. Калачова, юв., стр. 41—43.

²⁾ Въ полковничихъ инструкціяхъ 1764 и 1766 гг. постановлено „безъ отиускихъ или безъ инструментаго свидѣтельства отъ приказчиковъ, купечества, монастырскихъ вотчинъ и прочихъ не вѣсть не братъ". (И. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6); ср. еще замѣчанія о положеніи дворовыхъ людей на стр. 115. Съ разрывомъ своихъ помѣщиковыхъ крестьянъ иногда фактически владѣли, напримѣръ, даже недвижимымъ имуществомъ, купленнымъ на имя своихъ господъ и могли передавать его по наследству (юв., 325—328); тѣ же условія, вероятно, соблюдались и въ довольно рѣдкихъ случаяхъ покупки помѣщицкими крестьянами людей себѣ въ „услуженіе" и т. п.; но такія сделки были выгодны помѣщикамъ-дворянамъ.

³⁾ Во время царствования императрицы Екатерины II въ Казань ей было подано болѣе 600 челобитенъ „по большей части всѣ... отъ помѣщицкихъ крестьянъ въ большихъ съ ихъ сборахъ отъ помѣщиковыхъ (И. Дубровинъ, Пугачевъ и его сообщники, Спб. 1884 г., т. I, стр. 338). Гр. И. Панинъ, Митіе въ Рус. Вѣст. 1861 г., т. XXXV, стр. 314—315. С. Р. И. О., VIII, 414; XXXII, 404, 406—407, 468, 481—482, 503, 515. „Живописецъ" И. Новикова 1772—1773 гг. изд. И. Ефремова, стр. 86.

надменные люди, живучи въ роскоши, нерѣдко добросердечныхъ поселянъ, для прибавленія жизни нашей трудащихся, безъ всякой жалости разоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченныхъ каретъ, шестью лошадьми безъ нужды запряженыхъ, течеть кровь невинныхъ земледѣльцевъ".

Естественно, что при такихъ условіяхъ эксплоатацией крестьянского труда помѣщиками должна была усиливаться; но ни степень, ни разновидности ея не были одинаковы: известно, что положеніе оброчныхъ крестьянъ, численность которыхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ (44—46% числа всѣхъ крестьянъ) уступала численности крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ, было легче барщинныхъ. Прежде всего свойства почвы оказывали существенное влияние на систему помѣщичаго хозяйства, отъ которой зависѣло и указанное различіе: въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ земля мало приносila дохода, помѣщикамъ выгоднѣе было облагать крестьянъ оброкомъ: напротивъ, тамъ, гдѣ земля давала ренту, барщина предстаѣла болѣе выгодъ для владѣльцевъ, чѣмъ оброкъ: въ 7 черноземныхъ великокорсійскихъ губерніяхъ можно было насчитать всего лишь 26% оброчныхъ крестьянъ: остальные 74% состояли на барщинѣ. Впрочемъ способъ извлечения доходовъ изъ имѣнія зависѣть и отъ другихъ обстоятельствъ, напримѣръ, отъ величины его, отъ того, жить ли въ немъ владѣтель и т. п.: въ Московской губерніи, напримѣръ, только 36% крестьянского населения сидѣло на оброкѣ: остальные отдавали барщину⁹⁾.

Въ оброчныхъ вотчинахъ среднимъ числомъ приходилось около 14 дес. земли (вмѣстѣ съ лѣсомъ) на душу: этотъ падѣть, при умѣренномъ оброкѣ, можно признать довольно значительнымъ: по вмѣстѣ 1 рубль съ души, оброчные крестьяне до восьмидесятыхъ годовъ уже часто платили по 2—3 руб., а позднѣе и по 3—5 руб. съ души. Стѣдуетъ замѣтить, что такое повышеніе можно простѣдѣть иногда въ предѣлахъ одного и того же имѣнія: въ гжатской вотчинѣ кн. Д. Голицына, напримѣръ, крестьяне до 1763 года платили оброка еще по 40 коп. съ души; по въ 1763 году онъ сразу былъ повышенъ до 2 руб., а въ 1790-хъ годахъ—до 4 руб. съ души. Повышеніе оброка вообще соотвѣтствовало повышенню цѣни на самихъ крестьянъ, а въ значи-

⁹⁾ "Всикому помѣщику, писаль, напримѣръ, Татищевъ въ своихъ запискахъ, должно имѣть на паниѣ деревни въ одиомъ мѣстѣ для того, чтобы самъ всю экономію видѣть могъ, и прочія имѣть на оброкѣ, по разсмотрѣнію своихъ дачъ и всякихъ угодьевъ: ежели-жѣ помѣщикъ самъ по случаю своей экономіи видѣть за отлучкою не можетъ", то ему выгоднѣе отдать всю землю и всякия угодья крестьянамъ на оброкъ (*В. Татищевъ*, Краткія экон. зап. въ Врем. М. О. И. и Д., XII, 29). *В. Семеновъ*, Ор. сіт., I, 591—592; тамъ же и другие примѣры.

тельной мѣрѣ и на хлѣбѣ; впрочемъ, цѣны на хлѣбъ возрастали, кажется, несолько медленнѣе увеличенія оброка, такъ что для его уплаты въ 1790-хъ годахъ надо было продать несолько болѣе ржи, чѣмъ въ 1760-хъ годахъ. Повышеніе оброка иногда особенно рѣзко обнаруживалось при переходѣ даниаго имѣнія къ новому владѣльцу: въ 1740-хъ годахъ крестьяне Загарской волости (Московскаго уѣзда), напримѣръ, платили 300 рублей оброка своему помѣщику; когда имѣніе въ 1750-хъ годахъ перешло къ новому владѣльцу, онъ сразу обложилъ тѣхъ же крестьянъ оброкомъ въ 2300 рублей. Бывали „убогіе помѣщики“, напримѣръ Зубовъ (отецъ фаворита), которые „наживали себѣ не малое имѣніе отъ сбора черезчуръ великихъ податей съ своихъ музыкантовъ“ или покупали населенія имѣнія въ долгъ на деньги, которыхъ сбирались съ крестьянъ этихъ имѣній, такъ что они „сами собою себѣ покупали“ новому владѣльцу. Производство помѣщика могъ обнаруживаться не только въ размѣрѣ повышеннѣя оброка, но и въ обложкѣніи своихъ оброчныхъ крестьянъ разными другими новинностями (особенно подводной): натуральные сборы (напримѣръ, сборъ „столовыхъ запасовъ“, аналогичныхъ съ прежнимъ мелкимъ доходомъ), правда, иногда зачитывались въ оброкъ, но въ другихъ случаяхъ прибавлялись къ нему. Если полагать, что по приблизительному расчету, въ переводѣ на деньги они доходили до $\frac{1}{2}$ размѣровъ оброка, то среднюю величину того дохода, который помѣщики получали съ души, можно оцѣнить для шестидесятыхъ годовъ въ сумму несолько менѣе 2-хъ руб., а въ девяностыхъ годахъ—менѣе 7 руб. Несмотря на такой ростъ оброка положеніе оброчнаго крестьянина все же было сравнительно спокойнымъ: если принимать во вниманіе среднюю величину оброка и разматривать ее какъ плату за пользованіе надѣломъ, хотя бы даже размѣромъ въ 10 дес. на душу, то можно приблизительно прийти къ заключенію, что высота помѣщичьяго оброка (въ 2—7 руб.) почти равнялась той арендной платѣ, которую въ то время крестьяне вносили за пользованіе соответствующимъ количествомъ казенной земли въ московской провинції. Всю тяжкость своего положенія оброчные крестьяне особенно чувствовали тогда, когда усматривали зависимость, въ какой размѣры надѣла, а особенно наловинихъ на нихъ новинностей и оброка находились отъ „приходовъ“ ихъ владѣльцевъ; впрочемъ, понятно, что оброчные крестьяне страдали отъ нихъ менѣе, чѣмъ барщинные, между прочимъ и потому, что имъ легче было отлучаться на отхожіе промыслы¹⁾.

Барщинные крестьяне чувствовали ту же зависимость гораздо сильнѣе оброчныхъ: личное присутствіе помѣщика въ такихъ имѣніяхъ

¹⁾ В. Семёновский, Оп. сіт., I, 47—61, 448.

ніяхъ, часто мелкопомѣстныхъ, должно было тяжело отражаться на положеніи его крѣпостныхъ: даѣте, при обложеніи ихъ натуральными повинностями легче было повышать сборы, чѣмъ при уплатѣ оброка, наконецъ, „зѣлье“ могло принимать самые разнообразные виды, а отправленіе изѣльныхъ работъ при такихъ условіяхъ становилось не только тяжкимъ, но и „несноснымъ“ бременемъ для крестьянъ. Если даже полагать, что менѣйший по размѣрамъ надѣть барщина крестьянина въ черноземныхъ губерніяхъ (около 7 дес., изъ нихъ въ великорусскихъ губерніяхъ обыкновенно около 3,1 дес. нашии) быть лучшаго качества, чѣмъ земля оброчнаго крестьянина, то все же слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ щечерноземныхъ губерніяхъ величина надѣта въ имѣніяхъ, состоявшихъ на барщинѣ (около 8 дес. изъ нихъ около 2½ дес. нашии), была также менѣе, чѣмъ въ оброчныхъ; а между тѣмъ повинности барщинахъ крестьянъ въ общей сложности зачастѣ превосходили оброчные платежки. Определеніе вида и размѣровъ барщинахъ работъ зависѣло, конечно, отъ помѣщичьяго „произведенія“. Барщина отправлялась или въ видѣ опредѣленнаго „урока“, надавшаго на каждое тягло, или въ видѣ работъ, въ теченіе известнаго времени исполняемыхъ на господина, что было труднѣе урока. Въ самомъ дѣлѣ, урокъ, назначаемый помѣщикомъ на каждое „тягло“ (2—2½ ревиз. души), обыкновенно доходилъ до 1—1½ дес. въ потѣ, которая крестьяне и должны были обработать на господина: бывали, впрочемъ, случаи, когда урокъ достигать 2-хъ и болѣе десятинъ въ каждомъ потѣ; тѣмъ не менѣе отработка урока была менѣе стѣснительна, чѣмъ поденная работа на господина: притомъ размѣры послѣдней сильно колебались. Трехдневная барщина („три дня черезъ весь годъ“) была довольно распространена, но современники указывали на то, что помѣщики иногда заставляли своихъ крестьянъ работать на нихъ по четыре и даже большему числу дней въ недѣлю¹⁾. Барщина становилась еще менѣе спосной для крестьянъ, когда помѣщикъ требовать, чтобы они сперва (т. е. въ благопріятное время года) окончили всѣ сельскія работы, назначенные въ его пользу, а затѣмъ уже (т. е. съ наступленіемъ сравнительно худшей погоды) работали на себя. Наконецъ бывали случаи, когда помѣщикъ предпочитать превратить всѣхъ своихъ крестьянъ въ сельскихъ рабочихъ, т. е. „давать имъ и вѣдь ихъ семействамъ мѣсячныи провіантъ, употребляя ихъ безъ изъятія на господскія работы повсѣ-

¹⁾ И. Болотинъ, Примѣчанія на ист. Леклерка, II, 216—217, 220. „Живописецъ“ И. Новикова, изд. П. Ефремова, стр. 87, 94. А. Радищевъ, Путешествіе... Сиб., 1888 г., стр. 15.

дневно". Само собою разумѣется, что въ числѣ такихъ работъ, исполняемыхъ и мужчинами, и женщинами, было много повинностей, волагаемыхъ и на людей, уже негодившихся для страды. А къ подводной и другимъ повинностямъ присоединялась еще обязанность поставлять на господскій дворъ самые разнообразные „столовые запасы“, напоминавшіе прежній „мелкій доходъ“; тогдѣ помѣщикъ, который не могъ потребить всѣ эти продукты, „отсыпалъ остатокъ оныхъ на торжище“. Барщинная работа принимала, наконецъ, особаго рода формы въ тѣхъ случаевъ, когда помѣщикъ переводилъ своихъ крѣпостныхъ на заводъ или фабрику, чаще всего полотняную или суконную; на фабрикѣ работали и дѣти, и взрослые, иногда въ двѣ сѣмѣни, значительную часть года, напримѣръ, 230—280 дней; рабочие получали или одинъ земельный надѣль, который обрабатывали на себя въ теченіе свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, или провіантъ и ничтожную задѣльную плату. Вообщѣ, если подвести итогъ всѣмъ обычнымъ повинностямъ и поборамъ, которымъ подвергались барщины крестьяне и перевести ихъ на деньги, то, полагая даже, что баршина ограничивалась трехдневнымъ срокомъ, можно прійти къ слѣдующему выводу: по приблизительному расчету вся цѣнность труда и повинностей барщинныхъ крестьянъ, равная въ шестидесятыхъ годахъ 7—8 руб. съ ревизкой души, возрасла въ девяностыхъ годахъ до 14—16 рублей съ души, т. е. почти вдвое ⁴⁾.

Мѣстѣ сътѣмъ изъ приведенного расчета видно, что положеніе барщинныхъ крестьянъ было тяжелѣе оорочныхъ не только потому, что они вообще въ большей мѣрѣ зависѣли отъ помѣщичьяго произвола, но и потому, что постѣднему открывалась возможность, при системѣ патуральныхъ повинностей и сборовъ, получать съ нихъ по крайней мѣрѣ вдвое большій доходъ, чѣмъ съ крестьянъ, сидѣвшихъ на оброкѣ. Только въ концѣ XVIII-го в. само правительство обратило вниманіе на тяжелое положеніе барщинныхъ крестьянъ и въ извѣстномъ указѣ отъ 5 апрѣля 1797 г. попыталось облегчить его; но предписание императора Павла не отличалось удачною редакціей; въ немъ повелѣвалось „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзать принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, тѣмъ болѣе, что остающіеся въ недѣль шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемы... достаточны будуть на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“. Хотя указъ 1797 года, и имѣть принципіальное значеніе, такъ какъ ограничили власть помѣщика надъ рабочей силой крестьянина

⁴⁾ В. Семенскій, Ор. сіт I., 62—83. Е. Трифиловъ, Очерки изъ ист. кр. права, Хар., 1904, стр. 313.

и даваль понять, что часть ся принадлежить ему, а не помѣщiku, но онъ слишкомъ вскользь упомянуть объ ограничениіи барщини тремя днями и быть лишенъ какой либо санкціи: при такихъ условіяхъ указъ 1797 г. часто подвергался нарушеніямъ; впрочемъ, извѣстны случаи, когда правительство заботилось о соблюдении его и подвергало наказанію виновныхъ въ его нарушенії¹⁾.

Производить помѣщика достигать, однако, наибольшаго развиція и наиболѣе изощренныхъ формъ эксплоатациіи въ отношеніяхъ его къ дворовымъ, т. е. большою частью къ тѣмъ крѣпостнымъ, которые по его приказапію взяты были въ домъ для услугенія. Въ такихъ случаяхъ господинъ часто эксплоатировалъ личность подвластнаго ему человѣка, а не только его трудъ. Изъ многочисленной дворни, доходившей иногда до пѣсколькихъ сотъ человѣкъ, многіе, конечно, нужны были господину для веденія его домашнаго хозяйства или для охраны его личной безопасности, но многіе были предназначены и для того, чтобы удовлетворять его самимъ низкимъ страстиамъ или тщеславію: стоять только припомнить тѣ вечера, которые устраивались Есиповъ для своихъ гостей и которая заканчивались развратомъ; извѣстны также помѣщики, которые практиковали и *jus primae noctis*. У господъ бывали свои крѣпостные архитекторы, живописцы, музыканты и актеры, свои крѣпостные композиторы, отправляемые даже за границу для усовершенствованія въ музыкальномъ искусствѣ, (например, Дегтяревскій и Матинскій), и доморощенные писатели, пріобрѣвшіе некоторую извѣстность своими литературными произведеніями (например, Майковъ). Владѣльцы такихъ людей иногда простосердечно признавались, что они культивируютъ ихъ дарованія „для певинаго веселія“ и не думали о томъ, что даютъ имъ „душу на чувствованіе“ только для того, чтобы они съ большою горечью чувствовали свою рабскую зависимость отъ ихъ „произволенія“²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17909. Свидѣтельство современника о несоблюдении указа 1797 года см. В. Семенскій, Кр. Вопр., I, 233. Сперанскій придавалъ большое, можетъ быть даже слишкомъ большое значеніе указу 1797 года; въ немъ, по его мнѣнію, законъ впервые призналъ и то, что крестьянину принадлежитъ половина его силъ и что онъ можетъ иметь собственность; впрочемъ самъ Сперанскій замѣтилъ, что „сіи послѣдствія съ точностью не опредѣлены закономъ, но вѣтъ содержитя въ его смыслѣ“ (Гр. М. Сперанскій, Обозрѣніе измѣненій въ правѣ позем. собственности въ Арх. ист. и прак. св. Н. Качалова, II, 40—41; ср. ив. III, 6—7). Е. Трифильевъ, Оп. сіт., стр. 295—299, 300.

²⁾ Д. Руничъ, Записки въ Рус. Стар. 1896 г., № 11, стр. 288. С. Р. И. О., XXXVI, 344—345. С. Соловьевъ И. Р., V, 791. В. Семенскій, Кр., I, 139—159, 318—319. О Есиповѣ—Ф. Вишель, Воспоминанія т. I, стр. 133—135. См. еще записки сельскаго священника въ Рус. Стар. 1890 г., №№ 1 и 3; ср. Рус. Стар. 1873 г., т. VII, стр. 580—582.

Способы извлекать доходы изъ своихъ крѣпостныхъ не ограничивались, конечно, вышеуказанными: помѣщикъ переселять своихъ подданныхъ и „отдавать ихъ зарабатывать стѣдуемые къ уплатѣ ежегодно проценты“, а также мѣнять или продавать своихъ крестьянъ смотря по надобности. Болѣшь знать одного помѣщика, которому принадлежало почти 400 душъ: изъ нихъ онъ распродавать въ рекрутъ до 100 человѣкъ; выручивъ изъ продажи 16,000 рублей, онъ уплатить свои долги и въ то же время сохранить свою деревню; негодные въ рекрутъ продолжали работать въ ней и платить оброкъ помѣщику. Продажа крестьянъ, впрочемъ, обыкновенно вмѣстѣ съ покинутками ихъ, производилась онтому и въ розницу, особенно въ рекрутъ: мужъ съ женой чаще продавались вмѣстѣ, чѣмъ родители съ дѣтьми. Въ зависимости отъ возрастающей роскоши и расточительности дворянства и торговли людьми, повидимому, усилилась къ концу XVIII вѣка: въ 1780-хъ годахъ въ столицу „привозили людей цѣльными барками для продажи“; въ то же время, по крайней мѣрѣ въ иѣкоторыхъ местностяхъ, стала распространяться обычай продавать цѣльную деревню на выводъ. Правительство пыталось иѣсколько ограничить эту торговлю людьми: въ 1766 г. выпустить указъ, запретивший совершать купчія на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутского набора; но законъ 1766 года имѣть очень мало влиянія на житейскую практику, всегда умѣвшую обходить его требованія. Кромѣ того въ 1771 году постѣдовато запрещеніе продавать людей безъ земли, но только при конфискаціи имѣній и при продажѣ ихъ съ аукціона, что, разумѣется, не уничтожило продажи людей безъ земли во всѣхъ остальныхъ случаяхъ: и въ началь XIX-го вѣка на губернской ярмаркѣ, куда пригнались скованые помѣщичьи люди, можно было купить ихъ въ розницу¹⁾.

Для правильного извлечения доходовъ изъ вотчины, а также для уплаты подушной подати (по 70 к. съ души, съ 1794 г.— по 1 р. съ душой) и для исправленія крестьянами рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей, помѣщику выгодно было покровительствовать крестьянской общинѣ, до новой реформы ипативией и за убылья ревизкія души: хозяйственная и податная исправность крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ обеспечивалась имъ общиннымъ устроиствомъ; съ крестьянскаго мѣра удобно было также требовать платежи за крѣпостныхъ, взя-

¹⁾ И. Болотовъ, Ор. сіт., II, 221—222. С. Р. И. О. XXXII, 407; XXXVI, 262. И. С. З., т. XVII, № 12748; ср. т. XVIII, №№ 13074 и 13287; т. XIX, № 13634; въ 1768 году было запрещено принимать въ рекрутъ вольнонаемныхъ людей вмѣсто дворцовыхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ (іб., № 13103). Ср. „Трутень“ И. Новикова, изд. Ефремова, стр. 155—156 В. Семевскій, Ор. сіт., I, 166—171.

тыхъ въ дворовые, что иногда дѣялось, и за людей, про-
данныхъ въ рекруты, или деньги на покупку ихъ. Такимъ
образомъ объясняется, почему и общинное владѣніе успѣло
запачтительно развиться среди крестьянъ на владѣльческихъ зе-
мляхъ, т. е. тамъ, где, при относительной густотѣ населенія, зе-
мельномъ уѣщеніи и потребности въ уравненіи, выше указанныя
обстоятельства оказывали свое дѣйствіе. Общинное землевладѣніе
съ передѣлами, уже, вѣроятно, практиковавшееся въ имѣніяхъ
XVII-го в., получило широкое развитіе въ стѣдующемъ столѣтіи,
особенно въ центральной области, где всего бѣднѣе было кре-
постныхъ: потягольная разверстка преобладала у нихъ, особенно
у барининыхъ крестьянъ, такъ какъ представляла здѣсь большую
выгоду, чѣмъ подушная. Земля разверстывалась по „тяглахъ“,
„пѣницахъ“ и т. п.: въ составѣ одного тягла или пѣница входили
мужъ и жена, могущіе работать; такъ какъ въ выгодахъ помѣ-
щика было садить крестьянъ на тягло возможно раньше, то, вѣ-
роятно, подъ его вѣяніемъ тягловое совершеніе наступало
довольно рано; возможно, что предѣлы его расширились подъ
тѣмъ же вѣяніемъ: во второй половинѣ XVIII вѣка они опредѣ-
лялись 17-ти и даже 15-ти лѣтнимъ возрастомъ: тягла не снимали
до 60 и даже до 65 лѣтъ. Общіе передѣлы всей земли (наши,
сѣнокосовъ и присадебной земли) производились отъ времени
до времени, въ различные сроки: частные, между изѣкоторыми
домохозяевами,—обыкновенно чуть ли не каждый годъ; сами по-
мѣщики допускали разверстку тяголь, по которымъ распредѣлялись
весь помѣшество, „не рѣже какъ черезъ два или три года“. По-
мѣщикъ, отвѣчавший за запущеніе недолмокъ, не пренятствовалъ,
иногда даже содѣствовалъ и другимъ проявленіямъ общинной
жизни, въ особенности если они оказывались выгодными для
имѣнія: извѣстны случаи, напримѣръ, когда крестьянскій міръ
помогать своимъ обѣдигѣвшимъ членамъ, арендовать соѣдніе
участки казенной или частной земли и даже покупать землю съ
дозвolenія помѣщика и „на его имя“ ⁹⁾.

По прежнему помѣщикъ предоставлялъ обыкновенно выборы
должностныхъ лицъ и рѣшеніе изѣкоторыхъ мірскихъ дѣлъ (на-
примѣръ, раскладку податей и оброка) крестьянской общинѣ; на-
казаніе виновныхъ также происходило иногда „съ совѣту“, а иногда
и „съ согласіемъ“ крестьянскаго міра. Тѣмъ не менѣе крестьянская
община не была въ состояніи оградить своихъ членовъ отъ по-
мѣщичьей власти: помѣщикъ имѣть полную возможность вмѣ-
шатываться въ личную жизнь своихъ крестьянъ, или ихъ имуще-

⁹⁾ А. Волынскій, Инструкція въ Москвит. 1854 г., № 1, стр. 29. В. Семе-
скій, Ор. сіт., I, 101—139. И. Бруссекій, Недолмочность и круговая порука и пр.,
стр. 59, 70, 78 и др.

ственныя отношения и тѣмъ самыи подрывать ея значеніе; онъ распоряжался членами общины по своему усмотрѣнію: онъ устраивать или разрѣшать браки крестьянъ, братъ, кого нужно, къ себѣ въ дворовые, а также снимать съ крестьянъ тягла или накладывать ихъ на новыхъ плательщиковъ; рѣшенія крестьянскаго мѣра подлежали, обыкновенно, утвержденію помѣщика; онъ могъ взамѣнъ выборнаго назначить своего старосту или даже отдать все свое имѣніе съ крестьянами въ аренду „чужому“, который иногда „драть съ нихъ кожу“ и на которого имъ жаловаться было некому¹⁾; наконецъ, въ его власти было и наказывать своихъ крестьянъ; ей, разумѣется, подчинены были и выборные мѣра.

Дѣйствительно, личность крестьянаго находилась въ очень сильной зависимости отъ карательной власти помѣщика; до позднѣйшаго времени границы ея оставались безъ достаточно полнаго определенія въ законѣ. Хотя дѣла объ убийствахъ обыкновенно не подлежали его вѣдѣнію онъ, конечно, стремился присвоить себѣ судъ надъ подвластными ему людьми по всяческимъ дѣламъ²⁾. У каждого владѣльца могъ быть свой особенный уголовный кодексъ. Во многихъ случаяхъ отъ помѣщика зависѣло опредѣлить, какая дѣянія своихъ крестьянъ онъ будетъ считать преступными и какія изъ нихъ самыми тяжкими: во главѣ преступлений одинъ помѣщикъ ставилъ, напр., воровство, другой—нѣянство, третій—лѣнь и т. п.; помѣщикъ часто пользовался своей властью и для того, чтобы принуждать крестьянъ къ исполненію имъ же установленныхъ повинностей; отъ помѣщика зависѣло опредѣлить цѣль наказанія, придерживаться системы устрашения или системы исправленія и т. п.; отъ помѣщика зависѣло установление рода наказанія, причемъ онъ иногда самъ изобрѣтать его; отъ помѣщика, наконецъ, зависѣло и повышеніе или пониженіе мѣры наказанія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

¹⁾ А. Радищевъ, Оп. с.т., Стр. 17—18.

²⁾ Уложеніе, XI, 79. Ср. выше стр. 61, прим. 2. Предварительный разыскъ разбойниковъ и воровъ, надо полагать, также производился иногда помѣщиками; ср. П. С. З., т. XIII, № 10033. Въ указѣ отъ 18 октября 1770 года имп. Екатерина обратила вниманіе сената на то, что „побѣги, воровство и подобное не подлежать домашнему наказанію“. (П. С. З., т. XIX, № 13516); но дѣло вдовы Этингерини показываетъ, что такое правило едва ли соблюдалось въ дѣйствительности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянской совершаютъ проступокъ или преступление не противъ своего владѣльца (съ его семьею) или его же крестьянъ, а противъ кого либо другого, виновный подлежалъ расправѣ помѣщика (или его управляющаго и т. п.) лишь въ томъ случаѣ, если самъ обиженнѣй просилъ его обѣ этомъ; въ противномъ случаѣ дѣла подобного рода рѣшались въ судебныхъ или полицейскихъ мѣстахъ; но едва ли случаи постѣдняго рода часто повторялись. Объ опредѣленіи и ограниченіи карательной власти помѣщика см. Второе Пол. Соб. Зак., т. XXI, № 19640 (1846 г., Янв. 21).

Въ одномъ „журналѣ домоваго управлениі“ постановлено за опровергнутую солонку (что считалось дурнымъ преднаменованіемъ) наказывать человѣка палками, а „за подаваніе худыхъ сливокъ“ не давать прислугѣ хлѣба въ теченіе семи дней. Одинъ изъ извѣстныхъ помѣщиковъ того времени терпѣть не могъ пьяныхъ и велѣль поливать своихъ пьяныхъ крестьянъ водою изъ колодца, даже зимою, для того, чтобы они „стыдъ и муку помнили“. Аналогичную цѣль („стыдъ“) преслѣдовать и другой судья-помѣщикъ; однажды онъ постановилъ, за какую-то провинность своей крѣпостной, Фекты Яковлевой „впредь именемъ и отечествомъ ее не звать никому, а звать ее всѣмъ труслихъ и лживницей“, причемъ грозить виновному въ нарушеніи этого правила наказаніемъ розгами, „по 5000 разъ, пещадно“. Бывали случаи, когда тѣ же цѣли („стыдъ и мука“) еще яснѣе только-что приведенного примѣра соединялись съ изобрѣтательностью помѣщика касательно самого рода наказанія: въ одномъ имѣніи существовать „складной жестѣзныи ошейникъ; съ боковъ его были желѣзные рога съ подвѣшеными къ нимъ колокольчиками, а висячій замокъ, на который опь замыкался, колотилъ виновнаго по спинѣ“; въ такомъ ошейнике его отправляли въ заводскую работу. Наконецъ, мѣра наказанія также зависѣла отъ „усмотрѣнія“ помѣщика: можно было наказать виновнаго сразу и помногу, опредѣливши ему, напримѣръ, 100 ударовъ пластиами или 17000 розогъ; но можно было „повторять сѣченіе понемногу иѣсколько разъ“, что иногда доводило истязуемаго до самоубийства ¹⁾.

Нѣкоторые роды наказаній, грозившихъ провинившимся крестьянамъ и повидимому примѣнявшихся чаще другихъ, были особенно отяготительны для нихъ; таковыми можно признать, главнымъ образомъ, ссылку въ Сибирь и тѣлесное наказаніе, иногда причинившее смерть наказуемаго.—Право помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь на поселеніе въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, хотя и ограничено было иѣкоторыми условіями, однако приводило къ крупнымъ злоупотребленіямъ. Помѣщики часто пользовались указомъ 1760 года для того, чтобы избавиться отъ обязанности кормить людей, не приносившихъ имъ никакого дохода: они отправляли въ одиночную ссылку людей старыхъ, увѣчныхъ или не годившихся въ рекруты и даже продавали зачетная квитанціи на нихъ, а, „судъ не могъ спросить о причинѣ ссылки и пслѣдововать дѣло“. И хотя дѣйствіе указа 1760 года было временно пріостановлено въ 1773 году,

¹⁾ А. Романович-Славатинский, Ор. сіт., стр. 309. И. Забѣлинъ, Ор. сіт., В. Е. 1871 г., № 2, стр. 509—512. В. Семёновский, Ор. сіт. I, 197, 201, 210. А. Боломова, Записки, IV, 1034—10037.

но, во всякомъ случаѣ, черезъ четырнадцать лѣтъ сенатъ снова подтвердить тотъ же указъ. Впрочемъ даже временная пріостановка его не лишила помѣщиковъ права отдавать на каторгу людей своихъ, „поprodерзостиому состоянію застуживавшихъ справедливое наказаніе“: указъ 1765 года помимо какихъ бы то ни было колонизаціонныхъ цѣлей постановилъ, что бы адмиралтейская коллегія принимала такихъ людей и употребляла ихъ въ тяжкую работу съ каторжными до тѣхъ поръ, пока помѣщики не захотятъ взять ихъ обратно¹⁾. И этотъ указъ, разумѣется, породилъ много злоупотреблений, аналогичныхъ съ вышеуказанными.—Тѣлесное наказаніе также примѣнялось къ крѣпостнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: не говоря о „пристрастномъ допросѣ“, на которомъ помѣщики прибѣгали къ вытиѣ подвластныхъ имъ людей, они наказывали ихъ, иногда за маловажныя провинности, и кнутомъ, и плетьми, и „кошками“, и палками, и розгами: впрочемъ, кнутъ, кажется, выходилъ уже изъ общаго употребленія, а палки стали замѣняться батогами или розгами: бывали даже помѣщики, которые считали возможнымъ (въ 1780-хъ г.) прибѣгать и къ розгамъ только „въ крайности“. Мѣра наказанія иногда превышала выносимость крѣпостныхъ и истязанія причиняли ихъ смерть. Извѣстны, правда, исключительные случаи, когда помѣщики собственноручно сѣкли своихъ подданныхъ и испытывали какое то чувство наслажденія въ мучительствѣ своихъ людей: имъ прославились, напримѣръ, Карташевъ и Шенинъ, Козловская и Салтычиха. И хотя на такія изъ ряда воинъ выходящія мучительства можно было жаловаться, по крайней мѣре до указа 1767 года, по дѣлу о Салтычихѣ ясно показываетъ, какъ трудно было крѣпостнымъ мученикамъ добиться справедливости. Несмотря на то, что истязанія Салтычихи происходили не гдѣ нибудь на окраинѣ, въ какой нибудь глухой и отдаленной провинціи, а въ самомъ центрѣ Россіи, въ Москвѣ или подмосковномъ селѣ Троицкомъ, она въ теченіе шести лѣтъ безпрестанно и безнаказанно мучила своихъ крѣпостныхъ. Донесы ихъ на вліятельную и богатую помѣщицу долгое время оставались безуспѣшными: дѣло начиналось двадцать одинъ разъ и каждый разъ прекращалось безъ всякихъ постѣдствій для нея, пока члобитная одного изъ дворовыхъ Салтычихи о ея суроностихъ не достигла, наконецъ, до императрицы; но въ то время Салтычиха, по показанію ея людей, успѣла уже замучить 75 человѣкъ, а юстиц-коллегія положителью обвинила ее въ убийствѣ 38 человѣкъ и оправдала ее только по одному случаю. И

¹⁾ П. С. З., XVII, № 12311 (ук. 1765 г. явл. 17) т. XIX, № 14077; т. XXII, № 16602. Въ указѣ рѣчь идетъ о „людяхъ помѣщика“; о позднѣйшихъ колебаніяхъ законодательства XVIII вѣка по этому вопросу см. В. Семёновскій, Оп. сіт. I, 188—187. L. Blum, Ein russischer Staatsmann, I, 290—291, 393—394.

хотя сама императрица сознавала необходимость „сделать положение о томъ, чтд съ такими чинить, какъ суровость противъ человѣка употребляются“, однако, никакого общаго закона подобнаго рода не было издано: въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣла о помѣщикахъ-мучителяхъ доходили до свѣдѣй правительства, оно довольствовалось частными рѣшеніями, присуждая виноваго или виновицу то къ церковному покаянію, то къ заключенію въ монастырь, или въ тюрьму, то къ лишенію правъ состоянія, клейменію на лбу и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы. Только учрежденіе о губерніяхъ предоставило намѣстнику право „пресекать всякаго рода злоупотребленія, а напаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутства и мотоветство, тиранство и жестокости“; такое „обузданіе“ дѣйствительно осуществлялось или путемъ отдачи имѣнія въ опеку, о чемъ уже разсуждали члены большої комиссіи, или преданіемъ суду самого владѣльца; но примѣненіе этого правила зависѣло отъ усмотрѣнія намѣстника; оно не могло замѣнить отсутствующей общей законъ объ ответственности помѣщиковъ за мученія своихъ крѣпостныхъ.¹⁾ Еще въ 1767 году юстиць-коллегія заявила, что „точного закону“ ить относительно тѣхъ случаевъ, когда крѣпостные „вокорѣ помрутъ“, постѣ жестокихъ наказаний и побоевъ, и что „въ томъ состоять недостатокъ: по пробѣгть, указанный юстиць-коллегіей въ современномъ ей законодательствѣ, не быть восполнень до поздѣйшаго времени.“

Всѣ эти злоупотребленія, разумѣется, могли еще болѣе усиливаться, когда во главѣ вотчиннаго управлѣнія стоять управитель или приказчикъ, „пользовавшійся милостью своего господина, но употреблявшій её не только во вредъ оному, но и въ великий ущербъ всему обществу“²⁾.

Положеніе крестьянъ становилось тѣмъ болѣе безвыходнымъ, что сенатскій указъ отъ 22 августа 1767 года, ссылаясь на одну изъ статей Уложенія, лишилъ ихъ права подавать челобитнія на злоупотребленія своихъ помѣщиковъ даже въ низшія инстанціи, причемъ виновнымъ въ нарушеніи его грозилъ кнутъ и беззрочной ссылкой въ каторжныя работы съ зачетомъ ихъ вѣ-

¹⁾ Императрица Екатерина II, Отвѣты на вопросы Лидро въ Рус. Арх. 1890 г., № 3, стб. 6—7: „Землевладѣльцы дѣлаютъ въ своихъ помѣщикахъ все, что имъ заблагоразсудится, кроме смертной казни, которая имъ запрещена“. Г. Студенкинъ, Салтычиха въ Рус. Стар. 1874 г., т. X, стр. 497—549. П. С. З., т. XX, № 14392, п. 84. С. Соловьевъ, И. Р., V, 158. В. Семевскій, Ор. сіт., I, 193, 195, 197—198; 229—230, 449, 450, 451, 454: дѣла объ убийствахъ помѣщиковъ своихъ крѣпостныхъ см. тамъ же, стр. 229—230; дѣло о предашпѣ опекѣ см. тамъ же, стр. 380—381 и въ Сб. „Осьмнадцатый вѣкъ“, I, 171, 175, 177—178. С. Р. И. О. ХІІІ, 117.

²⁾ С. Р. И. О. XXXII, 468. С. Соловьевъ, И. Р., V, 758

дѣльцамъ въ рекрутъ; случаи примѣненія такого наказанія извѣстны. Законъ, запрещавшій крѣпостнымъ жаловаться на своихъ господь, хотя и не могъ сразу уничтожить старинного обычая, но, по словамъ одного изъ современниковъ, дѣлать крѣпостныхъ „безсовѣстными скотами, покорность коихъ посему дѣльце всякой вѣроятности такъ же, какъ и звѣрство ихъ властелновъ прощается“; „надобно быть допущеннымъ во внутренность домовъ дворянскихъ, писать онь далѣе, дабы видѣть всѣ своевольства, происходящія въ сихъ вертепахъ“ ¹⁾.

Впрочемъ, нельзя вполнѣ согласиться съ этимъ заключеніемъ. По замѣчанію другого современника „человѣкъ, не имѣющій никакихъ выгодъ, которыхъ могли бы его возбуждать къ сохраненію такого общества, гдѣ онъ ничего не составляетъ и всегда страждеть, долженъ мало иметь къ нему горячности; онъ знаетъ, что какая бы въ немъ перемѣна не случилась, то ему потерять нечего; иногда также случается, что такие люди, не видя конца своимъ бѣдствіямъ, приходятъ въ отчаяніе и приступаютъ къ опасной для каждого общества крайности“ ²⁾. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда гнетъ помѣщицей власти превышаетъ силы и терпѣніе крѣпостныхъ, они никогда искали какого нибудь выхода изъ своего положенія.

Самымъ сподручнымъ средствомъ было, конечно, бѣгство: по свидѣтельству современниковъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ, вызывавшихъ крестьянскіе побѣги, были именно злоупотребленія помѣщиковъ. Несмотря на жестокія наказанія, грозившія бѣглецамъ, и высокіе штрафы за пріемъ бѣглыхъ (въ силу указа 1754 года въ годъ по 200 рублей за мужчину и 100 рублей за женщину, принятыхъ съ вѣдома помѣщика) побѣги продолжались: крѣпостные бросали свои насиженныя мѣста преимущественно весною и часто уходили или въ отдаленные провинціи имперіи, на окраины, гдѣ правительству приходилось иногда оставлять ихъ безъ возвращенія, или за польскую границу, гдѣ легче было укрыться отъ помѣщиковъ. Правительство старалось вернуть бѣглецовъ и манифестами, обѣщавшими прощеніе, и другими мѣрами; но эти мѣры остава-

¹⁾ П. С. З., т. XVIII, № 12966. Подача челобитенъ самой императрицѣ уже была запрещена подъ страхомъ наказанія сенатскимъ указомъ отъ 12 июля 1762 и 19 января 1765 года (П. С. З., т. XVI, № 11606 и т. XVII, № 12316, а также и др.) и подтверждена указомъ отъ 22 августа 1767 года съ усиленіемъ наказанія. Ср. Рус. Арх. 1866 г., ст. 64. Г. Винскій, Записки въ Рус. Арх. 1877 г. №№ 1—2, стр. 181—182. Даже по дѣламъ, переходившимъ въ судебнаго мѣста, владѣльцевъ спрашивали иногда: „что хотите дѣлать съ виновнымъ?; см. Д. Мертою, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 34. См. выше стр. 102.

²⁾ А. Полковоз, О крѣпостномъ состояніи въ Россіи въ Рус. Арх. 1865 г., № 3, стб. 8.

лись болѣшею частью безуспѣшными, хотя оно уже съ 1759 года предлагало перебѣжчикамъ, вмѣсто возвращенія изъ въ прежнюю зависимость, поступать въ дворцовые крестьяне или на фортификаціонныя работы. Послѣ польскихъ раздѣловъ и покоренія Крыма границы имперіи широко раздвинулись и побѣги стали труднѣе; при томъ по примѣру манифеста 1761 года правительство съ 1779 года начало предлагать перебѣжчикамъ льготныя условія поселенія преимущественно на свободныхъ казенныхъ земляхъ бывшей южной украины, что продолжалось и въ послѣдующее время (указы 1782 и 1787 гг.). Положеніе крѣпостныхъ, которымъ нельзя или некуда было бѣжать, становилось гораздо болѣе опаснымъ: за исключеніемъ развѣ самоубійства, имъ оставалось только активно сопротивляться помѣщикамъ. Извѣстны случаи убійства помѣщиковъ крѣпостными или крестьянскими волненій. Нѣкоторые депутаты большої комиссіи указывали собранію на то, что „уже многіе помѣщики училились несчастною жертвою свирѣпости“ крѣпостныхъ; дѣйствительно, съ 1764 по 1769 годы въ одной только московской губерніи можно было насчитать до 30 случаевъ убійства помѣщиковъ и помѣщицъ ихъ крѣпостными, да еще 5 покушеній на преступленія такого же рода; но на самомъ дѣлѣ ихъ, вѣроятно, было больше приведенной цифры. Легко указать на нѣсколько подобныхъ же случаевъ и въ позднѣйшее время. Убійства производились иногда пѣсколькими крѣпостными, состоявшими „въ заговорѣ“. Виновные строго наказывались, но не подвергались смертной казни, о примененіи которой просили московскіе департаменты сената.

Тотъ же гнѣтъ помѣщичьяго „права господства“ послужилъ одною изъ причинъ крестьянскихъ волненій противъ помѣщиковъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что эти движенія были вызваны и другими причинами; въ числѣ ихъ существенное значение получило сознаніе того различія, которое существовало между положеніемъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, а также той противоположности между безправіемъ крѣпостныхъ и сословными привилегіями дворянства, которая возникла послѣ указа 18 февраля 1762 года ¹⁾.

Сравнительно выгодное положеніе казенныхъ крестьянъ должно было, конечно, вызывать желаніе крѣпостныхъ также пользоваться его преимуществами. „Представилось мнѣ, писать одинъ изъ современниковъ, неравенство крестьянскаго состоянія: сравнить я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими; тѣ

¹⁾ Важнѣйшія узаконенія о бѣглыхъ см. въ П. С. З., т. XIV, № 10233; т. XVII, № 12506; т. XX, № 14392, пп. 244, 252 и 275; — о перебѣжчикахъ: П. С. З., т. XX, № 14870 и др.; ср. т. XXII, № 16281. *Н. Дубровинъ*, Op. cit., I, 350—351.

и другое живутъ въ деревняхъ: но одни платятъ известное, а другое должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ; одни судятся своимъ равными, а другое въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ"... Надежды крестьянъ на улучшениѣ ихъ положенія могли усиливаться подъ влияніемъ длиннаго ряда попытокъ секуляризовать вотчины, принадлежавшія духовенству, а окончательная секуляризациѣ ихъ въ 1764-мъ году вызвала неудовольствие изъкоторыхъ дворянъ, можетъ быть опасавшихся, что за нее постѣдутъ какія-нибудь аналогичныя мѣры касательно ихъ собственныхъ крестьянъ. Волненія крестьянъ церковныхъ вотчинъ въ 1750-хъ и 1760-хъ годахъ, посѣтѣ которыхъ наступила секуляризациѣ 1764 г., также могли заразительнымъ образомъ действовать на помѣщицкихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ обращались къ правительству съ просьбами избавить ихъ отъ крестьянской зависимости и принести имъ въ дворцовыѣ или государственныѣ волости; такія пожеланія высказывали, напримѣръ, крестьяне, воспользовавшіеся въ изъкоторыхъ вотчинахъ въ 1762-мъ году. „Помѣщицы крестьяне, писать сенатъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ 1766 года, листятся, сколько можно, быть государственными крестьянами и въ томъ единомъ только видѣ отъ своихъ помѣщиковъ бѣгаютъ“ или „дѣлаютъ помѣщикамъ различныя непослушанія и противности“, что приуждаетъ правительство „приводить ихъ въ умѣренность“. Пугачевъ и его сообщники расчитывали на то же ожиданіе: въ одномъ изъ своихъ манифестовъ Пугачевъ въ чистѣ проихъ милостей обѣщаѣтъ „всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщикамъ, быть вѣриоподданными рабами собственно его короны“; матежники говорили народу: „а крестьянъ всѣхъ государь хочетъ отъ бояръ отобрать и имѣть ихъ токмо за своихъ именемъ“¹⁾.

Въ то же время противоположность между почти безправнымъ положеніемъ крестьянъ и привилегіями дворянства стала особенно очутительна. Въ самомъ дѣлѣ права, оставившіяся за помѣщицкими крестьянами, были ничтожны. Статьи Уложенія о бѣдствіи и увѣчье, а также о свидѣтельствѣ на судѣ, кажется, не были отменены, но въ дѣйствительности едва-ли имѣли значеніе: крестьяне могли сами за себя искаль и отвѣчать въ гражданскихъ дѣлахъ, но законъ давалъ помѣщикамъ искаль за своихъ крестьянъ, а помѣщики иногда даже запрещали имъ „самимъ входить въ тяжебныя дѣла“ и отвѣчали за убытки, при-

1) И. С. З., т. XIV, № 10233, п. 33; т. XV, № 11577; т. XVII, № 12633. А. Радищевъ, Путешествіе, Сиб., 1858 г., стр. 18 — 19. Рус. Стар. 1876 г., т. XVII, стр. 70. С. Соловьевъ, И. Р., V, 686 и 688. Я. Громъ, Матер. для ист. Пугач. бунта, Сиб. 1875 г., стр. 53. Н. Дубровинъ, Ор. сіт., II, 144; 53 и 112. В. Семёновскій, Ор. сіт., II, 278.

чиняемые имъ крестьянами. Имущественные права крѣпостныхъ, упоминаемыя въ законѣ, были также поставлены въ зависимость отъ воли помѣщика: правда, законъ по прежнему вмѣнять ему въ обязанность въ случаѣ хлѣбного недорода «корчить крестьянъ своимъ хлѣбомъ» и запрещать ему выпускать крѣпостныхъ людей, въ томъ числѣ стѣнныхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ, для прошения милостины, грозя въ противномъ случаѣ наказать виноваго пятьюрублевымъ штрафомъ «за каждого человѣка» и поступить съ нимъ по всей строгости¹⁾; но такія запрещенія, едвали оказывали болѣе дѣйствіе и, можетъ быть, въ извѣстной мѣрѣ даже служили предлогомъ для того, чтобы усилить имущественную зависимость крѣпостныхъ отъ нихъ владѣльцевъ. На основаніи указа 1762 года крѣпостные могли заниматься въ посадѣ лишь съ увольнительнымъ инсѣмомъ отъ помѣщика, и хотя въ 1774 году получили дозволеніе вступать въ винные откупы, но только за его же поручительствомъ. Привилегіи дворянства, напротивъ, висели окрѣпли: въ 1762 году появился извѣстный манифестъ о вольности дворянской, а въ 1785 г. жалованная грамата дворянству, постановляющая, чтобы «благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и непарушимо»; жалованная грамота 1785 г. даже расширила нѣкоторыя личныя и имущественные права дворянъ, обезпечивъ вмѣсть съ тѣмъ неизрѣкованность дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властью, а также придала дворянству прочную сословную организацію²⁾. При такихъ условіяхъ противоподобность между состояніемъ крѣпостныхъ и состояніемъ дворянъ рѣзко бросалась въ глаза, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда постыдные злоупотребленія своею властью. А между тѣмъ сами крестьяне едва ли успѣли совсѣмъ забыть мысль, вѣкогда высказавшую крестьяниномъ-Посониковымъ о томъ, что «дворяне владѣютъ ими временно», а не «вѣковѣчные ими владѣльцы». Манифестъ 18 февраля 1762 года и созваніе комиссіи 1767—1768 гг., повидимому, возбудили у крестьянъ слухи о какомъ-то освобожденіи філи, по крайней мѣрѣ, обѣ ограниченніи власти помѣщиковъ; правительство попыталось опровергнуть ихъ въ указѣ 19 июня того же года. Такія же ожиданія возникали у крестьянъ много разъ и въ постѣдующія царствованія³⁾.

Можно думать, что подъ влияніемъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ возникновенія помѣщичьихъ крестьянъ, уже происходившія

¹⁾ П. С. З., т. XIX, №№ 13767 и 14231, п. 4; ср. выше стр. 87, 94, 105 и 106.

²⁾ П. С. З., т. XV, № 11426; ср. т. XIX, № 14123; т. XX, № 14632; т. XXII, № 16335, п. 23.

³⁾ Фальшивый манифестъ отъ 1 ноября 1781 г. обѣ освобожденіи крестьянъ см. В. Соловѣцкій, Ор. сіт., I, 452.

кое-гдѣ и въ предшествующемъ періодѣ, значительно усилились. Весною 1762 года въ восьми уѣздахъ началось движение крѣпостного населенія пѣсколькихъ вотчинъ, причемъ общее число крестьянъ въ нихъ доходило до 5.840 душъ; вслѣдъ за тѣмъ волненіе распространилось и на другія вотчины, такъ что лѣтомъ того же года захватило до 50.000 душъ, не считая монастырскихъ крестьянъ. Военному отряду, посланному для усмиренія возставшихъ, пришлось, однажды, встрѣтить толпу тысячи въ двѣ человѣкъ и стрѣлять въ нее изъ пушекъ, причемъ было убито около 20 крестьянъ. Волненія продолжались и въ послѣдующее время; между 1762—72 гг. они произошли болѣе чѣмъ въ 36 вотчинахъ и вызвали серьезная опасенія со стороны дворянства; одинъ изъ членовъ большої комиссіи сравнивалъ даже крестьянъ съ пчелою, которая, защищая свое собственное добро, кусаетъ и жалитъ того, кто посягаєтъ на него¹⁾. Опасенія дворянства оправдались. Въ Пугачевскомъ бунтѣ движение крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ играло, конечно, существенную роль; въ то время крестьяне говорили дворянамъ: „пришла ваша пора“; а въ пугачевскихъ манифестахъ повѣтѣвается „дворянъ-разорителей ловить, казнить и вѣшать и поступать [съ ними] равнымъ образомъ такъ, какъ они... чинили съ своими крестьянами“; известно, что послѣдніе исполняли такія предписанія и что въ теченіе бунта было перебито, по официальнымъ даннымъ, значительное число дворянъ обоего пола. Послѣ суроваго усмиренія Пугачевского бунта крестьянскія волненія на время затихли; но по вступленіи на престолъ императора Павла они возобновились съ новою силой и продолжались въ теченіе года сплошкомъ въ тридцати одной губерніяхъ²⁾.

Вопреки тѣмъ послѣдовательностямъ, которыя порождало крѣпостное право, и тѣмъ опасеніямъ, которая оно вызывало въ самой императрицѣ Екатеринѣ II, она не только почти ничего не сдѣлала для того, чтобы измѣнить сложившійся порядокъ крѣпостныхъ отношений, но разочаровалась въ самой возможности измѣнить его и рѣшилась распространить крѣпостное право на новые и вновь приобрѣтенные ею области. Впрочемъ, такія постановленія въ значительной мѣрѣ были подготовлены мѣстными условіями обще-

¹⁾ С. Р. И. О., VIII, 533; XXX, 499—500; LXVIII, 13, 598 и 615.

²⁾ П. С. З., т. XVI, № 11678; т. XXIV, № 17769. С. Соловьевъ, И. Р., XXV 23—24. Впрочемъ въ рапортѣ генераль-прокурора А. Глѣбова имп. Петру III отъ 30 мая 1762 года (Арх. Мин. Имп. Дѣлъ) за Е. Татищевымъ значится въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ 1500 душъ, а Хлоповъ вовсе не упомянутъ; остальные цифры сходны съ приведенными у Соловьева. Д. Меркуловъ, Записки въ Рус. Арх. 1867 г., стр. 15, 17. Рус. Стар. 1875 г. XIII, стр. 441. Н. Дубровинъ, Оп. сіт., II, 144; III, 56 и 112. Е. Трибульевъ, Оп. сіт., стр. 282—283, 284—289.

ствениої жизни и предшествующими распоряжениями самого правительства.

Уже въ 1730-хъ годахъ правительству стало известно, напримѣрь, что въ Слободской украинѣ многіе казаки приходятъ въ крайнее разореніе и оставя свои грунты, записываются за помѣщикомъ. Шаховской, посланный туда для возстановленія порядка, по собственному усмотрѣнію, раздавать полковымъ офицерамъ „мѣстечки, села и деревни съ грунтами, да изъ казачьихъ братьевъ, свойственниковъ и подпомощниковъ довольноное число: они было принуждены состоять въ ихъ подданствѣ и нести всякия работы по примѣру крестьянъ“; хотя дѣйствія Шаховского и не заслужили одобренія правительства, однако, переходы мѣстного населения вскорѣ были стѣснены. Уже въ 1738 году появился указъ о томъ, чтобы казаковъ и людей слободскихъ полковъ, бѣжавшихъ въ разныя мѣста, а особенно въ великороссійскія губерніи, „всемѣрно безъ всякаго отлагательства всѣхъ сыскать и пріемщикамъ на ихъ подводахъ и коштѣ на прежнія ихъ жилища немедленно отвести и таможнимъ командирамъ отдать“. Всѣдѣль за тѣмъ, вскорѣ по учрежденіи комиссіи для преобразованія слободскихъ полковъ въ особливую губернію въ 1765 году, населеніе слободской Украины потеряло право перехода¹⁾.

Въ Малороссії внутренній процессъ закрѣпощенія сельскаго населенія, во многихъ отложеніяхъ аналогичный съ тѣмъ, который происходитъ и въ Великороссії, дѣйствовать за долго до вмѣшательства въ него центрального правительства.—До времени польскихъ раздѣловъ почти вся правобережная Украина оставалась подъ польскимъ владычествомъ; сельское населеніе ея постепенно подпало власти шляхты, которая съ 1569 г. старалась ввести сюда крѣпостные порядки, уже въ полной мѣрѣ утвердившіеся въ другихъ польскихъ провинціяхъ. Съ начала XVIII-го вѣка, когда казачество въ правобережной Украинѣ потеряло значеніе, власть шановъ, несмотря на движенія гайдамаковъ, продолжала усиливаться; можно думать, что подъ вліяніемъ народныхъ волненій (колівщины въ 1768 г.) и колонизаціи новороссійскаго края, землевладѣльцы старались повидимому, удержать крестьянъ въ своихъ имѣніяхъ, особенно въ мѣстностяхъ, граничившихъ съ Новороссіей, и даже обезпечивали ихъ землею на довольно льготныхъ условіяхъ; но постѣ польскихъ раздѣловъ такія мѣры стали излишними и положеніе владѣльческихъ кресть-

¹⁾ П. С. З., т. X, № 7588; т. XI, № 8823; т. XVII, № 12430; ср. т. XXI, № 15724, п. 11. С. Р. И. О., VIII, 296—297; XXXII, 370, LXVIII, 255, 258, 269, 278, 281. Сб. Хар. Ист. Фил. Об., V, 255; XI, 339. *П. Головинскій, Слоб. каз. полки, Спб., 1864 г. А. Шимановъ, Глав. мом. въ ист. землевл. въ Харьк. губ. въ Kiev. Стар. 1882 г. IV, 401—408.* См. еще П. С. З., т. XXI, № 15724, ст. II, п. 8 (ук. 1783 г.).

янь снова ухудшилось, а шляхта въ присоединенной территории по своимъ правамъ была привлечена къ российскому дворянству¹).— Въ лѣвобережной Украинѣ постъ извѣстнаго народнаго возстанія 1648—1654 гг., сельское населеніе, казалось, должно было освободиться отъ крѣпостной зависимости; но здесь вскорѣ во дворянинъ тѣ же крѣпостные порядки. Къ концу XVII-го вѣка послопиты (крестьяне), права которыхъ вообще были слишкомъ мало определены закономъ, стали обособляться отъ остального населения, а «державцы маестности» начали выдѣляться въ особое привилегированное сословіе, сильно влияющее на мѣстную администрацию и судебную практику. Уже въ 1654 году, во время переговоровъ о правахъ всѣхъ жителей Малой Россіи, посланники войска запорожскаго (Зарудный и Тетеря) просили, чтобы имъ были выданы жалованія грамоты на пѣкоторя мѣстности «ъ подданными» и чтобы члены боярства и настѣнники «по извычаю, каковъ въ тѣхъ краяхъ ведется», «были волны въ своихъ подданныхъ, какъ хотя ими уряжати и обладати»; согласно желанию представителей, въ граматахъ, выданныхъ имъ, было прописано, что маестности жалуются имъ «со крестьянами»²). Стремленіе державцевъ закрѣпостить подвластное имъ населеніе вскорѣ повело и къ дальнѣйшимъ результатамъ. Хотя въ первой трети XVII-го вѣка послопиты все еще пользовались свободой перехода и правомъ собственности на движимое и недвижимое имущество, но въ тоже время, обязанные «всякимъ наложеннымъ послушаніемъ» своимъ державцамъ, они стали, однако, постепенно подчиняться расширявшейся власти ихъ. Свѣтекіе и духовные державцы скучали земли казаковъ и свободныхъ послопитыхъ, иногда обращавшихся въ «подсусѣдовъ» новыхъ владѣльцевъ, и, напротивъ, старались предупредить или задержать отчужденіе земель, принадлежавшихъ владѣльческимъ послопитымъ³). Вмѣсть съ тѣмъ державцы стремились присвоить себѣ эти «грунты», а крестьянъ обратить въ «лѣчныхъ своихъ подданныхъ», т. е. въ сущности въ крѣпостныхъ работниковъ: для этого они или вы-

¹⁾ И. С. З., т. XX, № 14376 и др. *В. Антонович*, Изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи, К., 1870 г., стр. 51—64.

²⁾ Г. Карповъ, О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи въ Рус. Арх. 1875 г., т. II, стр. 229—232. Б. Хмельницкій уже въ 1648 году подтвердилъ прежніи права Густынскаго монастыря, между прочимъ «абы зъ ихъ кгруитовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приимовали...»... «сколько видимъ изъ актовъ, почти всѣ монастыри» получили подтвержденія своихъ прежніхъ правъ; см. А. Лазаревскій, Малороссійские послопиты крестьяне, Черн. 1866 г., стр. 14—15; ср. стр. 18.

³⁾ Е. Радакова, О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVII ст. въ Тр. XI Арх. стѣбада, К., 1902 г., т. II, стр. 105—125; авторъ приводитъ документальныя данія объ «обширной группѣ населения, считавшейся безземельной».

могали у нихъ иногда „обязательство“ не сходить съ земли, или просто насильно удерживали ихъ въ своихъ имѣніяхъ, злоупотребляя своей властью вообще и судебной въ частности. Попытные, разумѣется, пытались пользоваться переходомъ для того, чтобы нѣсколько оградить себя отъ произвола владѣльцевъ и отъ возраставшаго бремени повинностей, которая они исправляли въ ихъ пользу; по крестьянамъ трудно было оставлять дома и жилища свои, гдѣ они порождалися, а державцы позабочились принять свои мѣры: имъ удалось обставить право крестьянскаго перехода такими условіями, которая въ высшей степени затрудняли возможность пользоваться имъ. Уже въ 1727 году, несмотря на нѣсколько случаевъ крестьянскихъ воснешій въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, повторявшихся и впослѣдствіи, генеральная канцелярія выставила касательно права перехода положеніе, очевидно, наѣздиное состояніе-крѣпостническими тенденціями малорусскаго шляхетства: хотя крестьянинъ, по мнѣнію канцеляріи, и имѣть право переходить съ занятаго имъ участка къ другому владѣльцу, но въ такомъ случаѣ ему уже „не свободно и невозможнѣ“ владѣть тѣмъ грунтомъ, который остается за прежнимъ державцемъ; при переходѣ крестьянину „безъ отнятія“ остается только то, что онъ „можетъ движимыхъ пожитковъ унести или увезти за собою“. Державцы не удовлетворились, однако, этимъ стѣнченіемъ: такъ какъ попытки ихъ прикрыть крестьянинъ въ то время не увенчались успехомъ, то они продолжали затруднять условія перехода: имъ легко было воспользоваться тѣмъ, что въ указѣ 18 января 1742 года, „по прежнему“ дозволившемъ крестьянамъ свободно переходить съ мѣста на мѣсто, ничего не говорилось о крестьянскомъ имуществѣ. Благодаря такому пробѣду, имъ удалось провести въ судебную практику 1750-хъ годовъ правило, сложившееся подъ влияніемъ літовскаго статута; по одному частному дѣлу генеральная канцелярія въ 1759 году выскалала общее положеніе, естественно вытекавшее изъ допущенныхъ уже ограничений: такъ какъ земля, на которой сидѣть крестьянинъ, несаха она, принадлежать владѣльцу, а крестьянинъ „спадѣваетъ себѣ во всемъ“, пользоваясь владѣльческою землею и всячими угодьями, то, значитъ, все, что онъ ни приобрѣтаетъ себѣ изъ движимости, приобрѣтается имъ по дозволенію того, „чи суть грунты“: стѣдовательно, и движимое имущество крестьянина въ случаѣ перехода его должно оставаться за тѣмъ владѣльцемъ, отъ которого онъ уходитъ. Такая точка зрѣнія, высказанная генеральной канцеляріей въ докладѣ гетману Разумовскому, вообще мало входившему въ дѣла, всесфюло отразилась и въ его универсалѣ отъ 29 апрѣля 1760 года: онъ лишилъ крестьянина права при переходѣ забирать съ собою важкое имъ имѣніе и запретилъ

владельцамъ принимать посполитыхъ безъ письменныхъ отпусковъ отъ тѣхъ державцевъ, изъ за которыхъ они вышли: правда, универсалъ 1760 года вмѣнялъ въ обязанность державцѣ давать отцускныя посполитому и постѣдній въ противномъ случаѣ могъ обратиться въ ближайшій „урядъ“; по на дѣлѣ едва-ли это средство могло имѣть большое значеніе: владѣльцы прямо называли универсалъ 1760 года „ордеромъ о непереходѣ подданнымъ съ подъ владѣльца въ другое владѣліе“¹⁾). Такимъ образомъ мѣстная жизнь уже выработала тѣ начала закрѣпощеній, которыя были подтверждены указами 1763 и 1783 гг. Русское правительство давно привыкло къ тѣмъ крѣпостнымъ порядкамъ, которые частью прививались къ „вольнымъ черкасамъ“, селившимся въ великорусскихъ провинціяхъ, частью запосились и въ малорусскія имѣнія великорусскихъ или великорусскія имѣнія малорусскихъ помѣщиковъ, частью, наконецъ, входили въ обычай и у малорусскихъ державцевъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они владѣли бѣглыми крѣпостными изъ Великороссіи и Польши. Впрочемъ русское правительство, запрещая переходъ малорусскихъ крестьянъ, исходило и изъ иныхъ соображеній, чѣмъ мѣстное пылкотѣство: ссылаясь на свое желаніе возстановить „добро и покой малороссийскаго народа“, а также облегчить отягощенія „остающихся въ семьяхъ“ плательщиковъ и „убогихъ“ помѣщиковъ, причиняемыя крестьянскими переходами, оно, однако, имѣло въ виду и интересы фиска, и уничтоженіе провинціальной автономіи Малороссіи, допущеніе которой, по словамъ Екатерины, было бы „глупостью“. Указъ 10 декабря 1763 года, повелѣвавшій „всѣмъ, гдѣ кто съ публикованіемъ его на поселеніи... находится, пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣшаго утѣсненія“, вмѣстѣ съ тѣмъ все еще разрѣшать „свободный переходъ“ и даже грозить штрафомъ тому державцу, который не выдастъ письменного отпуска желающему перейти: въ указѣ 1763 года велико, однако, такой переходъ: „имѣть во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи право малороссий-

¹⁾) И. Новицкій, Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вв. К., 1876 г. (Арх. Ю.З. Рес., ч. VI, т. 1). А. Лазаревскій, Оп. сіт., стр. 28—29; о мѣрахъ Мазепы см. тамъ же, стр. 31—35; ср. еще стр. 38—40, 62, 65—66 и мн. др. Державцы иногда выживали тяглыхъ крестьянъ изъ имѣнія для того, чтобы набрать „лѣтніхъ“ и „нахожихъ людей“, съ которыми легче было справиться. В. Мякотинъ, Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ Рус. Бог. 1894 г., №№ 2—4; тамъ же указанія и на труды, авторы которыхъ придаютъ главѣшее значеніе однѣмъ только правительственныймъ указамъ 1763 и 1783 гг. Ср. еще А. Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I и II и критическій разборъ второй части этого труда В. А. Мякотина въ Отч. о XXXVII-мъ прис. пагр гр. Уварова. Ср. Сб. Р. И. О., LXVIII, 153, 163, 179, 184, 195—196, 208—209, 239 и Сб. Харк. Ист. Фил. Общ., IV, 155—158; XI, 339.

скихъ въ книгѣ статута изображеныхъ", а выше уже было указано, насколько статутъ благопріятствовать крѣпостническимъ тещенціямъ державцевъ. Всокрѣ затѣмъ, по уничтоженіи гетманскаго достоинства, русскому правительству стало легче прежняго проводить свою точку зреія: уже при производствѣ переписи Румянцева "простой малороссійской народъ, по увѣренію Чолетки, заключилъ, что ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записанныхъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ". Между тѣмъ переходы крестьянъ, напуганныхъ производствомъ "генеральной описи", въ то время значительно усиливались и вызвали, наконецъ, рѣшительная мѣры со стороны правительства. Въ постановлѣніи малороссійской коллегіи отъ 26 января 1770 года люди, которые безъ письменныхъ свидѣтельствъ сонли, прямо признаются бѣглыми, подлежащими возвращенію па прежняя ихъ жилия. Такимъ образомъ было подготовлено и появленіе указа 3 мая 1783 года: въ немъ между прочимъ повелѣно "каждому изъ поселянъ въ намѣстничествахъ: кievскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ оставаться въ своемъ мѣстѣ и званіи". На сколько въ то время крѣпостное право успѣло развиться здѣсь, показываютъ позднѣйшія предположенія правительства касательно торговли людьми: уже въ 1720-хъ годахъ бывали случаи продажи крестьянъ съ землею; теперь же, въ 1798 году, сенатъ былъ готовъ разрешить владѣльцамъ продавать ихъ безъ земли; но, вопреки мнѣнію сената, императоръ Павелъ повелѣть запретить въ Малороссіи продажу крестьянъ безъ земли ¹⁾.

Также участъ постигъ и тѣ южныя окраины, на которыхъ крѣпостное населеніе бѣгало отъ своихъ помѣщиковъ. Правительство, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ жалобъ дворянства на побѣги людей въ эти мѣстности, рѣшило "поставить препрѣду самопроизвольному поселянью переселенію, законопротивному подговору, пріему и держанію чужихъ крестьянъ и всякого рода бѣглыхъ людей". Подъ вліяніемъ подобнаго рода соображеній, всокрѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, переходы крестьянъ были запрещены (12 дек. 1796 г.) въ губер-

¹⁾ П. С. З., т. XI, № 8555; т. XVI, № 11987; т. XXI, № 15724, I, п. 8; Г. Телловъ, Записка и пр. въ Зап. о Юж. Руси, II, 194—196; о превращеніи козаковъ въ "мужиковъ" см. ib., 181—182, 193—194. Г. Полтавка, Возраженіе и пр. въ Чт. М. О. И. и д. 1858 г., кн. III, смысъ, стр. 84. В. Мякоминъ, Ор. cit., ib., № 2, стр. 51, № 4, стр. 133, 151—152. А. Лазаревский, Ор. cit., стр. 97; здѣсь приведенъ случай " покупки" крестьянъ безъ земли въ 1729 году, но при особаго рода условіяхъ. О препіяхъ въ большой комиссіи по поводу крестьянскихъ переходовъ въ Малороссіи см. В. Семевский, Кр. вопр., I, 148—160. П. С. З., т. XXI, № 18706. Ср. Сб. Харк. Ист.-Фил. Общ., XIII, 414—423. Св. Зак. над. 1832 г., Зак. о сост., ст. 557.

піяхъ: Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Таврической, а также на Дону и на полуостровѣ Тамани¹⁾.

Такимъ образомъ, къ концу XVIII-го вѣка крѣпостное право не только усилилось въ Великороссіи, но успѣло распространиться и за ея предѣлами, на пространствѣ всей Европейской Россіи. Либеральная начинанія Екатерины II не привели къ какимъ либо существеннымъ улучшениямъ въ тяжеломъ положеніи крѣпостного населения: оно осталось почти безъ всякихъ правъ и продолжало находиться почти въ полной зависимости отъ привилегированаго сословія: правда, сохранилось извѣстіе о проектѣ закона, въ силу котораго всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденія послѣ 1785 года, должны были получить свободу; но императрица не рѣшилась приступить къ осуществленію своего предположенія. Мало-по-малу она даже стала отставать отъ того либерального движения, развитію котораго сама способствовала въ началѣ своего царствованія; подобно многимъ современникамъ она увѣровала, напримѣръ, въ то, что благосостояніе крестьянъ составляетъ благополучіе дворянъ и даже готова была защищать идеализируемый ею порядокъ крѣпостныхъ отношений: ей хотѣлось доказать иностранцамъ, что „русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина“²⁾. И когда Радищевъ выступилъ со своимъ проектомъ постепеннаго и полнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ уже не встрѣтилъ сочувствія со стороны императрицы, утверждавшей, что „лучшее сюдѣя нашіхъ крестьянъ у хорошиова помѣщика иѣть во всей вселенной“³⁾. Въ горячемъ протестѣ нашего писателя противъ „зѣбрскаго обычая порабощать себѣ подобнаго“ составительница Наказа усмотрѣла одно только „разсѣваніе заразы французской“; а его яркое изображеніе всѣхъ гибельныхъ постѣдовъ крѣпостного права она признала чуть ли не попыткой „возмутить крестьянъ противу помѣщиковъ“⁴⁾. Прошло много

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17638: выраженія, въ которыхъ здѣсь запрещено переходть, соответствуютъ тѣмъ, которая употреблены въ указѣ 3 мая 1783 г.; съ тѣми, кто приметъ и будетъ держать бѣглыхъ, указѣ 1796 г. грозитъ „исступать по указу 13 мая 1754 года“. Ср. Св. Зак. изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 556.

²⁾ Антиподъ въ „Осьмидѣвѣкѣ“ П. Бартенева, IV, 246; ср. 330. Аналогичные взгляды высказывали кн. Е. Дацкова, кн. А. Голицынъ, Д. Фонъ-Визингъ и др.; см. Арх. кн. Воронцова, XXI, 137—139. Д. Фонъ-Визингъ, Соч., стр. 330, 347. В. Семенскій, Кр. вопр., I, 164, 209 (здѣсь указанія на идеализацию крѣпостного права въ драматической литературѣ того времени). Ср. Рус. Арх. 1880 г., III, 6.

³⁾ А. Радищевъ, Путешествіе, Спб., 1888 г., стр. 236—267 и др. Арх. кн. Воронцова, V, 414; замѣтки Радищева на то, что „отъ самой тяжести порабощенія“ крестьянъ должно ожидать ихъ свободы, не могли, конечно, ускользнуть отъ вниманія императрицы; см. ів., стр. 418 и 420.

времени прежде чѣмъ реформа, которую предлагать осуществить Радищевъ, действительно получила осуществленіе. При воцареніи императора Павла I крѣпостные крестьяне были приведены къ принесенію новому государю и въ то же время получили возможность подавать ему прошенія на своихъ помѣщиковъ; послѣ извѣстнаго указа 5 апрѣля 1797 г. они, казалось, могли расчитывать на иѣкоторое обезспеченіе своего положенія; по „сочѣтѣніи сказанніе“ въ немъ ограниченіе крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ едва ли строго соблюдалось на практикѣ. Въ томъ же году законъ поставилъ „инициаторъ вольности“ въ болѣе благопріятныя условія: хотя до окончательного рѣшенія дѣла они должны были оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, по съ „тою предосторожностью, чтобы послѣдніе были обязаны подчиненою никакихъ наказаній имъ безъ вѣдома земской полиції не дѣлать“: ходатайство же и переносъ такихъ дѣлъ отъ ихъ имени были возложены на прокуроровъ Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, крестьянамъ было предписано оставаться въ „прежнемъ ихъ званіи и посдѣшаніи помѣщикамъ“ и появился указъ 1799 г., подтверждавшій прежнее право ихъ ссылать своихъ людей на поселеніе ¹⁾). Вообще, трудно было ожидать коренныхъ и прочныхъ реформъ отъ государя, единомъ часто сгѣдовавшаго „своей прихоти“, и полагавшаго, что крестьяне могутъ быть счастливѣе подъ управлениемъ помѣщиковъ, къ „отеческой полиції“ которыхъ онъ относился съ довѣріемъ, чѣмъ подъ властью лицъ, завѣдывавшихъ казенными землями ²⁾). Вирочемъ, даже въ позднѣйшее время въ либеральную пору царствования императора Александра I все еще было очень мало лю-

¹⁾ И. С. З., т. XXIV, №№ 17636, 17769, 18261; т. XXV, 19157; ср. т. XXVI, по № 19598 и 19668. Приведемъ еще: указъ 1799 г., о томъ, что бы регуляръ давалъ разсмотрѣнію, крестьянамъ временное право производить мелочную торговлю съ платежемъ акциза въ казну; указъ 1798 г. о томъ, чтобы при выисканіи долговъ съ помѣщиками, имѣющими однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, въ казну брать каждого изъ нихъ по оцѣнкѣ той работы и того дохода, который онъ доставляетъ владѣльцу; даѣте указъ того же 1798 г., запретившій продажу малороссийскихъ крестьянъ безъ земли (И. С. З., XXV, № 18706); одновременно, однако, вышелъ указъ, дозволившій купцамъ покупать крестьянъ съ ихъ заводами и фабриками; слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, указъ, въ силу которого людей и крестьянъ, бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ съ подложными отпускными или исповѣдующими имъ, зачтывали въ рекрутъ, если они окажутся совсѣмъ годными къ службѣ (И. С. З., т. XXV, №№ 18353 18442, (ср. выше, стр. 96). 18814; т. XXVI, № 19421; ср. Сенат. арх., Спб. 1889 г. т. I, стр. 346).

²⁾ Н. Карамзинъ, О древ. и нов. Россіи въ приз. къ соч. А. Пынчика, Общ. ав. и пр. З. изд., стр. 496. И. Кутлубинскій, Разсказы въ Рус. Арх. 1866 г., Спб., 1308—1309. Н. Саблуковъ, Воспоминанія въ Рус. Арх. 1869 г., стб. 1893. О примененіи указа 12 дек. 1796 г. См. Е. Трибуналъ, Оп. сіт., стр. 307—310.

дей, которые понимали бы, что въ крѣпостномъ правѣ едва ли возможно разграничить власть помѣщика отъ злоупотреблѣй этой властью, что освобожденіе крестьянъ безъ земли слишкомъ мало обезпечить ихъ положеніе и что такое освобожденіе должно быть положено въ основу „политической свободы“. Робкія начатившія мѣры 1803—1848 гг. въ пользу смягченія крѣпостного права оказали слишкомъ слабое вліяніе на дѣйствительное положеніе закрѣпощеннаго населения и лишь слегка подготовили рѣшительный актъ отмѣны прежнаго „порядка владѣнія душами“, обнародованный въ 1861-мъ году.

2. Государственные крестьяне.

Государственные крестьяне избѣгли крѣпостной зависимости въ томъ видѣ, въ какомъ она сложилась въ частно владѣльческихъ имѣніяхъ XVIII-го вѣка; но и въ нихъ исторіи можно указать нѣсколько особенностей, общихъ у нея съ исторіей помѣщичьихъ крестьянъ. Подобно классу крѣпостныхъ, и классъ государственныхъ крестьянъ сложился въ эпоху преобразованій въ виду „государственного интереса“; подобно владѣльческимъ крестьянамъ, и государственные, хотя, разумѣется, въ значительно меньшей мѣрѣ, испытывали на себѣ косвенное вліяніе тѣхъ же крѣпостныхъ порядковъ.

Классъ государственныхъ крестьянъ образовался изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ группъ: изъ черноземныхъ (и значительного большинства нашенныхъ сибирскихъ крестьянъ); изъ одноворицъ, разныхъ служилыхъ людей старыхъ службъ и т. п.; изъ татаръ, ясакинъ и др.; къ нимъ присоединились, наконецъ, сельские обыватели, переставшие принадлежать частнымъ владельцамъ (напр., отписные или выморочные, экономические и др.), а также взятые въ казну изъ населенія вновь приобрѣтенныхъ областей (посполитые и др.). Достаточно внимательно, насколько эти группы были разобщены въ географическомъ отношеніи и насколько отличались мѣстная условія ихъ жизни и многія формы ихъ быта, чтобы прийти къ заключенію, что они были связаны преимущественно вѣнчаниемъ образомъ: все эти сельские обыватели „принадлежали королю“, т. е. сидѣли на казенныхъ земляхъ, все состояли въ вѣдомствѣ казениномъ, и съ течениемъ времени, „были положены въ единственный окладъ“. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что термину „государственные крестьяне“ придавали то широкое, то узкое значеніе: государственными крестьянами вообще называли иногда разряды сельского населения, которые были только что перечи-

слении; но, даже въ позднѣйшее время, судя по памятникамъ законодательства и официальнымъ вѣдомостямъ, тотъ же терминъ употребляется и въ бѣлье узкомъ смыслѣ: при перечисленіи разновидностей крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, „государственными“ иногда назывались, напримѣръ, черносошные или другія группы¹⁾. Во всякомъ случаѣ со временемъ преобразованій всѣ они уже стали объединяться въ податномъ отношеніи, благодаря уплатѣ подушной подати и оброчаго сбора, имѣвшихъ разное значеніе.

Указомъ отъ 22 января 1719 года было опредѣлено „ради расположения пословъ армейскихъ на крестьянъ всего государства братъ во всѣхъ губерніяхъ сказки...“ въ томъ числѣ и у однодворцевъ, а также у татарь и ясашныхъ: по записка ихъ въ ревизскія сказки стояла въ связи съ причислениемъ ихъ къ тому податному сословію, къ которому припадлежали черносошные крестьяне: наравиѣ съ постѣдними они съ 1724 г. стали платить подушную подать (70 к. съ души). Полное уравненіе между ними относится, однако, къ позднѣйшему времени. Въ межевой инструкціи 1766 г. уже находятся распоряженіе о томъ, чтобы, въ случаѣ сожительства въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ дворцовыхъ и прочихъ казенныхъ крестьянъ съ однодворцами и служилыми, переводить безразлично, смотря по господствующему характеру селенія, изъ однодворцевъ въ казенные крестьяне или изъ казенныхъ крестьянъ въ однодворцы. Впрочемъ, въ отличіе отъ черносошныхъ, значительное большинство однодворцевъ продолжало содержать ландмилицию до 1783 года: тогда они были сравнены съ прочими казенными крестьянами и въ платежѣ податей, и въ отправленіи рекрутской повинности, причемъ все же сохранили привилегію служить въ войскахъ только въ теченіе пятнадцатилѣтняго срока. Въ итоги табели 1724 года, где было показано, „количество число душъ... въ губерніяхъ объявлено по расчистенію каммеръ-коллегіи и съ оныхъ надлежитъ подушныхъ денегъ“, вмѣстѣ съ однодворцами попали и ясашные; еще за два года до того времени вышелъ указъ о сборѣ рекрутъ съ Татарь, Мордовы и Черемисъ, причемъ съ Мордовы и Черемисъ, вѣтъно было брать рекрутъ, какъ съ русскихъ. Такимъ образомъ, вышеназванныя общественные группы, за маловажными исключеніями, должны были, въ качествѣ государственныхъ крестьянъ, выплачивать подушный деньги и исполнять рекрутскую повинность²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. VII, №№ 4343, 4533, иш. 18, 20; ср. т. XXI, № 15296, п. 6; т. XX, № 14392 (учреж. о губ., п. 335). Вѣдомость, учиненная изъ присланныхъ въ 1769 году вѣдомостей о числѣ положенныхъ въ подушный окладъ душъ, припадлежащихъ коронѣ. П. С. З., т. XX, № 15723.

²⁾ П. С. З., т. V, № 3287; т. VI № 3884. Извѣстно, что однодворцы давио

Оброчнай сборъ, которыми тѣ же разряды населенія были обложены съ 1722-го года и слѣдующихъ годовъ, имѣть иное значеніе: оно выяснено уже въ указѣ отъ 5 февраля 1722 года, когда вѣтѣно было обложить „постниковъ и посоинныхъ крестьянъ“ сверхъ подушной подати постольку, „поскольку помѣщики получать будутъ съ своихъ крестьянъ или инымъ какимъ манеромъ, какъ удобнѣе и безъ конфузіи людямъ“... Мысль законодателя, еще колебавшіяся въ выборѣ нормы для обложения казенныхъ крестьянъ новою податью, опредѣлилась при распространеніи ея на одноворцевъ: въ указѣ 7 мая того же года они были обложены особымъ сборомъ на ландмилицию „противъ того, почему крестьяне дворцовые во дворецъ, а прочие своимъ вотчинникамъ платятъ“. Наконецъ, 23 октября 1723 года вышелъ указъ, вообще распространившій (за маловажными исключеніями) оброчный сборъ на всѣхъ крестьянъ, „которые не за помѣщики и исчислены въ подушный окладъ“: тогда вѣтѣно было положить на нихъ „такъ, какъ и на украинцевъ положено, вместо помѣщичья дохода по четыре гривны съ души“; ихъ стаи собирали и съ татаръ, съ ясачныхъ и „имъ подобныхъ“²⁾). Изъ вышеупомянутыхъ выражений нельзя, однако, виноградѣально

уже платили подати съ дворовъ и что въ 1710 году низшіе разряды одноворцевъ кіевской губерніи были причислены къ такому населенію; см. А. Ланно-Данилевскій, Орг. прям. обл., стр. 52—53. П. Малюковъ, Гос. хоз., стр. 258, 255, 640. П. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIX, 13; т. XXI, № 15723. Судя по вышеупомянутой вѣдомости (стр. 135, прим. 1) одноворцевъ (безъ указанія на то, включены ли въ эту сумму одноворческие крестьяне и старыхъ службъ служилыхъ людей) числилось 558.971 душъ, положенныхъ въ подушный окладъ на нихъ уже приходилось, до 12.145 душъ, не содержавшихъ ландмилиціи, преимущественно въ Московской губерніи (до 7.666 д.). „Служилые мурзы и татары“, жившіе преимущественно въ Казанской губ. и исполнявшие работы въ корабельныхъ лѣсахъ до 1725 года были свободны отъ семигривенного сбора; въ 1725 году они были обложены этимъ сборомъ, который черезъ два года вѣтѣно было зачитывать имъ за работу по извѣстному тарифу: размѣры его постепенно повышались, а за лишнюю работу они получали соответствующее, дешевое вознагражденіе; сверхъ того съ тѣхъ же приписныхъ брали и рекрутъ; см. о служилыхъ мурзахъ и татарамъ: И. Одрозвъ. Ипородческое населеніе прежняго Казанского царства и проч., Каз., 1869, стр. 29—39. В. Семевскій, Ор. сѣт., II, 579—592. Астраханские и уфимские татары въ подушный окладъ не попадались (П. С. З., т. VII, № 4533; т. XI, № 8836; ср. еще т. XXIII, № 16761 и др.). а ясачные татары, банкиры, сибирские ясачники и др. платили ясакъ, Гб., т. VII, № 4983, т. IX, № 6361, п. 20; т. XV, № 11191 и др.).

²⁾ П. С. З., т. V, №№ 3994; т. VII, №№ 3994, 4332, 4533; ср. П. Барановъ Оиневъ, III, № 79975. Служилые татары и мурзы были обложены четырехъ-гривеннымъ оброкомъ въ 1725 году (П. С. З., п. XIII, № 9862); а затѣмъ, по жѣрѣ возрастанія оброчного сбора, соответствующая прибавка дѣлались и къ ихъ плавтежамъ.

выяснить мысль законодателя: опь, кажется, больше интересуется определениемъ размѣровъ нового оклада, которая и употреблять величину помѣщичьяго оброка, чѣмъ подысканіемъ оснований для установлениія его; однако, иѣкоторыя выраженія указа 1723 года („вмѣсто помѣщичья дохода“) даютъ поводъ предполагать, что въ немъ могла подразумѣваться мысль о государственныхъ крестьянахъ, какъ о своего рода съемщикахъ земли, принадлежащей казнѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, вмѣстѣ съ установлениемъ оброчнаго сбора съ казенныхъ крестьянъ правительству открылась возможность повышать его соотвѣтственно росту помѣщичьяго оброка. Извѣстно, что окладъ подушныхъ денегъ долго оставался безъ измѣненій и только въ 1794 г. быть доведенъ до 1 рубл.; напротивъ, оброчный сборъ уже въ 1760 году дошелъ до 1 рубля, а затѣмъ „сообразно съ помѣщичиимъ оброкомъ въ имѣніяхъ частныхъ людей“ быть увеличенъ до 2-хъ рублей въ 1783 г.; наконецъ, въ 1768 году на томъ основаніи, что поборы съ помѣщичиыхъ крестьянъ съ 1768 года возрасли по крайней мѣрѣ вдвое, вѣлько было вмѣсто прежнаго двухъ рублеваго оклада сбирать „съ всѣхъ государственныхъ крестьянъ“ по 3 рубля „съ каждой души мужеска полу“ ¹). Итакъ, группы населения, извѣстныя подъ названіемъ государственныхъ крестьянъ, не только были приравнены къ помѣщичиимъ въ отношеніи оброчнаго сбора, но почти въ равной мѣрѣ должны были подчиниться возраставшему его окладу.

На такой дорогѣ трудно было остановиться: въ XVIII вѣкѣ казна, по примѣру частнаго землевладѣльца, все болѣе и болѣе начинаетъ вмѣшиваться въ частныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на казенныхъ земляхъ, и во внутреннѣ распорядки ихъ общинной жизни, что впрочемъ принесло извѣстныя выгоды малоземельному крестьянству ²).

Фискальныя соображенія, вызвавшія прикрѣпленіе черносошныхъ къ тѣлу, кажется, руководили главнымъ образомъ правительствомъ и въ тѣхъ его мѣроprіятіяхъ, которыя ссылали свободу крестьянъ распоряжаться своими участниками. Все болѣе утверждалось во взглѣдѣ, что земля, па которой сидѣть черносошные,—казенная собственность, правительство, разумѣется, уже съ такой точки зрѣнія должно было позаботиться о томъ, чтобы она не попадала въ чужкія руки; притомъ земля обеспечивала въ иѣкоторой мѣрѣ платежную исправность общины; надобно

¹) П. С. З., т. XV, № 11120; т. XXIII, № 17232. Въ 1797 г. подушный окладъ быть увеличенъ на 28 к. (ib., т. XXIV, № 18278); ср. ниже стр. 148.

²) В. Якушкинъ. Очерки по проч., в. I, М., 1890 г.; рец. П. Милковъ въ Рус. Мысли 1890 г., № 5. В. Семёновский. Ор. сїт., II, 623—660, 733—762 и др.

было сохранить ея земельный фондъ: отсюда—цѣлый рядъ запрещений, съ середины XVII столѣтія, стѣснявшихъ обращеніе черныхъ земель. Въ 1690 г. было предписано тяглымъ крестьянамъ и посадскимъ поморскихъ городовъ (новгородскаго приказа) не отчуждать разныхъ своихъ земель преимущественно монастырямъ и церквамъ, духовенству, гостямъ и иныхъ чиновъ бѣломѣтцамъ. Межевая инструкція 1754 г., допуская обращеніе деревенскихъ участковъ и пачинныхъ земель между черносотнными крестьянами и посадскими тѣхъ же уѣздовъ и городовъ, также повѣствуетъ разныя земли, вложенные крестьянами въ архіерейскіе дома, въ монастыри и церкви или проданныя и т. п. ими секретарямъ, приказнымъ служителямъ, церковно-приходскимъ монастырскимъ служкамъ и другимъ всякихъ чиновъ людямъ, не положеннымъ въ тѣхъ уѣздахъ въ подушномъ окладѣ, или отданныя имъ по искамъ, отбирать бездепежно и отмежевывать по прежнему къ чернымъ землямъ черносотнныхъ крестьянъ¹⁾). Мѣро-прыятія подобнаго рода не обезпечивали, однако, благосостоянія: отчужденіе земли посадскимъ людямъ часто приводило къ тому, что иѣкоторые крестьяне „состояли вовсе безъ земли и безъ всякой обязанности платили съ изнуреніемъ государственныя подати“, а купцы владѣли сю „безъ всякаго по крестьяниству платежа“. Даже въ томъ случаѣ, если бы переуступка земель ограничилась крестьянской средою, она грозила обезземеленіемъ многихъ плательщиковъ и скопленіемъ ихъ земель въ рукахъ „большетяглого“ меныщества, всегда готоваго переложить часть сборовъ на бѣдѣйшихъ владѣльцевъ. Такой процессъ уже кое-гдѣ зародился въ предшествующемъ періодѣ; надо думать, что онъ стать, однако, гораздо болѣе замѣтнымъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка: многие крестьяне не имѣли средствъ обрабатывать свои участки и платить подушную подать, которая едва ли всегда, правильно раскладывалась мѣстными выборными властями; „мало-мощные крестьяне нуждались въ деньгахъ и продавали нужную имъ землю для поправленія себя“: отсюда въ волостяхъ появленіе класса крестьянъ лишнныхъ земли, половниковъ, или малоземельныхъ и класса крестьянъ-кулаковъ, скучавшихъ земли съ переводомъ на себя уплаты подушной подати: между тѣми и другими возникли беспрестанныя ссоры и тяжбы. Явленія подобнаго рода должны были обратить на себя вниманіе правительства, особенно съ того времени, когда оно стало смотрѣть на чернья земли, какъ на казенное имѣніе и начало хозяйствовать

¹⁾ А. И., т. V, № 198. П. С. З., т. XIII, №№ 9874 и 10082; т. XIV, № 10237, гл. XXIX, ст. 6.

въ немъ: перепродажа земель, по словамъ Козьмина, одного изъ статей-секретарей Екатерины II, дасть возможность „передѣтельнымъ къ хлѣбопашеству предавать и закладывать свои земли“, а міроѣды, скучающіе ихъ, смотрять на нихъ, какъ на свои „родовыя“, „въ дачахъ къ волостямъ лѣсовъ не расчинаютъ, и какъ наши, такъ и сѣнныхъ покосовъ обществомъ, где бъ и недостаточно было, не прибавляютъ“ ⁹⁾). Такіе порядки, очевидно, наносили ущербъ волостному хозяйству, значить подрывали и платежную исправность волости: бѣдные крестьяне жаловались на то, что „большесемейные и зажиточные крестьяне, взявши въ свое владѣніе всѣ земли, ничего имъ на пропитаніе и на платежъ государственныхъ податей не оставили“; начонецъ, правительство тяготилось и тѣми безпрестанными волостными ссорами и тяжбами, которая „наносилъ напрасное беспокойство и затрудненіе присутственнымъ мѣстамъ“. Въ чистѣ мотивовъ, вызвавшихъ извѣстная постановленія межевой инструкціи 1766 года, могли быть, однако, и соображенія иного рода: одно изъ нихъ проскользнуло въ представленіе Козьмина: разстройство волостного хозяйства казалось ему нежелательнымъ и потому, что оно мѣшаетъ волощанамъ „лучшаго хлѣбопашства, яко первѣйшаго источника землемѣрческаго благополучія вкушать“. Если припомнить, что въ то время проевѣтительныя идеи были уже не сколько знакомы Екатеринѣ II и могли быть извѣстны иѣкоторымъ изъ русскихъ поклонниковъ европейскаго просвѣщенія, то и въ побужденіяхъ, вызвавшихъ заботы правительства о „землемѣрческомъ благополучіи“ черносоціихъ, можетъ быть придется удѣлить долю вліянія новымъ теоріямъ. Возможно, что уже указъ 1761 года, запрещавшій черносоціимъ также, какъ и помѣщиціимъ крестьянамъ, обязываться векселями и разрѣшившій имъ брать деньги подъ заемныя письма лишь по „удостовѣрительному дозвolenію тѣхъ мѣстъ, где оные въ вѣдомствѣ состоять“, быть отчасти направленъ противъ заклада ими своихъ земель кредиторамъ. Какъ бы то ни было, но въ межевой инструкціи 1766 года правительство приняло во вниманіе предложеніе Козьмина и приступило къ реальному мѣрамъ противъ обращенія черныхъ земель, причемъ прямо заявлено, что „сіе государственныхъ земель обмежеваніе утверждаетъ земли единственно къ селеніямъ, а не селенія ко владѣльцамъ“. Въ инструкціи принципъ, принятый въ 1754 г., подтверждается, и вѣлько въ случаѣ споровъ бездепежно возвращать къ землямъ черносоціихъ крестьянъ разныя земли, отчужденія ими послѣ изданія Уложенія учрежденіямъ и лицамъ, уже перечисленнымъ

9) Сб. Р. И. О., IV, 85.

(кромъ воеводы) въ инструкції 1754 года: вмѣтъ съ тѣмъ „впередъ до будущаго по снятымъ иланамъ разсмотрѣнія“ обращеніе черноземъ земель возвращается также между крестьянами и куницами: въ противномъ случаѣ сдѣлки подобнаго рода признаются недѣйствительными: накопець, сами черносошные лишаются возможности свободно переуступить другъ другу земли, на которыхъ они положены въ подушный окладъ: эти земли должны оставаться при тѣхъ селеніяхъ, къ коимъ они будуть примежеваны: земли же, оставившися постѣ умершихъ государственныхъ крестьянъ, наследникамъ и женамъ ихъ между собою на части не дѣлить и по наследству въ приданая выходицимъ замужъ за людей другого званія и за государственныхъ крестьянъ въ другія селенія не отдавать: лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда постѣ черносошного крестьянина остаются дочери и онѣ выйдутъ замужъ за государственныхъ же крестьянъ, покинувшихъ жить на земляхъ своихъ женъ, эти земли передаются имъ и ихъ мужьямъ, но подъ условіемъ, чтобы имъ ющіеся за постѣдними земли въ прежнихъ ихъ селеніяхъ оставлять прочимъ жителямъ тѣхъ селеній¹⁾). Само собою разумѣется, что предписанія 1766-го года не могли сразу подавить существующей практики: но они поколебали иѣкоторая воззрѣнія наседенія на земельную собственность, укрѣпили въ его сознаніи понятіе о земельномъ обезпечении отъ государства податной исправности плательщика и вызывали пуганину въ отношеніяхъ, благопріятствовавшую всякаго рода злоупотребленіямъ. Дальг҃ийшее примененіе вновь установленныхъ правилъ къ жизни породило новыя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, возбранія переуступку земель, примежеваний къ данному селенію, даже между его жителями, межевая инструкція 1766-го года вмѣтъ съ тѣмъ запретила мѣроѣдамъ законнымъ образомъ скупить земли своихъ односельчанъ, но и постѣднихъ лишила права искать средствъ для „справленія себя“ въ продолжѣ или закладѣ своихъ земель: правительство, отказывая имъ въ такихъ средствахъ, очевидно, должно было сдѣлать дальг҃ийшій шагъ: внять просьбамъ малоземельныхъ крестьянъ или даже иномимо ихъ просьбѣ ввести передѣлы земли, закрѣпленной за крестьянской общиной. „Справедливость требуетъ, писать архангельскій директоръ экопоміи, что бы поселище, платя одинаковую вѣсъ подать, равное имѣли участіе и въ угольяхъ земельныхъ, съ коихъ платежъ податей производится“; стѣдовательно, и „уравненіе земель особенно въ тѣхъ уѣздахъ и волостяхъ, гдѣ обывав-

¹⁾ И. С. З., т. XV, № 11204; т. XVII, № 12659, гл. XX. Здѣсь рѣчь идетъ о „черносошныхъ крестьянахъ Вятской и Устюжской провинцій и прочихъ поморскихъ городовъ и уѣздахъ“. Ср. И. С. З., т. XVII, № 12498; т. XVIII, № 13114.

тели хлѣбопашествомъ бѣше, пежели другими промыслами пріобрѣтаютъ пропитаніе, надлежить почитать неимущимъ "и для усноокенія малоземельныхъ крестьянъ, и для доставленія поселенцамъ способа платить свои подати бездомочно. Впрочемъ, правительство едва ли умѣло выработать въ то время какой либо обдуманный планъ дѣлствій: то оно считало себя не въ правѣ уничтожать "законно совершилія крѣпости и засѣданія", то предписывало произвести передѣль "съ паблюденіемъ совершилія равенства, включая въ сей раздѣль и тѣ земли, которыми иѣкоторые поселенцы владѣютъ по купчимъ и засѣданіямъ, какъ по документамъ, уничтожающимъ по закону". Тамъ, однако, гдѣ условія мѣстной жизни не благопрѣятствовали введенію передѣловъ (напримѣръ, въ иѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, очень рѣдко населенныхъ) уравнительные передѣлы совсѣмъ не привились; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность населенія уже возрасла и оно чувствовало недостатокъ въ землѣ и гдѣ, стѣдовательно, возникали "взаимныя распри" между малоземельными крестьянами и крестьянами — міроѣдами, попытки правительства встрѣчали сочувствіе большинства; извѣстны случаи, когда сами крестьяне (напримѣръ, Мольской волости Тотемскаго уѣзда) обращались къ правительству съ просьбою разверстать землю, находившуюся въ ихъ владѣніи и пользованіи, "противъ написанныхъ душъ по десятицамъ въ равенство". Слѣдуетъ замѣтить также, что прежнія "деревенскія" традиціи едвали успѣли совсѣмъ исчезнуть среди населенія и что правительство, при введеніи новыхъ порядковъ, часто прибѣгало къ содѣйствію самихъ крестьянъ: между прочимъ они приступили къ раздѣлу земель по селеніямъ-деревнямъ, а не по селеніямъ-волостямъ, какъ то предполагало правительство. Когда возникла попытка ввести уравнительный передѣль среди сельского населения Олонецкой губерніи въ 1784—1785 г., то крестьянамъ, повидимому, было предложено производить "уравненіе земель по собственному ихъ согласію": въ то же время директоръ домоводства могъ заставлятьствовать, что иѣкоторыя изъ общинъ, "въ три дня раздѣлились спокойно и были совершиенно довольны", разумѣется кромѣ большинства другихъ крестьянъ, принужденныхъ отказаться отъ скупленныхъ ими земель. Факты подобнаго рода, особенно если принять во вниманіе аналогичнія явленія позднѣйшаго времени, нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ той аграрной политики, которая способствовала развитію нового строя ноземельныхъ отношений на русскомъ сѣверѣ и сдомила сопротивленіе, оказываемое ему многоземельными крестьянами. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что, памѣреваясь вводить уравнительный передѣль на своихъ собственныхъ земляхъ, заселенныхъ черносош-

ными, сама казна могла руководствоваться и примѣромъ помѣщиковъ, благопріятствовавшихъ насажденію тѣхъ же порядковъ въ своихъ имѣніяхъ: Козьминъ предлагать производить черносоціиныхъ уравнительный передѣлъ „такъ, какъ и помѣщики своихъ крестьянъ, по числу людей, кто что снести можетъ, уравниваютъ“; возможно, однако, что содержаніе офиціальныхъ инструкцій о порядкѣ производства передѣловъ (напр. наставлениѣ вельскаго нижняго суда 1798 года) почерталось иногда изъ жизни самихъ черносоціиныхъ крестьянъ¹⁾). Уже въ XVIII-мъ вѣкѣ правительство сдѣлало лишь иѣсколько частныхъ попытокъ произвести кое-гдѣ уравнительный передѣлъ. Въ „наставлениѣ экономическимъ правленіямъ“ (1771 г.) предписывалось „раздѣление земель и взнеканіе податей дѣлать не съ душъ, а съ тѣгъ“; въ 1784 — 1785 гг. правительство пыталось уравнить черносоціиныхъ въ иѣкоторыхъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, а съ конца вѣка приступило къ такимъ же попыткамъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Введеніе реформы было облегчено благодаря особаго рода мѣропріятію относительно оброчныхъ земель: вмѣсто того, чтобы по прежнему порознь раздавать участки ихъ разнымъ оброчникамъ, правительство съ 1798 года стало приписывать ихъ къ цѣлымъ волостямъ: казенными палатами вѣтѣно было произвести „разверстку“ оброчныхъ земель „между казенными поселеніями совершиенно уравнительно и по способности къ селеніямъ вообще по вѣдьмъ губерніямъ единожды“, что, разумѣется, оказалось существенное вліяніе и на развитіе такого же приема примѣнительно къ тѣглымъ землямъ²⁾). Тѣмъ пе менѣе окончательного введенія уравнительного передѣла правительству удалось достигнуть только въ позднѣйшее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ сельскому населенію черныхъ волостей окончательно перешли уѣздныя земляные угодья, владѣемыя посадскими, въ 1790 г. вышло повѣтѣніе исключить ихъ изъ владѣнія купцовъ и мѣщанъ и присоединить ихъ къ тѣгду тѣхъ селеній, въ которыхъ они состоять по мѣстоположенію; въ случаѣ же владѣльцы предъявлять на нихъ прѣпѣтия, то препровождать постѣднія для разсмотрѣнія, куда стѣдуетъ. Черезъ два года эти земли были уже отобраны у владѣльцевъ изъ посадскихъ людей: за ис-

¹⁾ См. выше стр. 17—21. А. Ефименко, Ор. cit., 324—355, 361—362, 369. Я. Семевскій, Ор. cit., II, 36, 54, 62, 70, 71, 76, 621, 639—640, 641, 644, 653, 657. В. В., Къ исторіи общины въ Россіи. М., 1902, стр. 6—7, 10, 17, 93—99. А. Бауманъ, Ор. cit., ib., стр. 6—15.

²⁾ П. С. З., т. XIX, 13590, п. 6; т. XXIV, № 18256; т. XXV, №№ 18633, 18925; т. XXVI, № 19735 и др. О происхожденіи оброчныхъ земель см. А. Ефименко, Ор. cit., I, 317—324, 342—344. Я. Семевскій, Ор. cit., II, 633—649, 653.

ключениемъ стариной деревни Баженовыхъ, остатки земли, состоявшей за посадскими людьми въ уѣздахъ, повидимому, отошли къ казеннымъ селеніямъ черносоцкихъ крестьянъ, чemu, разумѣется, способствоватъ и вышеупомянутый указъ 1798 года объ оброчныхъ земляхъ⁹⁾.

Аналогичная явленія проходили и въ однодворческихъ поселеніяхъ. Московское правительство раздавало однодворцамъ въ качествѣ служилыхъ людей земли на помѣстномъ правѣ, но съ течениемъ времени они стали пользоваться свободой отчужденія данныхъ имъ земель (особенно поѣтъ указа 1714 г.), что привело къ постѣствіямъ, однороднымъ съ тѣми, которая уже были указаны среди черносоцкихъ крестьянъ. Но мѣрѣ превращенія однодворцевъ въ государственныхъ крестьянъ положеніе ихъ стало измѣняться. Уже въ 1723 году, когда возникъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ „принадлежащими“ однодворцами, сенатъ отвѣчалъ: „такихъ отсылать за провокатами ца прежніи ихъ жизни; а буде кто прежніе свои дворы и земли продали другимъ и ихъ въ тѣхъ городахъ селить вновь на другихъ государственныхъ свободныхъ земляхъ“. Однодворцы, однако, не долго пользовались и свободой отчужденія своихъ земель. Правительству легко было припомнить, что тѣ земли, на которыхъ они жили, были казенными собственностью, разданною имъ на помѣстномъ правѣ, и что ихъ участки должны были обеспечивать службу каждого изъ нихъ: съ тѣйной точки зрѣнія постѣднее соображеніе можно было примѣнить и къ плательщикамъ подушной подати. Эти мотивы прямо выражены въ указѣ отъ 7 июня 1727 года; запретившиемъ однодворцамъ свободно распоряжаться своими участками: „за виредъ съ сего указу въ [шеснадцати] засѣданныхъ городахъ у однодворцевъ, которые по перенеси въ ногостовный окладъ положены и содѣржать ландмилитскіе полки, изъ дачь ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакими образы не краинть и не записывать, чтобы отъ того въ платежъ подушныхъ денегъ и въ содержаніи ландмилитскихъ полковъ помѣшательства не было“. Трудно было, однако, изданиемъ нового закона уничтожить старинный обычай: однодворцы, вѣроятно, продолжали отчуждать свои земли; тѣ же предписания были повторены и иѣсколько дополнены въ межевой инструкціи 1754 года. Въ постѣдовавшей затѣмъ межевой инструкціи 1766 года, иѣсколько иначе отнесшися къ нарушению указа 1727 года, толькъ же общій принципъ получилъ дальнѣйшее развитіе; здѣсь было выражено стѣдующее правило: „виредъ однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ, тѣхъ земель, на которыхъ они

⁹⁾ А. Ефименко, Оп. cit., I, 339-342.

въ подушный окладъ положены, не только постороннимъ, но и равнымъ себѣ отнюдь не продавать и въ немъ, кромѣ какъ по-
годно, также за долги и въ иски никому не отдавать; а ежели
кто продасть или заложить, то купчимъ и заладнымъ быть не-
дѣйствительнымъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ относительно такихъ же зе-
мель, остающихся по смерти однодворцевъ, сдѣлано постановле-
ніе, почти дословно схожее съ вышеупомянутымъ закономъ о на-
стѣдованіи черносотинными землями ¹⁾).

Правительство, какъ видно, окончательно признало зе-
мли, "на которыхъ однодворцы были положены въ подушный
окладъ и съ которыхъ они содержали ландмилитю", казенною соб-
ственностью, разданною имъ въ обезпечениѣ ихъ платежной неправ-
ности. Стѣдовато, однако, опредѣлить и тотъ размѣръ дачь, ко-
торымъ въ достаточной степени могъ служить такимъ обезпече-
ніемъ: и дѣйствительно, межевая инструкція 1766 года устана-
вливаетъ предѣлы однодворческаго надѣла между 8 и 15 деся-
тинами на душу (или 32—60 дес. на дворъ). Отсюда возникли
новыя ограничения прежнихъ помѣстныхъ владѣній однодвор-
цевъ. Въ странѣ "дикаго поля" и "порожнихъ земель" многіе изъ
нихъ получили или фактически владѣли участками гораздо бо-
льше значительныхъ размѣровъ. Межевая инструкція 1766 года
признаетъ тѣ земли, на которыхъ однодворцы положены въ
подушный окладъ, за выключеніемъ опредѣленнаго имъ 15-ти
десятинного надѣла, государственными землями: въ инструкціи
постановлено: "оставя имъ сю только пропорцію, затѣмъ всю
излишнюю землю изъ ихъ владѣнія отрѣзать къ государствен-
нымъ землямъ" ²⁾.

Такая аграрная политика все болѣе уравнивала однодвор-
цевъ съ черносотинными: стѣдуется имѣть въ виду, однако, что
она касалась только тѣхъ однодворческихъ земель, на которыхъ
они были положены въ подушный окладъ или которыми они, въ
качествѣ "порожнихъ", фактически владѣли: напротивъ, за одно-
дворцами осталось право продавать земли "отсутственныхъ" (или
"отхожія") и собственныхъ (вотчинныхъ), вмѣстѣ съ сидѣвшими
на нихъ крестьянами, а также крѣпостныхъ людей безъ земли,
но только другъ другу ³⁾.

Успѣя правительства, направленная къ тому, чтобы одно-

¹⁾ И. С. З., т. VII, 5138; т. XVII, № 12659, гл. XIX, ст. 3, 18—20; ср. гл.
XX, ст. 12, 13, С6. Р. И. О., CXV, 3, 7 и др. Ср. выше стр. 140.

²⁾ И. С. З., т. XVII, № 12659, гл. XIII, 4—6; гл. XIV, 12; гл. XIX, 2; гл. XXII,
14; гл. XXV, 3; гл. XXXII, 4—5; обѣ однодворцахъ вообще см. ib., т. XXV, № 18676

³⁾ И. С. З., т. XIV, № 10237, меж. инстр. 1754 г. гл. XXIII; т. XVII, 12659,
гл. XIX; обѣ однодворческихъ половникахъ см. И. С. З., т. XIV, № 10237,
гл. XXIII, ст. 7; т. XXIII, № 16393; ср. В. Семенскій. Оп. сіт., II, 770—775.

дворцы вовсе не отчуждали земель, на которыхъ они были положены въ подушный окладъ, а оставшія продавали бы по крайней мѣрѣ только членамъ своего сословія, должны были привести и къ покровительству общинному быту, въ извѣстной мѣрѣ уже подготовленному ихъ предшествующей исторіей. Земли издавна раздавались цѣльмъ группамъ помѣщиковъ въ одной межѣ: извѣстна человитная (1665—1666 г.) одного изъ такихъ владѣльцевъ, испомѣщеннаго въ селѣ постѣ остальныхъ, въ которой онъ проситъ „тѣмъ помѣстемъ и всякими угоды владѣть по прежнему съ ними въ ровенствѣ черезъ межу, чтобы было всѣмъ въ ближнихъ и въ дальнихъ мѣстахъ поровну“; сохранились указанія на случаи, когда пахотная земля каждой группы помѣщиковъ дѣлилась „поровенно“ на „клины“, а сѣнокосы жеребьевались на нихъ: во всякомъ случаѣ часто встрѣчаются свидѣтельства о томъ, что помѣщики, испомѣщенные въ данномъ селѣ, косять сѣно или ловятъ рыбу „вончѣ“ или „врядъ вончѣ“¹⁾. Въ XVIII-мъ вѣкѣ, однако, у однодворцевъ повидимому еще не было той общинной организаціи, которая могла бы пѣскатько сдерживать борьбу между ихъ имущественными интересами; не было, повидимому, и общинного владѣнія съ передѣлами. Свободное отчужденіе земель, вопреки закону долгое время практиковавшееся у нихъ, порождало въ ихъ селеніяхъ тѣ же послѣдствія, какія обнаружились и на єврѣй, въ волостныхъ общинахъ; они проявлялись здѣсь, можетъ быть, еще рѣзче, чѣмъ тамъ. Не повторяя рапоѣ скаженнаго, укажемъ лишь на иѣкоторыя условія, осложнившія такую борьбу въ однодворческихъ поселеніяхъ. Участки однодворцевъ дробились, такъ какъ наследники стремились къ равному разделу наслѣдства; вымороchnыя же земли поступали въ казенное распоряженіе и часто отдавались чиновниками постороннимъ лицамъ на оброкъ: сеѢдніе землевладѣльцы, судя по жалобамъ однодворцевъ, также часто сами присвоивали себѣ ихъ земли; имущественное неравенство, возникшее между однодворцами, усилилось постѣ отмежеванія примѣрныхъ земель: безземельные, захватившиe лишнія земли, лишились ихъ; подушный окладъ иногда падать на однодворцевъ неравномѣрно, такъ какъ они не раскладывали платежа за стариковъ и малолѣтнихъ на все общество: даже круговая порука, которую правительство еще съ 1724 года пыталось распространить на однодворцевъ, существовала далеко не повсемѣстно, а въ иѣкоторыхъ случаяхъ ответственность за исправную уплату податей, падавшая на все селеніе, приводила къ тому, что бѣдняки, за которыхъ платили

¹⁾ П. Ивановъ, Сѣбры-помѣщики въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1903 г., дек., стр. 438—439; ср. Н. Благовѣщенскій, Четвертое право, М., 1899 г., стр. 123 и др.

прожиточные, принуждены были поступать къ нимъ въ батрачи. Выхода изъ всей этой неурядицы, вызывавшей жалобы со стороны самихъ депутатовъ отъ однодворцевъ на засѣданіяхъ большой комиссии 1767—68 гг., пѣкоторые изъ нихъ искали въ передѣлѣ земель. Въ данномъ случаѣ „примѣрныя“ земли могли получить такое же значеніе, какое на сѣверѣ выпадало на долю земель „оброчныхъ“. Среди курскихъ однодворцевъ, напримѣръ, раздавались голоса въ пользу того, чтобы примѣрныя земли раздѣлить поровну между всѣми жителями ихъ селеній, положенными въ подушный окладъ; и такое мнѣніе встрѣтило сочувствіе среди мѣстной администраціи, по не заслужило одобренія сената. Другіе предлагали еще болѣе рѣшительную мѣру: однодворцы Керенскаго уѣзда (спацкой провинції) въ своемъ наказѣ просили, напримѣръ, правительство „ихъ земли и угодья во всѣхъ селеніяхъ и погостахъ между собою для уравнительнаго содержанія къ общему безобидной тягости раздѣлить по написанному въ подушный окладъ числу душъ“. Сама администрація готова была признать рациональность такого мѣроопріятія: „настонть не малая надобность, писать курскій директоръ домоводства, чтобы между сего рода людьми постижало во владѣніи земель уравненіе, на подобіе дворцовыхъ, экономическихъ и прочихъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ, дѣлящихъ земли въ дачахъ селеній своихъ, въ каждомъ особо поровну, т. е. по числу въ тѣхъ селеніяхъ положенныхъ м. п. душъ“. Эти предложения не получили, однако, широкаго осуществленія въ XVIII-мъ вѣкѣ: они приводились въ исполненіе мало-по-малу или по добровольному соглашенію самихъ однодворческихъ селеній или по судебному приговору, когда, по поводу споровъ и тяжбъ, возникавшихъ среди однодворцевъ, суды обыкновенно присуждали „помѣстныя земли разверстать уравнительно по числу душъ“. Впрочемъ, рѣдкіе случаи передѣловъ уже бывали и въ концѣ XVIII-го вѣка. Указомъ 1798 г. повелѣно уравнять землями однодворцевъ, имѣющихъ владѣніе по писцовыми книгами и по дачамъ, запретивъ имъ отчуждать свои надѣти кому бы то ни было и „оставя безъ раздѣла только тѣ изъ законопріобрѣтенныхъ ими земель, кои превышали 15-ти десятинную на каждую душу пропорцію“; а тѣмъ изъ нихъ, которые были поселены на казеніяхъ пустопорожнихъ земляхъ безъ дачь, памежевать опредѣленное число десятинъ... „всему селенію общею межою“; но этотъ указъ едва ли могъ получить осуществленіе¹⁾.

Итакъ, основные моменты въ развитіи аграрной политики правительства въ XVIII в. относительно черносоцкихъ и однодворческихъ земель были почти одинаковы: и на сѣверѣ и на югѣ госу-

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18676. *В. Семенский*, Ор. cit., II, 749, 753—754; *Н. Благовѣщенскій*, Ор. cit., стр. 139. *А. Шикановъ*, Ор. cit., ib., стр. 206, 412.

дарства правительство начинает въ пѣкоторыхъ своихъ мѣропріятіяхъ придерживаться взгляда на земли черносошныхъ и однодворцевъ, какъ на казенную собственность, владѣніе которой должно обеспечивать платежную исправность ихъ селеній; затѣмъ оно приступаетъ къ стѣсненію свободы отчужденія такихъ земель; наконецъ, оно стремится произвести уравнительный передѣлъ ихъ, выгодный для объединившихъ плательщиковъ и для казны. Можно было бы распространить наши наблюденія и на аналогичная правительственные мѣропріятія касательно другихъ группъ сельского населения, сидѣвшаго на казенныхъ земляхъ, а также указать между прочимъ на пѣкоторая отступленія относительно „иновѣрческихъ земель“, объясняемыя, конечно, мѣстными условіями быта и стремлениемъ правительства иѣсколько обеспечить положеніе новокрещеныхъ иновѣрцевъ¹⁾). Достаточно, однако, вышесказанного для того, чтобы представить себѣ направление, въ которомъ развивалась правительственная политика того времени, и характеръ ся воздействиа на строй поземельныхъ отпушениій государственныхъ крестьянъ. Послѣдующее законодательство обнаружило, только дальнѣйшее развитіе той же политики въ ея стремлениіи обеспечить казенные селенія землею: дворцовыми крестьянамъ, напримѣръ, давно уже было разрѣшено покупать по смежности къ ихъ волостямъ малая деревни съ землями „въ дворцовое вѣдомство“; по подчиненіи ихъ вмѣсть съ другими разрядами казенныхъ крестьянъ управлению директоровъ домоводства то же преимущество и на томъ же основаніи было распространено указами 1788—89 гг. на прочихъ поселянъ казенного управления. Въ правилахъ же о продажѣ казенныхъ имѣній съ публичнаго торга (1794 г.) селеніямъ казенаго вѣдомства было даже предоставлено право преимущественно передъ другими покупать казенные порозижія земли, съ тѣмъ однакоже, чтобы приобрѣтать такія земли „къ цѣльнымъ селеніямъ“ и за исключеніемъ развѣ случаевъ переселенія иѣкотораго числа семействъ изъ своего селенія на землю, купленную „въ другомъ мѣстѣ“²⁾.

Несмотря на возрастающую зависимость государственныхъ крестьянъ отъ казны, положеніе ихъ, конечно, было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ. Такое заключеніе, кажется, правильноѣ относить не столько къ размѣрамъ земли, приходив-

1) П. С. З., т. XI, № 8236; т. XII, № 8978; т. XV, № 11231; т. XVII, № 12659 (Меж. инстр. 1766 г., гл. XXII,пп. 10, 11); ср. т. XIX, № 13490. В. Якушкинъ, Op. cit., I, Прил. XXV.

2) П. С. З., XXII, № 16619; т. XXIII, №№ 16813, 16821, 17227, п. 7. О мѣрахъ переселенія казенныхъ крестьянъ „изъ уѣщенныхъ жительствъ“ въ другія „для удовольствія ихъ землями, о раздаче казеннымъ крестьянамъ оброчнныхъ статей вирокъ безъ перекушки и пр. см. В. Якушкинъ, Op. cit., стр. 155—167.

шедся на душу, сколько къ способу обложениі повинностями и податями и къ непосредственной зависимости государственныхъ крестьянъ оть государственной власти. Дѣйствительно, хотя въ черныхъ волостяхъ земли на душу приходилось сравнительно много (напримѣръ, по даннымъ генерального межеванія 1782—1796 гг. въ среднемъ, въ Вологодской по 35 дес., а въ Олонецкой—по 186 дес. на душу), однако, при оцѣнкѣ такихъ надѣловъ слѣдуетъ имѣть въ виду и качество почвы, и величину пашеныхъ участковъ (всего 2,8 и 2,5 дес. на душу въ тѣхъ же губерніяхъ); кромѣ того населеніе занималось и промыслами, о доходности которыхъ едвали можно въ настоящее время сдѣлать какое-либо общее заключеніе; что же касается черноземныхъ губерній, где большие всего насчитывалось одноворцевъ, то количество земли, приходившейся на душу, только въ двухъ—трехъ изъ нихъ превосходило средніе размѣры участковъ, которыми пользовались оброчныи и даже барщинные крестьяне частно-владѣльческихъ имѣній (въ Воронежской губ.—19,3 дес.: въ Тамбовской—15 дес.; въ Орловской—8,7 дес. на душу). Указомъ 1797 года правительство опредѣлило уравнять всѣхъ казенныхъ крестьянъ землею, назначивъ имъ по 15 десятинъ на ревизскую душу; но, можетъ быть, въ виду разнообразія мѣстныхъ условій, примѣнить такую мѣру было трудно¹⁾. Во всякомъ случаѣ положеніе государственныхъ крестьянъ было выгоднѣе положенія крѣпостныхъ: въ самомъ дѣлѣ, пользуясь болѣшимъ объемомъ правъ, чѣмъ помѣщики крестьяне, они были подчинены казнѣ, были обеспечены землей и обложены оброкомъ; помѣщики крестьяне, напротивъ, зависѣли отъ произвола многихъ господъ, который въ относительную мелкихъ имѣніяхъ чувствовался сильнѣе, а половина изъ нихъ отбывала барщину. Правда, размѣры оброка, падавшаго на государственныхъ крестьянъ, постепенно повышались въ теченіе всего XVIII вѣка: вмѣсто прежнихъ 40 коп. съ души, онъ въ 1760—1764 гг. достигъ до 1 р., а затѣмъ до 2 и даже 3 рублей (указы 1768 г. 13 и 1783 г. мая 3). Наконецъ, въ силу указа оть 18 декабря 1797 года окладъ оброка быть квалифицированъ въ зависимости оть данной мѣстности, свойствъ ея земли, количества ея и развитія промысловъ, на 4 группы²⁾: оть 3 р. 57 к. въ (Архангельской, Новгородской, Иркутской, Бѣлорусской и др. губ.) и до 5 р. 10 к. (въ цен-

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18676. Воспрещеніе крестьянамъ пріобрѣтать недвижимыя имѣнія безъ крестьянъ, да и то за исключеніемъ „тѣхъ россійскихъ подданныхъ, кои причислены къ помѣщилическимъ владѣніямъ“, отмѣнено только указомъ оть 12 дек. 1801 г. (П. С. З., т. XXVI, № 20075). *П. Челищевъ*, Путешествіе..., стр. 34, 64 и др.

²⁾ П. С. З., т. XXI, № 15723; т. XXIV, № 18278; о переселеніи крестьянъ см. ib., т. XXI, № 15497; т. XXIII, № 17398; т. XXVI, №№ 19500 и 19639. *В. Семевскій*, Ор. сіт., I, 36—37; II, 260, 660—663, 745. Накладныи прибавлены мною и къ конѣкамъ.

тральной области, за исключениемъ Московской и Тверской губерній, а также въ части Поволжья и др.) на душу; въ посѣдующее время размѣры оброка возрасли еще болѣе.

Раскладка и сборы податей были предоставлены крестьянскимъ общинаамъ: они платили за „убылую душу“ въ силу круговой поруки: устройство ихъ было частью призывао правительстvомъ, частью подвергнуто дальнѣйшей регламентаціи. До 1775 г., когда все казенные крестьяне были подчинены вѣдомству казенныхъ налать, по существу въ ней, кажется, было мало нового; поэтому достаточно будетъ ограничиться пѣсколькими замѣчаніями объ общемъ характерѣ ея. Мѣркой сходъ и выборное самоуправление у черносошныхъ крестьянъ были признаны въ указахъ 1760 и 1761 гг.; имъ было разрѣшено для защищенія себя отъ обидъ и для всякихъ ходатайствъ выбирать лучшихъ людей изъ своей среды; за защущеніе недокосокъ указъ 1769 года грозилъ выборнымъ властямъ сурвымъ наказаніемъ¹⁾). Такая же регламентація коснулась и однодворцевъ; со второй половины XVIII столѣтія они сами должны были выбирать подчиненныхъ губернаторамъ управителей: по вѣду причи-няемыхъ ими „тягчайшихъ беззаконствъ“ населенію и затрудненій присутственнымъ мѣстамъ должность ихъ вскорѣ была от-мѣнена и управление однодворцами снова передано губернскимъ, провинциальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; всѣдѣ за тѣмъ они стали вѣдать также и новокрещеныхъ²⁾). Съ 1775 г. черносошные крестьяне вмѣстѣ съ другими казенными поступили въ вѣдомство казенныхъ налать и были поручены въ вѣдѣніе директоровъ экономіи³⁾). Правительственная регламентація крестьянскаго самоуправленія получила въ то время болѣе общий характеръ: въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія „установленіе“ императрицы Екатерины II о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества⁴⁾ и высочайше конфирмованый докладъ, поднесенный императору Павлу „отъ экспедиціи государственного хозяйства и опекунства иностраннѣхъ и сельскаго домоводства“.

¹⁾ И. С. З., т. XV, № 11120; т. XVII, № 13300, п. 7. Ср. еще инструкцію сотскому: т. XIX, № 14231. *Н. Брюсскій*, Оп. сіт., стр. 57 и сл.; стр. 99 и сл.

²⁾ И. С. З., т. XV, №№ 10998 и 11527; т. XVI, №№ 11758 и 12126. *С. Соловьевъ*, II, Р., V, 1235.

³⁾ Въ силу „учрежденія объ императорской фамиліи“ 5 апрѣля 1797 года дворцовые крестьяне были снова выдѣлены изъ состава казенныхъ и перешли въ вѣдомство удѣловъ; въ § 5 Учрежденія напечатано: „Имѣнія, въ удѣльѣ опредѣленія, выходя изъ класса имѣній государственныхъ, хотя въ числѣ помѣщичьихъ не поступятъ и названіе имѣютъ удѣльныхъ, но во всѣхъ слу-чаяхъ, где употребленіе помѣщичьихъ владѣній потребно, удѣльные наряду съ ими употребляются и одинаковымъ образомъ нижнимъ и верхнимъ судамъ подсудимы“; И. С. З., т. XXIV, № 17906; ср. ib., т. XXI, № 15141 (Отд. III, ст. 26) и т. XXV, № 18713. см. еще Исторію Удѣловъ, II (Спб., 1901 г.), Отд. I, стр. 1 и сл.

Установление 1787 года, составленное „по сходствію съ высочайшими экономическими пунктами и другими установлениями“, представляетъ мѣстечкамъ въ 1000 дворовъ и болѣе выбирать себѣ сельского старшину, и сверхъ того на каждые 500 дворовъ—сельского старосту, двухъ выборныхъ и сборщика податей; число старость и выборныхъ въ селахъ и деревняхъ съ меньшимъ числомъ дворовъ соотвѣтственно мѣнялось; въ поселеніяхъ величиною въ 15—50 дворовъ велѣно быть по одному только сельскому старостѣ. Соотношеніе между этими выборными властями въ установлении еще очень мало выяснено; оно опредѣляется вѣдомство ихъ, каждой порознь. Сельской старшине имѣть исполнительную власть. Сельской староста пользуется, главнымъ образомъ, хозяйственной властью. Выборные „въ присутствіе старости“ раскладываютъ сборы; за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ общемъ сужденіи о маловажныхъ спорахъ принимаютъ участіе старшина, староста и выборные, постѣднѣмъ поручается самостоятельное разбирательство ихъ. Подъ контролемъ всѣхъ этихъ властей сборщикъ собираетъ подати. Наконецъ, для отправленія пизшихъ полицеїскихъ функций учреждаются на каждые сто дворовъ—сокскіе, а на каждые десять дворовъ — десятскіе; они исправляютъ свою должность по очереди. Установление 1787 года опредѣлило также иѣкоторые права самихъ обществъ: каждое общество имѣть свою избу, казну и писаря; оно на сходѣ назначаетъ своихъ членовъ по очереди для отбыванія рекрутской повинности; оно тамъ же выслушиваетъ предложенія, дѣлаемыя ему мѣстной администрацией (генераль-губернаторомъ, губернаторомъ и директоромъ экономіи) и чинить отвѣтъ, сходственный узаконеніямъ и общему добру; оно даже можетъ представлять губернатору и директору экономіи о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ, лишь бы это не было противно общему благу и узаконеніямъ¹⁾). Установление 1787 года, кажется, имѣло въ виду преимущественно упорядочить сельское общественное управление; иѣкоторымъ изъ его пунктовъ, въ томъ числѣ довольно характернымъ (напр. о сборщикѣ податей и о ходатайствахъ объ общественныхъ нуждахъ), соответствуютъ и известная статьи общаго положенія 1861 года.

Высочайше конфирированный 7 августа 1797 года докладъ отъ экспедиціи государственного хозяйства и опекунства иностраннѣй и сельского домоводства, напротивъ, главнымъ образомъ, касается волостного управления: оно подчиняетъ селеніе волости. Правиламъ 1797 года едва ли удалось, однако, ясно разграни-

¹⁾ П. С. З., т. XXII, № 16803. Сельские старости должны были также завѣдывать призрѣніемъ малолѣтнихъ сыротъ и незаконорожденныхъ; см. выше стр. 102; ср. Б. Чичерина, Опыты, стр. 54—55.

чить понятія о сельскомъ обществѣ и о волостномъ: выборные власти обѣихъ инстанцій преслѣдуютъ однаковыя задачи и многія изъ функций ихъ однородны; и тѣ, и другія обязаны „взаимно пользѣ поселянъ всякими образы способствовать“; между прочимъ, имъ надлежитъ „пещись о всемъ сельскомъ хозяйствѣ“ своихъ округовъ, напримѣръ, о порядочномъ расположении строеній въ селахъ или деревняхъ, о подлежащей эксплуатации земли и т. п., причемъ земля сельская и волостная прямо не различаются; и тѣ и другія должны „вразумлять и научать поселянъ“ касательно „добро-правія и пользы“, „обнародовать издаваемыя узаконенія и иныя прочитываемыя“ крестьянамъ при церквяхъ и на сходахъ, а также заботиться о „гражданскомъ благочинії“, принимать полицейскія мѣры касательно нищихъ, бродягъ, огня, приличивыхъ болѣзней и т. п.; и тѣ, и другія наблюдаютъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ и мостовъ и т. п.; начальецъ, и тѣмъ, и другимъ поставлено въ обязанность „дѣлать по своимъ мѣстамъ примѣчанія: что къ общей пользѣ ихъ мѣстъ покажется нужнымъ и представлять о томъ, куда слѣдуетъ“, а также быть у поселянъ „прямымъ ходатаями ихъ“. Тѣмъ же менѣе правила въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ уже различаютъ двѣ инстанціи крестьянского самоуправленія: сельское общество и волость; сельскому обществу придается оттѣнокъ имущественнаго союза, волости же—административно-полицейское значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, „сельскимъ“ выборнымъ поставлено въ обязанность „недреманнымъ окомъ бдѣть о цѣлости всѣхъ въ селахъ и деревняхъ недвижимыхъ имѣній“; даѣте, собственно селеніямъ предоставляется и потяготливая раскладка податей: такъ какъ разныя казенные селенія, приписанныя въ одну волость, не могутъ имѣть равнаго количества земель и угодій, да и [такая?] раскладка дѣлается не по мѣрскому приговору всей волости, а по каждому селенію особенно, то постѣднему и должно „дѣлать свою раскладку для полнаго платежа казенныхъ податей по тягламъ и въ оную волостной голова вмѣшиваться не долженъ“. Волость, напротивъ, получаетъ въ правилахъ 1797 года характеръ преимущественно административно-полицейской: имъ отличается и волостное правленіе, и тѣ функции, которыя приписываются исключительно „волостному головѣ“. Волостное правленіе состоить изъ выборныхъ должностныхъ лицъ: волостного головы (избираемаго волостнымъ сходомъ на два года), старосты или выбранаго того селенія, где оно находится, и писаря; въ правилахъ волостному правленію прямо предоставлены только двѣ функции: безъ его дозвolenія никто изъ поселянъ, приписанныхъ къ волости, не имѣть права отлучиться „отъ дома своего“; кроме того оно „ведеть вѣрный счетъ“ хлѣбнымъ запасамъ, хранимымъ въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, а также продаетъ и покупаетъ ихъ.

„по мірскому всеї волости согласію“. Волостному головѣ поручено надзоръ за всѣми сельскими выборными властями. Въ правилахъ не указано, кто производить разверстку повинностей и податей по селеніямъ; во всякомъ случаѣ, волостному головѣ предписывается своевременно взыскивать всѣ окладные и не окладные сборы съ волошанъ и вносить ихъ въ казначейства, причемъ самимъ поселенцамъ предоставляется ежегодно считать его въ тѣхъ деньгахъ, которыя были собраны съ нихъ въ теченіе года на разныя надобности, а въ случаѣ недочета подвергать его взысканіямъ, прибѣгая даже къ „вспоможенію“ земскаго неправника. Волостной голова долженъ быть также „въ маловажныхъ между поселенцами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять; а въ случаѣ несогласія или неудовольствія предоставлять имъ волю развѣдываться въ судахъ“. Такимъ образомъ, судя по правиламъ 1797 года, волости, поскольку она отлиглась отъ сельского общества, придавалось значеніе преимущественно администраціонно-полицейское, что, вирочемъ, не исключало изъ ея вѣдѣнія и „дѣлъ общественныхъ“¹⁾. Простого сопоставленія правилъ 1797 года съ соответствующими главами общаго положенія 1861 года достаточно для того, чтобы убѣдиться въ ихъ сходствѣ: такимъ образомъ, уже въ концѣ XVIII вѣка была въ значительной мѣрѣ выработана та регламентация, которую редакціонная комиссія гораздо позднѣе перенесла и на крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости.

Вирочемъ, между правилами 1797 и положеніемъ 1861 года, обѣ устройства сельскихъ обществъ и волостей есть существенное отличіе въ томъ, что правила 1797 года не содержать никакихъ постановлений о волостномъ судѣ, разработанныхъ впослѣдствіи редакціонными комиссіями. Такой пробѣтъ объясняется тѣмъ, что въ то время судебная функция переданы были, въ силу учрежденія о губерніяхъ 1775 года, въ расправы: нижнюю и верхнюю; здѣсь крестьяне судились съ участемъ собственныхъ представителей; но, вслѣдь за упраздненіемъ расправъ, указомъ отъ 9 сентября 1801 года вѣтко было взамѣнъ нижней расправы „прибавить по два засѣданія изъ поселеній“ въ уѣздномъ и нижнемъ земскомъ судѣ²⁾.

Крестьянскія учрежденія иѣсколько обезпечивали государственныхъ крестьянъ отъ произвола казенныхъ чиновниковъ, но не могли вполнѣ оградить ихъ отъ частыхъ злоупотреблений даже со стороны органовъ правительственной власти. По словамъ

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18092: „главное начальство“ надъ хлѣбными магазинами было также поручено волостнымъ головамъ.

²⁾ П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 75, 335—377, 396; т. XXIV, № 17702 и т. XXVI, № 20004, ст. 7, пп. 4 и 6: поселенце засѣдали и въ совѣтномъ судѣ.

одного изъ поэдѣйшихъ нашихъ дѣятелей, изображенаго, впрочемъ, положеніе казенныхъ крестьянъ въ очень темныхъ краскахъ, «сѣтъ родь людей бѣднѣть и разоряется не менѣе крестьянъ помѣщичихъ; работы и повинности ихъ также неопредѣлены; съ одной десятины худой земли казенный крестьянинъ платить столько же оброку и несеть столько же разнообразныхъ земскихъ и волостныхъ повинностей, какъ другой съ восьми или болѣе. Земскіе неправники суть тоже помѣщики съ тою токмо разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть иѣкоторые способы къ управѣ; но взамѣнъ того сіи трехтѣтие владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ии себѣ, ии потомству не прощать»¹⁾). Эта картина едва ли вполнѣ соответствовала действительности; ноъ пѣй ясно указана та зависимость, въ которой государственные крестьяне находились отъ злоупотреблений казенныхъ чиновниковъ. Извѣстно также, что депутаты отъ государственныхъ крестьянъ имѣли возможность высказать свои нужды въ заѣданіяхъ болѣйной комиссіи о составленіи проекта новаго уложения; но, по закрытии комиссіи, такие случаи уже болѣе не повторялись.

Въ сущности положеніе государственныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ оставалось довольно шаткимъ²⁾. Казна распоряжалась иногда не только государственной землею, но и государственными крестьянами, какъ своей собственностью. Правительство приписывало, напримѣръ, государственныхъ крестьянъ къ горнымъ и другимъ заводамъ для отработки податей; эта мѣра, возникшая еще въ XVII вѣкѣ, разумѣется, стала практиковаться гораздо чаще въ елѣдующемъ столѣтіи, такъ что общее число приписныхъ крестьянъ съ 1719 года, когда ихъ числилось до 31.383 д., къ концу вѣка (1794—1796 гг.) возросло по крайней мѣрѣ въ десять разъ; въ томъ числѣ болѣе трети ихъ было приписано къ частнымъ заводамъ. А между тѣмъ съ такою припиской заводскія конторы получали возможность «наряжать крестьянъ

¹⁾ Гр. М. Снеринскій, О крѣпостныхъ людяхъ въ Арх. ист. и практ. св. И. Калачова, кн. III, Спб. 1859 г., ст. 13—14; разсужденія автора, написано не раньше 1827 года; см. стр. 7 и 11. Ср. «Девятнадцатый вѣкъ», изд. подъ ред. П. Бартенева, II, 157 и 164. Въ тѣхъ уѣздахъ, где было мало или вовсе не было дворянскихъ имѣній, земскій неправникъ, стоявшій во главѣ нижняго земскаго суда, опредѣлялся «намѣстническимъ правителемъ изъ чиновныхъ людей по представлению трехъ достойныхъ людей отъ верхнѣй расправы»; см. П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 23, 66, 235 и сл.; ср. т. XXV, № 18352.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что въ указахъ отъ 25 ноября 1741 г. (ср. выше стр. 95) и отъ 3 юля 1762 г. (П. С. З., т. XVI, № 11591) вѣтвьно приводить къ присягѣ всякаго чина людей «кромѣ пашенныхъ крестьянъ»; въ числѣ разрядовъ населенія, приводимыхъ къ присягѣ, государственные крестьяне особо не упоминаются; ср. выше стр. 133.

на работу и во время работы въдали ихъ судомъ и расправой", что открывало, конечно, широкій доступъ всяческимъ злоупотреблениямъ; "порабощеніе крестьянамъ свыше мѣръ человѣческихъ, а паче съ мучительствомъ чинимо было". Естественно, что "мучительства" порождали крестьянскія волненія: одно изъ нихъ уже возникло въ 1678 году; они продолжаются въ теченіе всего XVIII вѣка. Только послѣ изрѣстнаго движенія крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ (особенно въ 1760—1764 гг.), правительство стало воздерживаться отъ новыхъ приписокъ крестьянъ къ частнымъ заводамъ и даже забрали изъ нихъ въ казну за долги владѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе еще въ 1794—1796 гг. въ такомъ положеніи числилось до 70.965 д. Впрочемъ, съ конца шестидесятыхъ годовъ были сдѣланы попытки улучшить бытъ приписанныхъ крестьянъ, а съ 1781 года (янов. 30) приставамъ казенныхъ промысловъ и заводовъ, а также частнымъ людямъ было запрещено самимъ наказывать казенного вѣдомства крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ; но только въ 1803 году, да и то крестьяне, приписанные къ однимъ только уральскимъ заводамъ, были освобождены отъ обязательной заводской работы; взамѣнъ ихъ изъ людей, набранныхъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ, образовался особый классъ "непремѣнныхъ работниковъ", вошедшихъ въ составъ посессіонныхъ крестьянъ¹⁾. Другая мѣра, свидѣтельствующая о томъ же взглядѣ правительства на государственныхъ крестьянъ, какъ на казенную собственность, состояла въ раздаче населенныхъ имѣній: она практиковалась издавна, по получила значеніе безусловного пожалованія людей людьми только послѣ перемѣнъ, описанныхъ выше; въ награду за службу или за особыя услуги, оказанныя правительству или монарху, можно было получить отъ него населенное имѣніе: бывали случаи пожалованія и "для увеселенія". Такая раздача уже производилась при Петрѣ I, по особенно возрасла при Екатеринѣ II и Павлѣ I; въ то время около 700000 душъ мужескаго пола (изъ нихъ около 300000 въ теченіе 1796—1801 гг.) было раздано въ частную собственность; достаточно было письменнаго именнаго указа сенату для того, чтобы лишить многихъ государственныхъ крестьянъ даже тѣхъ весьма скромныхъ преимуществъ, которыми они пользовались сравнительно съ помѣщичными крестьянами. И только съ 1801 года пожалованія населенныхъ имѣній были прекращены и уже болѣе не возобновлялись²⁾.

¹⁾ Сб. Р. И. О., VII, 188—195. В. Семевскій, Оп. сіт., II, 295—593.

²⁾ Отдельные примѣры пожалованій см. въ Сб. Рус. Ист. Общ., VII 108—110; Арх. кн. Воронцова, XIII, 354—356 и др. К. Побѣдоносцевъ, Оп. сіт., 219—229.

Такимъ образомъ, къ началу XIX столѣтія прежнее различие въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ усилилось: государственные крестьяне были окончательно освобождены отъ раздачи помѣщикамъ, крѣпостные—продолжали зависѣть отъ ихъ производства; государственные крестьяне состояли въ вѣдѣніи органовъ казенного управления: крѣпостные же отстранялись отъ такихъ отношеній помѣщиками, стоявшими между ними и государственной властью; права и учрежденія государственныхъ крестьянъ были отчасти признаны закономъ: крестьяне помѣщичьи, напротивъ, оставались почти „мертвыми въ законѣ, развѣ по дѣламъ уголовнымъ“. Тѣмъ не менѣе въ положеніи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ того времени можно указать и на иѣсколько общихъ чертъ, въ сущности отрицательного характера: мысли о высокомъ значеніи всякой человѣческой личности и обѣ „общемъ правѣ государственныхъ родовъ“, уже мелькнувшія въ сознаніи русскаго общества шести-десятыхъ годовъ XVIII-го столѣтія, почти не отразились въ законодательствѣ: попытіе о „гражданнѣ“, уже отчасти усвоенное лучшими представителями нашей общественности конца этого вѣка, было слишкомъ чуждо большинству общества, проникнутому сословно-крѣпостническими тенденціями, а также слишкомъ мало согласовалось съ понятіями о „государственныхъ родахъ“ и обѣ абсолютизмѣ для того, чтобы утвердиться въ законодательной политикѣ; а при такихъ условіяхъ всего болѣе теряли тѣ, которые принадлежали къ „нижнему роду людей“. Даже ничтожныя права и учрежденія, казалось, признанныя за крестьянами въ силу обычая, были очень плохо обеспечены и оставались почти безъ всякой охраны въ законѣ; отсюда прос текали тяжелыя послѣдствія и для самихъ крестьянъ, и для государства: крестьяне отвыкали отъ правомѣрныхъ отношеній, ибо законъ, поддерживавший порядокъ, „противный справедливости“, не могъ винить имъ должного уваженія къ нему, а „всегдашнее на предметы рабства [воззрѣніе] порождало въ другихъ слояхъ общества привычки и поползновенія, вредныя для „общаго блаженства“. „Можетъ ли государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, писалъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ публицистовъ XVIII вѣка, называться бла-

Рус. Стар. 1878 г., XXIII, 737 (о пожалованіи кн. А. Г. Долгорукову 12.000 крестьянъ). В. Семёсовъ. Раздача населенныхъ имѣнъ при Екатеринѣ II въ Отеч. Зап. 1877 г. № 8 и Пожалование населенныхъ имѣнъ въ царствование импер. Павла въ Рус. Мысли 1882 г., № 12; по подсчету автора общий итогъ пожалованій императора Павла I равняется 287.941 д. м. п.; во изъ 528 пожалованій размѣръ 16 остается неизвѣстнымъ.

женнымъ?"; иѣтъ, оно будетъ блаженнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда "спокойствіе и миръ водворятся въ сердцахъ гражданъ, а не тогда, когда въ немъ царствуетъ только тишина и устройство". Между тѣмъ русское правительство XVIII вѣка смотрѣло на крестьянъ, главнѣйшимъ образомъ, какъ на плательщиковъ государственныхъ податей и даже въ вѣкъ "просвѣгшаго абсолютизма" далеко не успѣло освободиться отъ исключительно фискальной точки зрѣнія на сельское населеніе. Въ русскомъ обществѣ того времени можно было, однако, встрѣтить людей, уже думавшихъ иначе: они были убѣждены, что государство существуетъ въ виду общаго блага гражданъ и что народъ долженъ имѣть право на "гражданское званіе" и пользоваться его преимуществами, а не только служить государству. Всякому, кто созидалъ справедливость этихъ требованій, суровая дѣйствительность казалась еще болѣе тяжелой, по изъ такого сознанія онъ могъ черпать и живыя силы для обновленія ея въ дальнѣйшемъ будущемъ...

А. С. Лаппо-Данилевскій.

9515
Чуб

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

2609302

DUP MAR '70 H

28971
Canc'd
OCT 17 1973
70 H
MC 3572 H
5094441